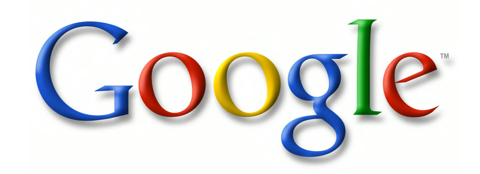

Nummer 74

41497

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ВАСИЛІЕМЪ ЖУКОВСКИМЪ.

ЧАСТЬ XXXX.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи,
1808.

Съ одобренія Ценсурнаго Комитета, учрежденнаго для Округа Императорскаго Московскаго Университета.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

Іюль, 1808.

№ 13.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Густавъ Обинье.

(Продолженіе.)

На другой день я нашелъ у Герцогини Деступвиль большое общество, и между прочими Виконта Вилляра, того молодаго человѣка, котораго непринужденное обхожденіе съ Эвелиною показалось мнѣ столь досаднымъ: не будучи еще рѣшительно привязанъ къ Эвелинѣ, я былъ оскорбленъ ея вниманіемъ къ Виллару; но тутъ душа моя познакомилась съ чувствомъ ревности. Входя въ залу, я прежде всѣхъ замѣтилъ Виконта: онъ стоялъ за стуломъ Эвелины, говорилъ, смѣялся; и мнѣ, почему не знаю, пришло въ голову, что предметомъ ихъ разговора былъ я. Эвелина шутила, когда

Вилларъ задумывался; Вилларъ смѣялся, когда Эвелина принимала на себя важный видъ; одинъ доказывалъ, другая старалась увѣрить. Какое сношенïе имѣетъ онъ съ Эвелиною? спросилъ я у самаго себя. Приближаюсь къ нимъ; Эвелина принимаетъ меня очень холодно; — я разсердился, отошелъ прочь и сѣлъ въ уголъ. Вилларъ посматривалъ на меня очень часто и колко улыбался; Эвелина смѣялась и избѣгала моихъ взоровъ: это показалось мнѣ слишкомъ обиднымъ; я вскочилъ и сѣлъ на кресла подлѣ самой Эвелины. По крайней мѣрѣ буду мѣшать имъ, естьли они согласились меня мучить, подумалъ я — но что же сдѣлала Эвелина? Не спрашивая, будетъ ли это мнѣ прïятно, она представила меня Виконту Виллару: онъ подошелъ ко мнѣ съ веселою непринужденностïю, взбѣсилъ меня своимъ прïятнымъ учтивствомъ: мнѣ чрезвычайно хотѣлось сказать ему грубость. Эвелина смотрѣла на меня съ удивленïемъ: угрюмость лица моего показалась ей странною. Виконтъ, сказавши мнѣ два слова, удалился, какъ будто опасаясь найти во мнѣ скучнаго ревнивца. „Знаете ли, Густавъ, что ваше обхожденïе съ Виконтомъ смѣшно и даже грубо?“ сказала мнѣ Эвелина. — Ктожъ препятствуетъ ему разсердиться? — „Но по какому праву позволяете

вы себѣ дѣлать непріятности моимъ знакомымъ?" — Этотъ Виконтъ единственный человѣкъ, котораго не могу видѣть! — „Я съ вами согласна, прибавила она съ насмѣшливымъ взглядомъ, можете ли находить пріятнымъ такого человѣка, который обходителенъ, учтивъ, имѣетъ тонкое чувство приличія?" — Прибавьте! возкликнулъ я, перемѣнившись въ лицѣ отъ досады, что онъ увѣренъ въ своемъ превосходствѣ и въ томъ высокомъ мнѣніи которое имѣютъ объ немъ другіе. — Она замѣтила, что я выхожу изъ себя: взглядъ ея сдѣлался робкимъ и нѣжнымъ. „Густавъ, продолжала она съ выраженіемъ чувствительнаго упрека, вы хотите, чтобы я васъ боялась! могла ли я думать, чтобъ нѣжный, благородный, великодушный Густавъ способенъ былъ повредить доброму имени женщины своею вспыльчивостію, или своею" . . . Она замолчала и покраснѣла; но я угадалъ ея мысли... я произнесъ то слово, котораго не смѣла произнести Эвелина — *или своею привязанностію!* сказалъ я съ восхищеніемъ во глубинѣ сердца. Эвелина меня оставила и сѣла подлѣ Герцогини; я вышелъ въ другую залу: здѣсь, по нещастію, мужчины играли въ банкъ; я остановился у стола, смотрѣлъ на игру, но занимался одною Эвелиною: я видѣлъ эту улыбку, кото-

рая отвѣчала не мнѣ, а другому; эти прелестные глаза, которые не хотѣли встрѣтиться съ моими; я снова почувствовалъ досаду: въ эту минуту представляется глазамъ моимъ Вилларъ; онъ металъ банкъ; я въ первый разъ почувствовалъ желанїе играть: мнѣ страшно хотѣлось *выиграть*; я не помыслилъ о проигрышѣ; возможность кольнуть и разсердить Виллара меня прельстила: я бросилъ на столъ всѣ свои деньги и проигралъ ихъ; занимаю у своихъ знакомыхъ: проигрываю сто, двѣсте, триста луидоровъ; — я готовъ былъ поставить на карту все имѣнїе, чтобы только отнять у Виллара оскорбительную мысль, что онъ и въ игрѣ можетъ быть меня щастливѣе; былъ внѣ себя, хотѣлъ играть на честное слово — вдругъ слышу позади себя прїятный голосъ Эвелины: „Графъ Обинье, Герцогиня имѣетъ въ васъ нужду: подите къ ней сїю минуту!" — Оборачиваюсь, вижу Эвелину, блѣдную, въ безпокойствѣ: она удалилась; встаю, бѣгу за нею въ слѣдъ; она останавливается на минуту посреди горницы, поднимаетъ глаза къ небу, и говоритъ: *вы ли это, Густавъ!* Она запретила мнѣ за собою слѣдовать. Въ какомъ остался я униженїи!

Я подошелъ къ Герцогинѣ Деступвиль; остановился; ожидалъ ея приказанїя.

Герцогиня, съ своей стороны, смотрѣла на меня съ любопытствомъ, спрашивала взоромъ: какую имѣю до нее нужду? — „Графиня Адельмаръ увѣряетъ, что вамъ угодно мнѣ что-то приказать. — „Эвелина, говорите вы! спросила Герцогиня съ удивленїемъ.“ — Я смѣшался, почувствовалъ, что Эвелина обманула меня только для того, чтобъ отвести отъ игры, отвѣчалъ нѣсколько несвязныхъ словъ, стоялъ потупивъ глаза. „Вижу, продолжала Герцогиня, что Эвелина разсудила и меня вмѣшать въ свою шутку! Очень хорошо: я почитаю себя въ правѣ требовать отъ васъ объясненїя! Не отходите, государь мой, отъ моего кресла — я намѣрена съ вами переговорить, какъ скоро останемся одни!“ — Я принужденъ былъ сидѣть подлѣ нее цѣлый вечеръ. Эвелина, печальная, погруженная въ мысли, стояла у камина; къ ней подошелъ Виконтъ Вилларъ — до сего времени она ни разу не подымала на меня глазъ — я чувствовалъ, что онъ разсказывалъ ей о нашей игрѣ; надобно отдать справедливость Виконту, ему непрїятно было, когда я началъ играть. Эвелина слушала его со вниманїемъ; но отвѣчая Вилмару, она смотрѣла на меня: съ той самой минуты, въ которую онъ къ ней приблизился, она безпрестанно занималась мною, ни на минуту не теряла меня изъ виду —

такое нѣжное доказательство привязанности, сей трогательный знакъ предпочтенія успокоили, развеселили мою душу: неизъяснимая сладость, неизъяснимое очарованіе въ нее проливались! Какъ былъ я привязанъ въ эту минуту къ Эвелинѣ! съ какимъ восхищеніемъ, упавши къ ногамъ ея, признал бы себя виновнымъ! Какая несправедливость съ моей стороны! думалъ я: Виконтъ Вилларъ ее любитъ — удивительно ли? Онъ знаетъ ея сердце, онъ чувствуетъ ея прелесть! Эвелина говоритъ, что онъ любезенъ, остроуменъ, веселъ — она говоритъ правду! Я самъ почти люблю Виллара! я самъ желалъ бы имѣть съ нимъ болѣе сходства!" —

Въ одиннадцать часовъ всѣ разъѣхались. Герцогиня сѣла въ свои большія кресла, подозвала къ себѣ Графиню Адельмаръ; приказала мнѣ придвинуть стулъ и спросила у насъ: за чемъ звала меня къ ней Эвелина? Мы оба не отвѣчали ни слова. „Какъ вы хотите! но въ мои лѣта очень простительно знать, что дѣлаешь: потрудитесь, Густавъ, обьяснить мнѣ, для чего просила я Эвелину васъ кликнуть!" — Знаю только то, милостивая Государыня, что я, въ угодность вамъ, готовъ все оставить! — „А я знаю, что вы очень учтивы; но этого мало; одинъ изъ насъ долженъ быть непре-

мѣнно виноватымъ, и я весьма буду вамъ обязана, естьли вы разсудите открыть мнѣ, кто этотъ виноватый." — Еще нѣсколько минутъ молчанія. — Наконецъ Эвелина сказала: матушка, въ залѣ играли въ банкъ; я боялась, чтобы Графъ Обинье не забылся; я удалила его вашимъ именемъ! — „Хвалю твое чувство, моя милая; но въ другое время не совѣтую быть столь осторожною за другихъ. Въ твои лѣта очень опасно исправлять чужія погрѣшности. Что скажешь, на примѣръ, естьли завтре начнутъ говорить въ обществѣ о твоемъ любезномъ вниманіи къ Густаву, о твоей дружеской о немъ попечительности?" — Намѣреніе мое невинно! — „Могу ли въ этомъ сомнѣваться! но, милая, всякое невинное намѣреніе должно разсматривать два раза, дурное всегда очевидно и само собою бросается въ глаза!" — Эвелина встала, обняла со слезами свою бабушку, взоромъ просила у нее прощенія. Вижу, сказала она печальнымъ голосомъ, что мнѣ не должно заботиться о совершенствѣ Густава! — „Другая крайность, отвѣчала Герцогиня; требую только того, чтобы впередъ твои совѣты переходили къ Густаву черезъ меня" — Я поцѣловалъ съ сердечнымъ почтеніемъ руку Герцогини. — „Что касается до васъ, государь мой, то завтра поутру узнае-

те мысли мои о вашемъ поведенїи: прошу приготовиться къ ужасной проповѣди!“ — Она встала, мы простились — я прїѣхалъ домой въ великой досадѣ на самаго себя, и съ новою привязанностїю къ Эвелинѣ.

Это *завтра* былъ первый день Новаго года. Рано поутру подали мнѣ печать съ прекрасною, значительною для меня эмблемою: Амуръ пишетъ вензель; начальная буква моего имени уже написана, другой еще нѣтъ; рука Амура приготовилась ее начертать — конечно хотѣли, чтобы сердце мое само собою угадало сїю таинственную букву. Къ печати приложена была бумага; я развернулъ ее и прочиталъ слѣдующее:

Портретъ Густава, когда онъ будетъ имѣть двадцать пять лѣтъ.

„Густавъ высокъ ростомъ, очень строенъ, имѣетъ наружность величественную. Всѣ его движенїя благородны; онъ могъ бы показаться слишкомъ важнымъ, когда бы легкїй оттѣнокъ нѣжной безпечности не дѣлалъ его особенно прелестнымъ. Чувствуешь, что на лицѣ его могло бы изобразиться негодованїе, но спрашиваешь, кто въ состоянїи оскорбить Густава?

„Взглядъ его столь же непороченъ, какъ и душа; въ гармонїи своего голоса имѣетъ

онъ какую-то прелестную тихость, какую-то нѣжную привѣтливость; онъ столь привлекателенъ своимъ обращенїемъ, что разговаривая съ нимъ всегда остаешься доволенъ самимъ собою: думаешь, что никто кромѣ тебя не могъ внушить ему того милаго слова, которымъ онъ тронулъ твое сердце. Онъ возвращаетъ самымъ обыкновеннымъ привѣтствїямъ учтивости первоначальную ихъ выразительность — говоря: *здравствуй*, онъ желаетъ вамъ щастїя; говоря: *здоровы ли вы*, онъ искренно принимаетъ участїе въ вашемъ положенїи.

„Поступки Густава ознаменованы особенною высокостїю: онъ не призналъ бы себя великодушнымъ, когда бы не былъ нѣсколько расточительнымъ. Никто скорѣе Густава не привлекаетъ вашей довѣренности; но довѣренности полной, несмѣшанной ни съ какимъ опасенїемъ; онъ не имѣетъ ни легкомыслїя, ни суровости; признаетесь ли ему въ своемъ проступкѣ — онъ огорчается, но болѣе тѣми обстоятельствами, которыя противъ воли вовлекли васъ въ заблужденїе: онъ глубже васъ проницаетъ во внутренность вашего сердца, находитъ въ немъ тайнѣйшїя побужденїя, болѣе извинительныя и ускользнувшїя отъ собственнаго вашего взора; словомъ, онъ отнесетъ скорѣе ваше пре-

ступленіе къ несовершенству и слабостямъ человѣческимъ, нежели рѣшится обвинять въ немъ единое ваше сердце.

„Негодованіе Густава можно назвать кроткимъ: онъ мимоходомъ и слегка намекаетъ о своихъ неудовольствїяхъ; сожалѣетъ объ васъ, дѣлая вамъ упреки; не помнитъ зла; не можетъ въ душѣ своей питать ненависти. Начните передъ нимъ обвинять его друга: онъ закроетъ глаза и будетъ просить пощады, удивляясь, что вы имѣете духъ огорчать его.

„Двадцати лѣтъ, Густавъ имѣлъ расположеніе къ ревности. Однажды въ своей досадѣ едва не помрачилъ онъ имя такой женщины, которая почти не говорила съ нимъ и о дружбѣ. Густавъ привязанъ къ чести, чувствителенъ, нѣженъ въ своихъ чувствахъ. Мысль, что онъ едва не сдѣлалъ такого проступка, который никогда не бываетъ заглаженъ, изправила его навѣки. Одно слово успокоило его ревность — единому взгляду надлежало бы предупредить ее!

„Никогда Густавъ не позволяетъ себѣ оскорблять другаго. Острая насмѣшка бываетъ забавна и для него; онъ не имѣетъ духу опорочить ее, даже не можетъ воздер-

жаться отъ улыбки; но всегда чувстви-тельно, что его улыбка непроизвольная, что онъ готовъ осуждать за нее самаго себя — по крайней мѣрѣ смѣхъ его только видимъ и никогда не бываетъ слышенъ.

„Смотря на Густава, можешь бояться того нѣжнаго чувства, которымъ всякой бываетъ невольно къ нему привязанъ: мучишься мыслїю, что ты не одна ему любезна. Душа его, столь нѣжная и добрая, потеряла бы слишкомъ много отъ перемѣнчивости; но можно ли поселить въ ней привязанность постоянную. Гдѣ женщина, которая *одна* могла бы служить ему вѣрною спутницею на трудной дорогѣ жизни, одна могла бы охранить его отъ всѣхъ очаровательныхъ заблужденїй сердца? Естьлибъ Густавъ имѣлъ не болѣе двадцати лѣтъ, то я сказала бы ему: не вѣрь симъ первымъ впечатлѣнїямъ, симъ увлекающимъ чувствамъ души, которыя дѣлаютъ человѣка столь перемѣнчивымъ: дай болѣе твердости своимъ качествамъ; обрати въ правила свои разположенїя — въ противномъ случаѣ, твои прекрасныя качества будутъ опаснѣе для тебя самыхъ недостатковъ.“

Я нѣсколько разъ перечитывалъ эти строки. Кому, кромѣ Эвелины, прислать

мнѣ такой подарокъ, думалъ я, и благодарилъ ее во глубинѣ души, забывъ вчерашнюю на нее досаду, и будучи твердо увѣренъ, что она сама обо всемъ забыла. Ввечеру ѣду къ Герцогинѣ: дорогою стараюсь выдумать, какимъ бы средствомъ доказать Эвелинѣ, что мое сердце не угадало ее. Она сидѣла въ гостинной, вмѣстѣ съ Герцогинею, которой читала вслухъ новую книгу. Пріѣздъ мой не заставилъ ее перемѣнить положенія: она какъ будто не замѣтила, что я въ комнатѣ, даже не подняла на меня глазъ. Герцогиня, болѣе обыкновеннаго веселая и любезная, отняла у нее книгу. Я обѣщалась съ вами ныньче браниться, Густавъ, сказала она; но лучше отложить мою мораль до завтрешняго утра — всѣ старыя женщины твердо увѣрены, что первый день года надобно проводить безъ ссоры. Скажите, Густавъ, много ли вы получили подарковъ? — „Ни одного, милостивая Государыня!" — (я не хотѣлъ упоминать о печати и портретѣ, которые почиталъ залогами вѣчной дружбы, а не простымъ подаркомъ на Новый годъ) — Какъ ни одного! воскликнула Герцогиня съ притворнымъ удивленіемъ: бѣдный молодой человѣкъ! не уже ли никому не пришло въ голову объ васъ вспомнить? — „Никому, милостивая Государыня!" — Густавъ, я удивляюсь вашей скромности; но

должно признаться, что она выходитъ изъ границы! развѣ не получали вы отъ меня печати? — „Какъ, милостивая Государыня! воскликнулъ я, пораженный удивленїемъ, эта печать ваша?“ — Что же находите въ этомъ страннаго? Я! точно я, имѣла удовольствїе послать къ вамъ нынче поутру маленькаго Амура! — Надобно думать, что удивленїе, изобразившееся на лицѣ моемъ, было очень странно: Герцогиня не могла воздержаться отъ смѣха. Эвелина съ досадою и невольною улыбкою воскликнула: я готова божиться, что онъ прїѣхалъ благодарить за этотъ подарокъ меня! — „А я не ожидала такого благоразумнаго замѣчанїя, сказала Герцогиня. Какъ можешь думать, моя милая, чтобы Густавъ вообразилъ такую глупость! Онъ точно отъ меня получилъ Амура, который пишетъ вензелъ, и къ имени Густава хочетъ присоединить другое: слѣдственно мое — это натурально!

Эвелина опять начала читать, а я опять сдѣлался веселъ: никто на свѣтѣ, послѣ Эвелины, не казался мнѣ столь привлекательнымъ, какъ милая, любезная Герцогиня Деступвиль! не только была она добродушна, снисходительна, весела въ обхожденїи съ своею внучкою; но можно сказать, что, будучи съ нами въ троемъ,

она была забавна и болѣе обыкновеннаго любезна. Признаюсь однако, что я находилъ ее непостижимѣе самой Эвелины! Какимъ чудомъ, спрашивалъ я у самаго себя, и та и другая могли забыть о Графѣ Адельмарѣ? Что значитъ ихъ совершенное объ немъ молчанїе? — Я внутренно желалъ, чтобы отсутствїе его продолжилось: всякое чувство души стремило меня къ Эвелинѣ — исколь она казалась мнѣ привлекательною! Какъ изобразить эту прелестную смѣсь ловкости въ обращенїи, знанїя людей и чистой непорочности сердца? Эвелина имѣла не болѣе осьмнадцати лѣтъ, но уже четвертый годъ, какъ была за мужемъ. Она никогда не разлучалась съ Герцогинею Деступвиль; будучи подъ присмотромъ попечительнаго друга, но совершенно свободная въ поступкахъ, она сохранила всю прелесть непринужденности, характеръ веселый и откровенный; думала, что все, незапрещаемое Герцогинею, было позволено; будучи совершенно чувствительна и простосердечна, имѣла прїятную улыбку младенца: самая неосторожность ея казалась ясною, веселою беззаботностїю чистаго сердца.

На другой день получаю отъ батюшки письмо. Онъ увѣдомляетъ меня, что всѣ дѣла его кончаны, что онъ въ слѣдъ за письмомъ своимъ будетъ въ Парижѣ. Лечу

къ Эвелинѣ: нахожу ее одну въ гостиной; спѣшу раздѣлить съ нею свое волненїе: холодность и недовольный взглядъ ея меня остановили. Я почувствовалъ, что она хотѣла казаться сердитою, поклонился ей молча, и сѣлъ въ уголъ. Я не безпокоился; посмотримъ — говорилъ я самому себѣ — будетъ ли она помнить объ этой ссорѣ, когда скажу ей: завтрешнїй день батюшка возвратится въ Парижъ.

Эвелина, помолчавъ нѣсколько минутъ, спросила: были ли вы, господинъ Обинье, съ визитомъ у Виконта Виллара? — „Я забылъ думать, что есть на свѣтѣ Виконтъ Вилларъ." — Сожалѣю! мнѣ кажется, что вы могли бы сдѣлать учтивость такому человѣку, который вездѣ хорошо принятъ, съ которымъ вы сами обошлись третьяго дни такъ ласково. Надобно признаться, что ваша учтивость примѣрная! — „Въ глазахъ моихъ учтивость тоже почти, что дружба; есть ли обхожденїе мое покажется нѣсколько грубымъ, то надобно знать, что я не *хочу* быть учтивымъ." — Привычка очень любезная! Но можете ли мнѣ сказать, Государь мой, что было причиною вашей невѣроятной грубости съ Виконтомъ? — „Я не думаю себя оправдывать, милостивая Государыня, но смѣю надѣяться,

4427

что вамъ извѣстна причина моего страннаго поступка." — Извините! цѣлые два дни стараюсь угадать ее, и все напрасно! — „По крайней мѣрѣ я имѣлъ щастїе цѣлые два дни занимать собою ваши мысли!" — Эвелина вся покраснѣла отъ досады — Такъ, Государь мой, очень возможно заниматься два дни тѣмъ человѣкомъ, котораго желаешь забыть на всю жизнь! — Ея волненїе и слезы тронули мое сердце. — Эвелина, я виноватъ, непростительно виноватъ передъ вами! воскликнулъ я, садясь подлѣ нее на кресла; но развѣ не могу извинить себя любовїю? — „Боже мой! что пользы въ такой дружбѣ, которая вмѣсто того, чтобъ доставлять намъ щастїе, только разрушаетъ его!" — Скажите, могъ ли я владѣть самимъ собою? — „Государь мой! такого рода изступленїе непостижимо; хочу, чтобы любили меня, какъ я люблю сама, ни болѣе, ни менѣе!" — Нѣтъ, Эвелина, милаго человѣка предпочитаешь самому себѣ! Какъ можете въ этомъ сомнѣваться? — Она потупила глаза, въ которыхъ не осталось и тѣни досады. — Огорчить меня, и — что еще хуже, проиграться, жертвоват своимъ честнымъ словомъ ... Густавъ! могла ли я это предвидѣть? — „Эвелина, хотите ли меня выслушать? Минуты дороги: въ будущемъ

можетъ быть ожидаютъ насъ однѣ нещастія." — Она посмотрѣла на меня съ безпокойствомъ и робостію, и сердце мое облегчилось; я зналъ, что одно слово о будущемъ заставитъ ее позабыть прошедшее. — „Завтра возвратится батюшка!" — Она перемѣнилась въ лицѣ. Густавъ! сказала она, я намѣрена была вамъ дѣлать упреки; но теперь не время; прибавлю одно слово: обѣщайтесь . . . . Дверь отворилась, вошла Герцогиня; я не могъ узнать, чего Эвелина хотѣла отъ меня требовать; но я готовъ былъ, во что бы то ни стало, исполнить ея малѣйшее желаніе.

Я объявилъ Герцогинѣ о пріѣздѣ батюшки; она нѣсколько смѣшалась. Густавъ! сказала она мнѣ, вы кажетесь печальны! но я увѣрена, что возвращеніе батюшки васъ радуетъ. — Можно ли въ этомъ сомнѣваться? Но всякая перемѣна въ положеніи сначала кажется страшною. — „Знаю, что батюшка вашъ имѣетъ нѣкоторое противъ васъ предубѣжденіе. Не хочу ни обвинять его, ни себя оправдывать; напротивъ требую, чтобы вы не старались уничтожать этого нещастнаго предубѣжденія: оно изчезнетъ само собою. Надѣйтесь на время! естьли ему покажется непріятнымъ, что вы посѣщаете насъ слишкомъ часто, то можете испол-

нить волю его и не видаться съ нами столько времени, сколько онъ потребуетъ. Я знаю Графа Обинье: онъ будетъ къ намъ ревновать; ваша привязанность ко мнѣ и къ Эвелинѣ оскорбитъ его родительскую нѣжность. Вѣрьте однако, милый Густавъ, что никогда разлука не можетъ повредить вамъ въ моемъ сердцѣ.“ — Слово разлука испугало Эвелину: она поблѣднѣла; невозможность говорить съ нею свободно приводила меня въ отчаяніе; я повторялъ, что никакое могущество на свѣтѣ не можетъ уменьшить моей привязанности, моего почтенія къ нимъ обѣимъ. Герцогиня меня остановила: „Густавъ! сказала она, теперь ты долженъ думать единственно о томъ, чтобы отецъ твой былъ тобою доволенъ — это необходимо собственно для твоего щастія: отецъ можетъ имѣть пристрастную любовь къ виновному сыну; но въ свѣтѣ всегда уважаютъ дѣтей, которыхъ родители щастливы.“ Эвелина заплакала. Герцогиня не хотѣла примѣтить ея слезъ, и желая можетъ быть ободрить ее, или занять мое вниманіе, прибавила: представляю въ примѣръ Эвелину! въ ней заключено истинное мое щастіе! — Эвелина бросилась въ обьятія Герцогини; мысль, что она дѣлаетъ щастливою свою мать, дала ей силу сокрыть свою горесть.

Садясь за столъ, я осмѣлился напомнить Эвелинѣ, что она обѣщала мнѣ разсказать наканунѣ прїѣзда батюшки всѣ обстоятельства своей жизни. — *Разсказать*, повторила она, взглянувъ на меня съ нѣжнымъ упрекомъ: ахъ, Густавъ! я говорила *вѣрить*! — Милая, милая Эвелина! я былъ привязанъ къ ней всѣми силами души! но я никогда не имѣлъ искуства изобразить своей привязанности такъ убѣдительно, съ такою живостїю, какъ она! однимъ взглядомъ, однимъ выраженїемъ, однимъ звукомъ голоса проницала она прямо въ мою душу; я находилъ близь нее тысячу мѣлкихъ, неожиданныхъ наслажденїй, которыми былъ очарованъ, которыя меня успокоивали, которыя наполняли меня чистымъ щастїемъ.

Я надѣялся, что вставши изъ-за стола Эвелина будетъ свободна, что наконецъ откроется сїя тайна, столь для меня любопытная. — Герцогиня уничтожила мою надежду: она посадила Эвелину за пяльцы, сама сѣла подлѣ нее: надобно было видѣть, какъ эта добрая бабушка, наклонившись на свою внучку, разсматривала ея работу, о которой, весьма вѣроятно, ни мало не думала. Мы не говорили ни слова, но совершенно разумѣли

другъ друга. Герцогиня боялась, чтобъ Эвелина слезами своими не поселила во мнѣ желанїя открыться ей въ своихъ чувствахъ. Эвелина раздѣляла мою печаль, мое нетерпѣнїе: въ глазахъ ея написано было, что она охотно посадила бы меня на мѣсто своей бабушки.

Ввечеру Герцогиня пригласила насъ въ Оперу: будучи вмѣстѣ съ нею въ одной ложѣ, мы не могли объясняться словами, едва осмѣливались давать волю глазамъ. Но случай, который иногда благопрїятствуетъ любовникамъ, привелъ къ намъ стараго Маршала Канильяка, въ ту самую минуту, какъ Герцогиня вставала, чтобъ ѣхать изъ театра. Онъ подалъ ей руку; Герцогиня замѣтила мое удовольствїе, и проходя мимо меня, улыбнулась. Я повелъ Эвелину съ лѣстницы, радуясь, что Маршалъ и Герцогиня, оба очень старые, шли медленно. Эвелина и я слѣдовали за ними въ нѣкоторомъ отдаленїи; мы условились воспользоваться первымъ благопрїятнымъ случаемъ, и примирить съ Герцогинею батюшку. „Вы видите, сказалъ я Эвелинѣ, что вамъ не будетъ возможно объясниться со мною на словахъ; напишите!“ — Эвелина испугалась; осторожность ея меня оскорбила. Имѣйте довѣренность къ моей чести! воскликнулъ я, взгля-

нувъ на нее съ упрекомъ: пусть женщина, которую неоднократные обманы сдѣлали осторожною, боится писать о томъ, о чемъ соглашается говорить! но вы. . . но ко мнѣ! . . . Эвелина видѣла, что я растроганъ; быть можетъ чувствовала, что мы наслаждались послѣдними минутами щастїя; она отвѣчала: „я напишу!“ — Опасаясь, чтобы Герцогиня насъ не услышала, мы шли наклонивъ голову, и разговаривали очень тихо. Два молодыхъ человѣка съ нами повстрѣчались. Одинъ изъ нихъ сказалъ: *что сдѣлалось съ этимъ спокойнымъ, безпечнымъ Графомъ Адельмаромъ?* Я поднялъ глаза, вспыхнувъ отъ досады; Эвелина прижалась къ моей рукѣ: она дрожала. — Густавъ, спросила она, и вы конечно думаете о Графѣ Адельмарѣ? — Мнѣ кажется, что Графъ Адельмаръ о всѣхъ забываетъ: кому же придетъ въ голову объ немъ подумать?“ — Ахъ, Густавъ! прибавила Эвелина со вздохомъ, могли ли вы вообразить, чтобъ я о немъ забыла! — Мы пришли къ подъѣзду; Герцогиня велѣла мнѣ найти ея карету. Возвратясь, искалъ я глазами Эвелину: она стояла позади своей бабушки, была задумчива, не говорила ни слова; я не осмѣлился къ ней приблизиться. Вышедъ изъ кареты, она съ нами простилась. Я нездорова, сказала она Герцогинѣ и, проходя мимо меня, шепнула:

Густавъ! какъ дурно судили вы обо мнѣ! я буду писать непремѣнно! Она удалилась; я принужденъ былъ остаться: этотъ вечеръ показался мнѣ безконечнымъ!

На другое утро получаю слѣдующее письмо отъ Эвелины: „Я васъ оставила, Густавъ; но мнѣ грустно, и я говорю самой себѣ: онъ вѣрно будетъ печаленъ! чувствую, что присутствїе мое для него необходимо. Желала бы возвратиться; но что подумаетъ Герцогиня, которая, можетъ быть, объявила уже, что я нездорова? Останемся! — Густавъ, я должна обнаружить передъ вами свою душу, должна помѣстить себя въ вашемъ сердцѣ со всею непорочностїю, которую нахожу въ своемъ; теперь для меня необходимѣе къ вамъ писать, нежели васъ видѣть.

„Не знаю, почему возвращенїе вашего батюшки кажется мнѣ началомъ нещастїй: онъ столько имѣлъ влїянїя на мой жребїй, что его присутствїе приводитъ меня въ ужасъ.

„Причины, поссорившїя нашихъ родителей, мнѣ неизвѣстны; я знаю только то, что общїе друзья старались возобновить между ими согласїе, и самымъ вѣрнымъ къ тому способомъ почитали

супружество между вами и мною. Отдаю справедливость Герцогинѣ: она приняла это предложенїе безъ всякаго упорства; но батюшка вашъ не хотѣлъ объ немъ слышать; онъ обнаружилъ совершенное отвращенїе къ Госпожѣ Деступвиль.

„Бабушка, оскорбленная отказомъ Графа Обинье, рѣшилась моимъ замужствомъ предупредить сужденїе свѣта. Мнѣ было тогда четырнадцать лѣтъ. Ей предложили Графа Адельмара, который имѣлъ не болѣе шестнадцати. Герцогиня согласилась принять его: Графъ Адельмаръ былъ знатенъ, богатъ, но слишкомъ еще молодъ. Родственники наши положили, чтобъ онъ, тотчасъ послѣ совершенїя нашего брака, отправленъ былъ въ путешествїе, которому надлежало продолжиться два года. — Я, съ своей стороны, мало размышляла о важныхъ и вѣчныхъ обязанностяхъ супруги. Графъ Адельмаръ прїѣзжалъ къ намъ каждый день съ своимъ надзирателемъ, и мы всегда видались въ присутствїи бабушки; словомъ, вышедъ за него за мужъ, я не имѣла почти никакого объ немъ понятїя. Прямо изъ церкви поѣхали мы завтракать къ Герцогинѣ. Насъ посадили рядомъ, поздравляли; во весь тотъ день мы не успѣли сказать другъ другу ни слова: въ пять часовъ послѣ

обѣда Графъ Адельмаръ сѣлъ въ коляску и оставилъ Парижъ, чтобы начать свое путешествіе.

„Ни что не перемѣнилось въ образѣ моей жизни: я продолжала по прежнему брать у своихъ учителей уроки; почти забыла, что я за мужемъ, и вспоминала о Графѣ Адельмарѣ только тогда, когда другіе произносили въ присутствіи моемъ его имя. Прошелъ годъ; я была совершенно спокойна. Въ одно утро пріѣзжаетъ къ Герцогинѣ дядя моего мужа. Меня выслали; но тутъ въ первый разъ показалось мнѣ досаднымъ, что въ дѣлахъ, касающихся до меня такъ близко, обходились со мною какъ съ ребенкомъ. Часа черезъ два, бабушка приказала меня кликнуть: я нашла ее одну, замѣтила на лицѣ ея необыкновенную важность, она даже не взглянула на меня, когда я вошла въ комнату. Я вообразила, что Графъ Адельмаръ болѣнъ, и начала объ немъ разспрашивать. Герцогиня удивилась: она никогда не имѣла случая замѣтить, чтобъ я принимала участіе въ судьбѣ моего мужа. Лице ваше, сказала я, показываетъ мнѣ, что я должна ожидать чего-нибудь необыкновеннаго. — „Развѣ ты не воображаешь никакого другаго нещастія, кромѣ болѣзни, или смерти?" — Ахъ! воскликнула я, не подумавъ, сколько довѣ-

ренности заключалось въ моихъ словахъ! боюсь такого только нещастія, отъ котораго вы не можете спасти меня. Она прижала меня къ сердцу и заплакала. Я испугалась. Бабушка подумала, что всего лучше объявить мнѣ истинну: твой мужъ, сказала она, проигралъ очень много денегъ! Дядя его, великій скупецъ, требуетъ, чтобы родные съѣхались на совѣтъ; чтобъ я сама, какъ будто желая сберечь твое приданое, созвала ихъ у себя въ домъ; чтобъ возвратили племянника его изъ чужихъ краевъ; чтобъ онъ, наконецъ, провелъ остальной годъ путешествія въ деревнѣ, получая на содержаніе свое небольшую сумму денегъ. Послѣднее было бы весьма благоразумно, когда бы Графъ Адельмаръ добровольно согласился переѣхать въ деревню; но естьли онъ вообразитъ, что съ нимъ поступаютъ несправедливо, что у него похитили свободу и собственность: то безъ сомнѣнія раздражится, и досада, быть можетъ, приведетъ его къ новымъ, опаснѣйшимъ заблужденіямъ. — Я просила Герцогиню, заплатить долги Графа Адельмара изъ собственнаго моего имѣнія. — Мой другъ, я согласилась бы на это безъ всякаго прекословія, сказала она, когдабы увѣрена была, что ты имѣешь настоящую привязанность къ Графу и коротко знаешь его характеръ; но разстроивать

имѣніе для богатаго мужа, совершенно тебѣ незнакомаго, есть странность, которая чрезвычайно удивитъ публику. — Герцогиня дала мнѣ слово, не принимать никакого участія въ тѣхъ строгихъ мѣрахъ, которыя покажутся необходимыми для родственниковъ Графа. — Не желаю, сказала я, чтобъ имя мое возбуждало въ немъ чувство непріятное. — Герцогиня сама имѣла тѣ же мысли, но она радовалась, что я первая сдѣлала ей такое предложеніе.

„Это важное произшествіе, которое предвѣщало мнѣ въ будущемъ однѣ нещастія, произвело между Герцогинею и мною тѣсную связь: мы сдѣлались друзьями; я наконецъ осмѣлилась спросить у нее, для чего соединила она меня съ Графомъ Адельмаромъ въ такія лѣта, въ которыя не льзя было имѣть совершенной довѣренности къ характеру его, едва образованному и по всѣмъ отношеніямъ неизвѣстному? Бабушка хотѣла извинить поспѣшность свою необходимостію. Въ первый разъ произнесла она передо мною ваше имя, и въ первый разъ узнала я объ оскорбительномъ отказѣ Графа Обинье. Сравнивая поведенія Адельмара съ вашимъ, Герцогиня сожалѣла о неуспѣхѣ своего старанія соединить насъ. Непримѣтно вы сдѣлались единственнымъ предметомъ на-

шихъ разговоровъ. Никогда воспоминанїе о Графѣ Адельмарѣ не возбуждало во мнѣ надежды на щастїе; я почти забыла, что отъ него могла ожидать своихъ горестей; я занималась одними вами; я мыслила только о тѣхъ мечтательныхъ наслажденїяхъ, которыми Герцогиня прельстила меня такъ неосторожно.

„Старый Графъ Адельмаръ, дядя моего мужа, непремѣнно хотѣлъ быть строгимъ; онъ раздражилъ своего племянника, и ввергнулъ его въ новыя заблужденїя. Почитая Адельмара нещастнымъ, я написала къ нему письмо, въ которомъ предлагала ему свои бриллїянты и деньги, опредѣленныя на мое содержанїе по свадебному контракту; я увѣряла, что буду искать его помощи, предпочтительно передъ своими родственниками, естьли неопытность молодыхъ лѣтъ приведетъ меня, какъ и его, въ разстройство. Герцогиня, будучи въ восхищенїи отъ того чувства, которое побудило меня написать это письмо, называла меня великодушною; ослѣпленная своею нѣжностїю, она хвалила поступки мои въ свѣтѣ, и можетъ быть хвалила ихъ слишкомъ много. Графъ Адельмаръ не принялъ моего предложенїя; отвѣчалъ мнѣ съ холодностїю; осыпалъ упреками своего дядю, который,

(писалъ онъ) открывъ мнѣ проступокъ мужа, весьма извинительный, безъ сомнѣнія уменьшилъ то уваженіе, которое могла я къ нему имѣть; словомъ, не трудно было замѣтить, что онъ боялся найти во мнѣ чувство собственнаго превосходства, слишкомъ для него обидное.

„Герцогиня, увѣренная наконецъ, что я не могу быть совершенно щастлива, привязывалась ко мнѣ часъ отъ часу нѣжнѣе. Она устремила свою попечительность на образованіе моего разсудка и сердца. Въ шестьнадцать лѣтъ имѣла я довольно твердости ума, чтобы съ спокойнымъ терпѣніемъ говорить самой себѣ: ты должна быть нещастна! будущее не принесетъ тебѣ никакой радости!

„Прошло два года; Графу Адельмару надлежало возвратиться во Францію: мы получили отъ него письмо, въ которомъ пишетъ, что навсегда отказывается отъ отечества. Дядюшка, говорилъ онъ мнѣ, конечно вообразилъ, что онъ потеряетъ нѣкоторую часть своей власти надо мною, естьли не откроетъ вамъ обстоятельно всѣхъ моихъ заблужденій. Безконечными своими жалобами онъ вооружилъ противъ меня публику и сдѣлалъ ее вашею сообщницею. Герцогиня, можетъ быть, слиш-

комѣ часто говорила въ обществѣ о вашихъ примѣрныхъ со мною поступкахъ. Повѣрьте, милостивая Государыня, что я самъ не захотѣлъ бы сокрыть ихъ отъ свѣта; но вамъ безъ сомнѣнія извѣстно, что никакой мужъ не можетъ согласиться услышать объ нихъ отъ людей постороннихъ; сверхъ того воображаю, что наше соединенїе должно быть слишкомъ смутно! — Онъ признавался, что имѣлъ въ Англїи нѣжныя, драгоцѣнныя для сердца его связи. — Не думайте, продолжалъ онъ, чтобъ я хотѣлъ оскорблять васъ такимъ открытїемъ: оно произвольно; прошу васъ не относить его ни къ моей досадѣ, ни къ моей слабости. Знаю, что я безразсуденъ; но для меня невозможно побѣдить своего чувства! Я самъ каждую минуту себя упрекаю, и своимъ признанїемъ хочу возвратить вамъ свободу. Естьли удостоите меня простить, естьли захотите видѣть во мнѣ одного *друга*, то буду почитать себя слишкомъ щастливымъ: воспоминанїе объ васъ никогда не изгладится изъ моего сердца.

„Всѣ родственники наши были оскорблены чрезвычайно; я одна защищала Графа Адельмара. Бабушка въ ту же минуту хотѣла требовать развода; самъ Графъ Адельмаръ, казалось, имѣлъ его въ мысляхъ; но я не согласилась — я опасалась

привести суроваго дядю къ какой-нибудь жестокой крайности; я дорожила правомъ защищать того человѣка, котораго имя почитала своею собственностїю.

„Дабы не произвести никакого непрїятнаго шуму въ свѣтѣ, родственники мои условились таить отъ вспыльчиваго дяди намѣренїе Графа Адельмара. Герцогиня объявила, что она согласна, въ ожиданїи какой нибудь благопрїятной перемѣны въ образѣ мыслей моего мужа, цѣлые два года не требовать развода. Я съ своей стороны осталась спокойною въ сердцѣ своемъ; не перемѣнила ничего въ порядкѣ своихъ занятїй, и, можно сказать, радовалась, что принуждена была сохранить свое равнодушїе. Не смѣшно ли, въ шестьнадцать лѣтъ разполагать своимъ будущимъ? Но я имѣла въ виду одно спокойствїе: лучшими призраками своими почитала щастливую старость бабушки, благотворительность, свободу, мирную непривязанность ко всему постороннему и внѣшнему.

„Герцогиня, потерявъ надежду на Графа Адельмара, сдѣлалась задумчивѣе, менѣе досадовала на вашего батюшку, и часто говорила объ немъ съ похвалою. Вы путешествовали тогда по Европѣ. Бабушка съ великою заботливостїю развѣдывала

о вашемъ характерѣ, о вашемъ поведенїи. Въ обществѣ осыпали васъ похвалами. Она любила ихъ слышать, но всякой разъ приходила отъ нихъ въ задумчивость.

„Вы возвратились: я замѣтила необыкновенное въ ней волненїе. Вы сдѣлали первый выѣздъ. Одинъ изъ нашихъ родственниковъ, съ которымъ вы встрѣтились въ обществѣ, прїѣхалъ къ намъ ввечеру, и описывалъ съ жаромъ то впечатлѣнїе, которое произвели вы надъ нимъ и надъ другими. Онъ восхищался вашею наружностїю, вашимъ привлекательнымъ и скромнымъ обращенїемъ, которое, при первой встрѣчѣ, привязываетъ къ вамъ душу, вашею почтительною нѣжностїю къ Графу Обинье; словомъ, ни малѣйшая черта сходства не была забыта. Признаться ли? Я слушала эти похвалы съ отвращенїемъ — по моимъ мыслямъ, хвалить васъ значило меня оскорблять. Прощаясь съ нами, родственникъ нашъ спросилъ у Герцогини: позволитъ ли она Графу Обинье представить ей завтра своего сына? Бабушка съ удовольствїемъ дала свое согласїе, а я въ ту же минуту рѣшилась не быть во весь завтрешнїй день дома; короче, я убѣгала вашего присутствїя: не знаю почему была увѣрена, что Графъ Обинье отдалилъ васъ отъ

меня своимъ предубѣжденïемъ. Первый разъ въ жизни оскорблялась я равнодушïемъ Графа Адельмара: не оправдывало ли оно по видимому отказа и отвращенïя вашего батюшки? Первый разъ въ жизни упрекала я мысленно Герцогиню: согласившись принять васъ къ себѣ въ домъ, она, казалось мнѣ, унижала и себя и меня — короче, я была въ страшной досадѣ на всѣхъ; а на васъ болѣе, нежели на другихъ.

„Я ни за что не хотѣла признаться самой себѣ, что сердце мое находило въ васъ того человѣка, который одинъ способенъ доставить ему щастïе: васъ такъ хвалили! васъ называли совершеннымъ! Тотъ день, въ который вы были представлены Герцогинѣ, провела я въ деревнѣ, у одной родственницы; я возвратилась въ Парижъ очень поздно, чтобы не имѣть непрïятности съ вами встрѣтиться, и напередъ уже оскорблялась тѣми похвалами, которыя надѣялась объ васъ услышать. Я нашла у Герцогини множество гостей; сама она сидѣла за картами; другïе разсуждали объ одномъ важномъ политическомъ произшествïи. Никто не произносилъ вашего имени: волненïе мое нѣсколько успокоилось; но сильное любопытство заступило его мѣсто. За ужиномъ кому-то пришло

въ голову обѣ васъ спросить: я начала вслушиваться; похвалы, которыми васъ осыпали, приводили меня въ удивленіе: самые строгіе люди были къ вамъ благосклонны. Такое всеобщее *восхищеніе* казалось мнѣ смѣшнымъ; я утѣшала самое себя, говоря: *я его увижу!* не льзя не открыть въ немъ какого-нибудь недостатка, по крайней мѣрѣ, какой-нибудь странности! По крайней мѣрѣ найду въ его добродѣтеляхъ что-нибудь чрезмѣрное, слѣдственно несообразное съ понятіями свѣтскими — словомъ, тогдашнее мое нетерпѣніе васъ увидѣть было такъ же сильно, какъ и прежнее мое желаніе съ вами не встрѣчаться.

„Прошло двѣ недѣли: вы не подумали сдѣлать визита Герцогинѣ. Что можетъ быть яснѣе! говорила я съ торжествомъ: самыя обыкновенныя правила учтивости ему неизвѣстны — я не ошиблась! — Меня пригласили на балъ къ Испанскому Посланнику; я ожидала васъ тамъ увидѣть, и помню, что, одѣваясь, чувствовала въ себѣ какую-то необыкновенную живость, близкую къ досадѣ. Герцогиня, пораженная моимъ блестящимъ уборомъ, нѣсколько разъ повторяла, что я одѣта прекрасно, къ лицу! Едва не призналась я, что это пріятное одобре-

нїе меня радовало. — Сердце мое угадало васЪ сЪ перваго взгляду. Я внутренно была вамЪ благодарна за то почтенїе, сЪ какимЪ подошли вы кЪ ГерцогинѢ и ей поклонились. Ваша наружность, ваше благородное обращенїе отличали васЪ такЪ много отЪ всѢхЪ другихЪ молодыхЪ людей, что я не могла не сказать себѢ сЪ огорченїемЪ: онЪ знаетЪ учтивость, но ему только не хотѢлось со мною встрѢтиться! ВиконтЪ ВилларЪ просилЪ меня танцовать менуэтЪ — вы кЪ намЪ приближались, вы слѢдовали за мною глазами: я это чувствовала, и была вЪ замѢшательствѢ. ПослѢ менуэта, вы подошли ко мнѢ: какЪ я обрадовалась, когда замѢтила, что ГрафЪ Обинье не только не говорилЪ вамЪ о союзѢ со мною, но даже не сказалЪ, что я существую на свѢтѢ! ВЪ первой разЪ сильное желанїе нравиться, или, сказать искренно, маленькое кокетство поселилось вЪ моемЪ сердцѢ: буду вЪ глазахЪ его столь любезною, говорила я, что онЪ на всю жизнь останется сЪ горестнымЪ сожалѢнїемЪ о моей потерѢ.

„Вы помните, что я начала вальсировать сЪ ВиконтомЪ ВилларомЪ, самымЪ любезнѢйшимЪ, послѢ васЪ, молодымЪ человѢкомЪ! Я люблю его за добрый характерЪ, за острый умЪ, соединенный

съ рѣдкимъ простодушіемъ! Прежде имѣлъ онъ нѣкоторую ко мнѣ привязанность, которая могла бы обратиться въ сильное чувство, когда бы не уничтожена была моимъ совершеннымъ равнодушіемъ; мы остались искренними друзьями. Но думать надобно, что любовь, самая безнадежная и давно успокоившаяся, всегда неразлучна съ нѣкоторою ревностію: Виконтъ, прежде нежели я сама, проникнулъ во внутренность моего сердца. Вальсируя съ нимъ, я на васъ взглянула: *вотъ человѣкъ, который отмститъ за невинныхъ!* сказалъ онъ насмѣшливо. Я покраснѣла и разсердилась: досада моя подтвердила его мысли. Я не повѣрилъ бы своему пророчеству, когда бы вы засмѣялись, прибавилъ онъ; но .... онъ остановился. Я въ самомъ дѣлѣ досадовала на Виллара. — Никогда, никогда! воскликнула я съ сердцемъ: это единственный человѣкъ, котораго должна и хочу ненавидѣть. — „Ахъ! воскликнулъ онъ засмѣявшись, это дѣло другое: ненавидѣть! единственный человѣкъ! какой ужасъ! бѣдный Густавъ Обинье!" — Вальсъ кончился, я сѣла на прежнее свое мѣсто; Вилларъ удалился. Въ его присутствіи, можетъ быть, я не дала бы себѣ такой свободы, не стала бы съ вами говорить: но онъ насъ не видалъ, а самолюбіе требовало, чтобы я вамъ нравилась; я желала вашей любви, чтобы

со временемъ имѣть удовольствїе сдѣлать васъ совершенно нещастливымъ! Мы разговаривали очень долго; я имѣла время замѣтить всѣ ваши необыкновенныя качества, и досадовала внутренно. Почтительность, съ какою выражались вы на счетъ своего батюшки, показалась мнѣ умышленнымъ оскорбленїемъ; словомъ, душа моя была въ безпорядкѣ, но я еще не любила.

„Занимаясь вами, я не примѣтила, что Виконтъ Билларъ слушалъ насъ съ большимъ вниманїемъ; онъ прошелъ мимо и сказалъ мнѣ съ колкою недовѣрчивостїю: *Никогда?* Это значило, послѣ нашего разговора за вальсомъ: *вы никогда не будете любить?* — *Менѣе нежели когда нибудь*, отвѣчала я въ совершенной досадѣ на себя, а еще болѣе на Виконта, который насильно вкрадывался въ тайны моего сердца. По лицу вашему я заключила, что короткость моя съ Виконтомъ васъ удивляла: это удвоило мою досаду. Я безъ сомнѣнїя хотѣла увѣрить васъ въ своемъ равнодушїи; но мысль, что вы почитаете меня привязанною къ другому, была для меня несносна. Во весь остатокъ вечера вы просидѣли подлѣ меня: я радовалась отъ всего сердца, и въ этотъ вечеръ (первый разъ, послѣ вашего возвращенїя въ Парижъ) была весела и спокойна. — Густавъ! не думайте, чтобы одно самолюбїе

могло произвести мое къ вамъ предпочтенїе: Герцогиня Деступвиль, не подумавши о моей молодости, говорила со мною объ васъ такъ часто, описывала васъ такими плѣнительными красками, что въ сердцѣ моемъ давно таилась мысль: одинъ Густавъ способенъ дать тебѣ щастїе.

„Съ того самаго вечера вы начали каждый день посѣщать Госпожу Деступвиль. Не видавъ меня, вы думали объ ней мало; узнавши меня, вы сдѣлались съ нею неразлучны: я чувствовала это въ своемъ сердцѣ, и была вамъ благодарна, и говорила себѣ съ живымъ восхищенїемъ, съ утѣшительною довѣренностїю: *онъ будетъ любить меня!* Безразсудная! предавшись неосторожно желанїю овладѣть вашимъ сердцемъ и произвести въ немъ безполезное, меланхолическое обо мнѣ сожалѣнїе, не примѣчала я, что собственное мое сердце было уже вамъ подвластно, что каждая мысль моя къ вамъ стремилась!

„Герцогиня прилѣжно за нами примѣчала: я видѣла, что надежда соединить насъ опять, нечувствительно вливалась въ ея душу. Она съ любопытствомъ искала въ сердцахъ нашихъ взаимной привязанности другъ къ другу. Что касается до меня, то, не имѣя никакой предусмотрительности, не замѣчала я пролетающихъ

минутъ и дней; быстрое время сїе казалось мнѣ очарованнымъ — съ какою безразсудною безпечностїю наслаждалась я своимъ щастїемъ!

„Густавъ, обнаруживъ такую сильную ревность къ Виконту Виллару, вы поступили весьма несправедливо! Въ ту самую минуту, въ которую вы обвиняли меня мысленно, Вилларъ доказывалъ мнѣ, что я имѣю въ сердцѣ тайную къ вамъ привязанность; онъ давалъ мнѣ замѣтить ваше волненїе; смѣялся безпокойству, написанному на вашемъ лицѣ; увѣрялъ, что я обязана ему благодарностїю за вашу досаду — и въ этомъ случаѣ говорилъ онъ совершенную истину.

„Ваша ревность едва не обратила на меня глаза общества — признаться ли? я трепетала, но не имѣла духу на васъ сердиться: изступленїе любезнаго, великодушнаго Густава произведено было страстїю. Вы стали играть, были готовы забыться; я ужаснулась, что могла имѣть право сдѣлать васъ виновнымъ: ахъ, Густавъ! отказываюсь навсегда отъ этаго опаснаго права; но дайте мнѣ слово, что никогда не будетъ имѣть его другая! Какъ я увѣрилась въ эту минуту въ будущемъ вашемъ спокойствїи, въ буду-

щемъ вашемъ щастїи! Сидя уединенно, задумавшись, въ отдаленномъ углу залы, я на васъ не смотрѣла, но вы были въ моемъ сердцѣ: съ какою сладостїю повторила я тайный обѣтъ — никогда, никогда не дѣлать вамъ огорченїя!

„Будучи увѣрена въ вашей сердечной ко мнѣ привязанности, я часто повторяла: ты свободна, ты можешь разполагать рукою и сердцемъ!- Опять надежда на щастїе, неразлучное съ нѣжнымъ союзомъ, меня оживила: мечта очарованной жизни, посвященной любви, посвященной желанїю нравиться, невольно увлекала и наполняла неизъяснимою сладостїю мою душу! но мысль о щастїи обыкновенно погружаетъ меня въ уныніе, когда привожу на память горестное, несправедливое предубѣжденїе вашего батюшки.

„Отъ чего произошли несогласїя нашихъ родственниковъ, не извѣстно. Какъ же хотѣть уничтожить то, чего не знаешь? Не я причиною ихъ: это вѣрно! онѣ начались прежде моего рожденїя. Не будемъ подвергать себя новому отказу со стороны вашего батюшки; ограничимъ себя однòю дружбою, истинною, непорочною, какой не было примѣра, которой восхитительную мечту ношу въ своемъ сердцѣ.

„Завтра возвратится вашъ батюшка! можетъ быть, захочетъ онъ насъ раз-

лучить, и сїя печальная мысль о разлукѣ извлекла изъ меня то признанїе, которое вы читали. Я провела надъ этимъ письмомъ цѣлую ночь; сначала хотѣла описать нѣкоторую только часть своего волненїя; но искренность завлекла меня далѣе: что нужды! вамъ все должно быть открыто! и чувства, и мысли, и намѣренїя мои будутъ извѣстны вамъ, какъ мнѣ самой. Густавъ! обѣщайтесь, что, не смотря на возвращенїе вашего батюшки, вы каждый день будете удѣлять намъ по одному часу. Густавъ! одинъ часъ на нѣжную привязанность цѣлой жизни!‘

Эвелина.

Я полетѣлъ къ Эвелинѣ. Въ первый разъ осмѣлился войти къ ней въ комнату безъ ея позволенїя, безъ согласїя Герцогини; Эвелина свободна, она меня любитъ, я обожаю ее — кто можетъ противиться нашему союзу? Она приняла меня съ замѣшательствомъ, прелестнымъ, трогательнымъ. „Цѣлое утро, сказала она закраснѣвшись, упрекаю себя въ своей искренности!“ Я хотѣлъ описать ей то восхищенїе, которое произвело во мнѣ ея письмо: во взорѣ ея, на меня устремленномъ, была такая нѣжность, такая тихая, плѣнительная непорочность, что вся душа моя летѣла къ ней въ нѣкоторомъ

упоеніи. Наканунѣ, слово дружба несказанно меня трогало, но въ эту минуту сердце мое требовало другаго, нѣжнѣйшаго. — „Нѣтъ, нѣтъ! сказала Эвелина, устремивъ на меня взоръ, полный спокойнаго, душевнаго наслажденія, не желаю страсти, неразлучной съ мукою и несправедливостію; чувствую одну привязанность и одно щастіе!" — И я, смотря на мою восхитительную Эвелину, наслаждался щастіемъ, въ которомъ заключалось что-то небесное. — „Густавъ! обѣщаетесь ли быть у насъ такъ же часто, какъ и прежде, до возвращенія вашего батюшки?" — Даю вамъ слово! — „Этаго недовольно! такъ же, какъ и *во время его отсутствія?*" — *Какъ и во время его отсутствія*, Эвелина! отъ всего сердца! — *Каждый день?*" — *Каждый день!* — „А я даю обѣщаніе не произносить ни одного слова, для васъ огорчительнаго; быть вашимъ другомъ, истиннымъ, лучшимъ, во всякую минуту жизни!" — Но можемъ ли довольствоваться одною дружбою, когда желаемъ быть щастливы? Эвелина, вы свободны! — „Такъ, Густавъ; но я боюсь вашего батюшки. Ему обязана я своимъ нещастіемъ; быть можетъ, захочетъ онъ и довершить начатое. Какъ бы то ни было, но щастіе его для меня дорого; желаю, Густавъ, чтобъ и

тогда, когда обстоятельства или смерть разлучатъ насъ на вѣки, не могли вы вспомнить ни одной минуты въ жизни своей, въ которую бы не была я вашимъ истиннымъ, совершеннымъ другомъ." — Чувства, наполнившія мою душу, были такъ живы, что я воскликнулъ: Эвелина! я долженъ или удалиться отъ васъ, или быть увѣреннымъ, что вы отвѣчаете на мою привязанность! — „Выслушайте меня, Густавъ: я могу ошибиться; но дружба, существующая въ сердцѣ моемъ, имѣетъ образъ небесный. Хочу перелить въ васъ собственныя свои чувства! отдайте во власть мнѣ вашу душу, Густавъ! отдайте на одинъ только мѣсяцъ! — Я смотрѣлъ на нее съ изумленіемъ, не постигая, какъ можно противиться, или какъ можно покорить себя ея власти. Она прибавила съ нѣжнымъ, сердечнымъ безпокойствомъ: на одинъ только мѣсяцъ! Скажите, естьли бы теперь захотѣли принудить васъ со мною разлучиться, согласились ли бы вы на это безъ горести? — Ахъ, нѣтъ! но теперь еще имѣю силу удалиться! Черезъ мѣсяцъ . . . „Черезъ мѣсяцъ вамъ будетъ время сказать: *хочу, чтобъ Эвелина была нещастна! чтобъ вѣчно сожалѣла о моей потерѣ!*" — Эвелинѣ быть нещастною! возможно ли? Я чувствовалъ, что жертвовалъ

спокойствїемъ всей своей жизни, но согласился принесть ей эту жертву; я далъ ей то обѣщанїе, котораго она отъ меня требовала: каждая новая мысль производила новый обѣтъ! Она казалась очарованною своимъ щастїемъ; глаза ея благодарили меня и Небо.

Наконецъ батюшка возвратился: въ минуту свиданїя сердце мое чувствовало одну радость; самая любовь была на время забыта. Я самъ отворилъ дверцы батюшкиной кареты, принялъ его въ объятїя, не могъ говорить, не могъ выражать на словахъ своего восхищенїя. Батюшка былъ доволенъ, и по тѣхъ поръ, пока не могли мы говорить въ связи, ни что не возмущало нашего щастїя. Описавъ свое путешествїе и всѣ обстоятельства своего дѣла, онъ наконецъ спросилъ, что дѣлалъ я во время его отсутствїя? Сердце мое сжалось. „Батюшка! отвѣчалъ я, завтра будемъ говорить о вещахъ постороннихъ и неважныхъ; теперь позвольте мнѣ заниматься единственно вами!“ — Согласенъ отложить до завтрешняго дня разговоръ о новыхъ знакомствахъ и новыхъ связяхъ твоихъ, естьли въ самомъ дѣлѣ не заключается въ нихъ ничего важнаго; но . . . „Прошу васъ, батюшка, будьте снисходительны къ моей прозьбѣ! дайте мнѣ насладиться вашимъ при-

суттствїемЪ! позвольте мнѣ радоваться вашему возвращенїю, безЪ всякаго примѣса печали! — „ГуставЪ! сказалЪ онЪ сЪ важностїю, не я научилЪ тебя надѣяться на завтрешнїй день. Мнѣ кажется, что Герцогиня Деступвиль сдѣлала изЪ тебя великаго политика; я видалЪ опыты ея искусства . . .“ — Батюшка! осмѣливаюсь требовать отЪ васЪ полной довѣренности вЪ двухЪ вещахЪ: первая, что никогда, никто не получитЪ отЪ меня права сказать мнѣ такое слово, котораго вы не могли бы слышать; другая, что никогда Герцогиня Деступвиль не говорила мнѣ ничего, могущаго сдѣлать вамЪ неудовольствїе.

ОнЪ крѣпко сжалЪ мою руку. Ты долженЪ вспомнить, ГуставЪ, сказалЪ онЪ, что эта женщина была извѣстна мнѣ прежде, нежели ты родился . . . . я познакомлю тебя сЪ нею со временемЪ. — Это обѣщанїе, похожее на угрозу, меня испугало. Батюшка! воскликнулЪ я сЪ огорченїемЪ, оставьте мнѣ мою спокойную довѣренность! Для чего разрушать очарованїе моего сердца? ОнЪ поглядѣлЪ на меня сЪ улыбкою сожалѣнїя; мы сдѣлались печальны, перестали говорить; ужинали вЪ молчанїи; вставши изЪ застола, онЪ мнѣ сказалЪ: я имѣю дѣла; теперь поздно!

завтра, поутру, надобно ѣхать въ Версаль: будь готовъ, я беру и тебя съ собою." Онъ пожалъ мою руку, и я удалился.

Мы очень рано прїѣхали въ Версаль: батюшка провелъ нѣсколько часовъ въ кабинетѣ Министра; я между тѣмъ сидѣлъ одинъ въ залѣ, и сравнивалъ это скучное утро съ тѣми прїятными которыя такъ быстро протекали для меня въ обществѣ Герцогини Деступвиль и Эвелины. Остатокъ дня посвященъ былъ визитамъ: мы возвратились въ Парижъ ночью. Съ какимъ волненїемъ сидѣлъ я въ каретѣ! батюшка былъ спокоенъ и молчалъ; я не смѣлъ сказать слова; но какая буря происходила внутри моего сердца! Не вчера ли обѣщалъ я Эвелинѣ, что не пропущу ни одного дня, не видавшись съ нею, и на другой же день принужденъ не исполнить своего слова.

Проводивъ батюшку до его спальни, полетѣлъ къ Эвелинѣ. Я зналъ, что было слишкомъ поздно; что я никого не увижу. По крайней мѣрѣ швейцаръ запишетъ мое имя, подумалъ я, стуча въ двери ея дома. Швейцаръ отворилъ ихъ, удивился, узнавъ меня въ лице; его удивленїе заставило меня образумиться: я сказалъ нѣсколько извиненїй, самыхъ смѣшныхъ,

самыхъ нескладныхъ; увѣрялъ, что ѣхавши изъ Версали, заснулъ, и совсѣмъ не думалъ, чтобъ было такъ поздно — „Но вы пѣшкомъ, милостивый государь!" — Карета моя въ двухъ шагахъ — „Не угодно ли вамъ, чтобы я за нею сходилъ? Идетъ дождикъ" — Нѣтъ, это не нужно! Не забудь только сказать Герцогинѣ, что я прїѣзжалъ. — Я затворилъ двери; хотѣлъ идти, остановился, нѣсколько минутъ смотрѣлъ на окна Эвелины: въ горницѣ было темно, окна завѣшены были гардинами; но сердце мое нѣсколько успокоилось; я нѣкоторымъ образомъ исполнилъ обѣщанїе, данное мною Эвелинѣ. — Я не безумецъ! я могъ бы провести одинъ день въ разлукѣ съ нею; но цѣлый день *не стараться* съ нею увидѣться, измѣнить своему слову, это казалось мнѣ невозможностїю. Дождикъ лилъ ливмя; я его не чувствовалъ, я былъ не въ силахъ оторваться отъ этого дома; швейцаръ опять отворилъ дверь и, увидя меня, сказалъ: вы здѣсь еще, милостивый государь! конечно съ вами случилось какое нибудь нещастїе! Не прикажете ли разбудить Герцогиню?" — Нѣтъ, мой другъ, не надобно! — „Повѣрьте, что Герцогиня ни мало не будетъ обезпокоена! Въ вашихъ обстоятельствахъ . . ." — Прошу тебя ни о чемъ не заботиться: нѣтъ никакихъ обстоятельствъ! Вотъ два билета; не забудь

ихѣ отдать завтра поутру Герцогинѣ! — Я удалился и былѣ спокойнѣе; по крайней мѣрѣ, думалѣ я, она узнаетѣ, какѣ дорого цѣню свое слово. Я радѣ былѣ, что швейцарѣ меня видѣлѣ: прежде говорилѣ я обѣ одной Госпожѣ Деступвиль, но вѣ послѣднїй разѣ, отдавая билеты, я разумѣлѣ и Эвелину: она непремѣнно должна узнать о моемѣ посѣщенїи.

Поутру я получилѣ слѣдующую записку отѣ Герцогини:

„Я очень безпокоюсь обѣ васѣ, любезный Густавѣ! Ныньче мнѣ подали ваши билеты. Правда ли, что вы прїѣзжали кѣ намѣ ночью, очень поздно, вѣ дождикѣ — что это значитѣ? Швейцарѣ увѣряетѣ, что вы имѣли дуэль; но я не вѣрю ему и думаю, что это какая нибудь вѣтренность. Вчера Эвелина весь день была скучна, задумывалась, молчала; сего дня, поутру, услышавѣ о вашихѣ ночныхѣ путешествїяхѣ, развеселилась, и теперь безпрестанно смѣется. Густавѣ, я отгадала! Вѣтренность, болѣе ничего! Но что бы ни было, прошу говорить со мною откровенно; хочу пожалѣть обѣ васѣ, или немного сѣ вами посеориться!" — Я полетѣлѣ кѣ Герцогинѣ, увѣренный, что Эвелина мною довольна. И вѣ самомѣ дѣлѣ, сѣ какимѣ удовольствїемѣ, сѣ какою прелестною

улыбкою она меня встрѣтила! Могу ли изобразить то восхищенїе, которое всякой разъ наполняетъ наше сердце, когда мы сдѣлали что-нибудь непредвидѣнное, необыкновенное для нашихъ любезныхъ! Она вставала поминутно, безъ всякой причины, только за тѣмъ, чтобы сказать мнѣ мимоходомъ: *милый, любезный Густавъ!* Душа моя забывалась отъ радости.

Герцогиня Деступвиль желала знать, для чего я прїѣзжалъ къ нимъ такъ поздно; я осмѣлился обнять ее (первый разъ въ жизни) — мать Эвелины сдѣлалась моею! я прижималъ ее къ сердцу: она противилась, повторяла свои вопросы; я не умѣлъ ей отвѣчать, наконецъ сказалъ: не знаю. — „Не знаете? но кого же хотѣли вы видѣть?" — Никого, кромѣ васъ! — „Никого, кромѣ васъ, очень неучтиво!" — Милый другъ, милая бабушка! перестаньте браниться, перестаньте говорить: я слишкомъ щастливъ! — „Но я не бабушка ваша; я хочу браниться; я не перестану говорить!" — Въ другой разъ, милая! сказала Эвелина прїятнымъ, ласкающимъ голосомъ. — „Нѣтъ, мои дѣти, продолжала Герцогиня, думая, что мы не будемъ противорѣчить ея благоразумїю. Но выраженїе *мои дѣти* отозвалось въ нашихъ сердцахъ; мы повторяли его съ без-

умнымъ восхищенїемъ; я бросился передъ нею на колѣни: Эвелина обнимала ее, чтобъ выразить свою благодарность, обнимала, чтобъ помѣшать ей говорить; словомъ, Герцогиня не имѣла рѣшимости возмутить наше щастїе. Въ минуту самаго живаго восторга я вспомнилъ, что время батюшкина обѣда наступило, и убѣжалъ. Ввечеру повезъ онъ меня съ собою по визитамъ, которые показались мнѣ менѣе скучными, нежели наканунѣ. Я чувствовалъ, что батюшка, строгїй наблюдатель пристойности, заѣдетъ и къ Герцогинѣ: эта надежда веселила меня и дѣлала щастливымъ. Батюшка, чрезмѣрно привязанный къ порядку, располагалъ свои визиты обыкновенно такъ, чтобъ лошади его сколько можно менѣе уставали; и въ этотъ день послѣднїй визитъ его былъ къ Герцогинѣ. Эвелина играла на арфѣ и пѣла, когда мы вошли въ гостиную. Послѣ первыхъ привѣтствїй, батюшка просилъ, чтобы она позволила ему слышать ея пѣнїе. Я вспомнилъ тотъ вечеръ, въ который Эвелина такъ сухо отказала мнѣ, когда я уговаривалъ ее пѣть, подошелъ къ арфѣ и сказалъ въ полголоса: Эвелина! могу ли надѣяться, что вы теперь будете снисходительнѣе и выберете любимую свою арїю? — „Исполню ваше желанїе, отвѣчала она также тихо, но прежде еще

разъ должны вы произнести слово: дружба! — „Скажу: *привязанность!* и вы и я можемъ понимать его какъ угодно!“ — Нѣтъ! дружба! это слово успокоиваетъ мое сердце! — „Повинуюсь: дружба!“ — Она пробѣжала пальцами по струнамъ и запѣла извѣстные стихи:

Плѣнять, а не любить я нѣкогда желала!
Любовь забавой мнѣ была. —
Въ забавѣ чувство я нашла,
И съ чувствомъ щастіе узнала!

Мнѣ быть твоимъ щастіемъ, Эвелина! О! какую сладость находило мое сердце въ этой мысли! я не смѣлъ дышать; я боялся обнаружить свое восхищеніе; боялся, чтобъ лице мое противъ воли не измѣнило моему тайному чувству. — Батюшка просидѣлъ у Герцогини цѣлый вечеръ; но онъ не остался ужинать, и я принужденъ былъ за нимъ послѣдовать.

Прошло нѣсколько недѣль: ни что не перемѣнялось въ нашемъ положеніи. Батюшка видѣлъ мое сердце, но онъ молчалъ; я чувствовалъ, что привязанность моя къ Эвелинѣ была ему извѣстна, но медлилъ открыться; я наслаждался своею любовію: всякая перемѣна въ обстоятельствахъ была для меня ужасна!

Въ одинъ день, будучи задержанъ долѣе обыкновеннаго батюшкою, не могъ я

прежде осьми часовъ вечера пріѣхать къ Герцогинѣ Дестушвиль. Входя въ гостиную замѣчаю, что Эвелина имѣла заплаканные глаза; приближаюсь къ ней съ трепетомъ: что это значитъ, Эвелина? спрашиваю, смотря на нее прискорбно. — „Я провела весь день въ печальныхъ размышленіяхъ о своей участи — сказала Эвелина, устремивъ на меня меланхолическій взоръ — одного только часа просила я въ награду отъ Густава, но онъ отказываетъ мнѣ и въ этой наградѣ!“ Я чувствовалъ, что она имѣла право быть недовольною; обвинялъ самаго себя и батюшку! Эвелина упрекала его въ несправедливости — упреки ея заставили меня опомниться: ослабивъ узы свои, я никогда не намѣренъ былъ ихъ разторгнуть; я просилъ Эвелину выражаться съ большею снисходительностію на счетъ батюшки! Приведенный въ безпокойство ея чувствами, я могъ опасаться и собственныхъ, и сіе опасеніе возвратило батюшкѣ всю прежнюю его силу. Эвелина, облокотившись на столъ, закрыла обѣими руками лице; она не хотѣла, чтобы я видѣлъ ея слезы. Я умолялъ ее открыться, она упрямилась. „Эвелина, другъ мой! — говорилъ я съ нѣжностію — когда я самъ, забывшись, начинаю упрекать батюшку, то мнѣ извѣстно по крайней

мѣрѣ, съ какою любовїю, съ какимъ почтенїемъ привязано къ нему мое сердце; но естьли обвиняетъ его Эвелина, то воображаю противъ воли, что она обнаруживаетъ не всѣ свои чувства. И какъ могу ручаться, что, изъ любви къ Эвелинѣ, не привыкну слушать спокойно свободныя выраженїя на счетъ батюшки! Для меня непростительнѣе сносить ваши жалобы, нежели жаловаться самому" — Она не отвѣчала, сидѣла закрывши лице; я не могъ видѣть ея слезъ, но *слышалъ* ея горесть, которая меня мучила. Наконецъ я насильно открылъ ей лице; она отворотила голову, зажмурила глаза. „Эвелина! воскликнулъ я съ огорченїемъ: хотите ли, чтобы я васъ боялся! хотите ли, чтобы не искалъ васъ въ минуту горести! или чтобы, увѣренный въ другѣ своемъ болѣе, нежели въ самомъ себѣ, находилъ въ немъ и совѣсть свою и отраду!" — Ахъ! воскликнула она, я виновата передъ вами, Густавъ! я никогда не перестану сомнѣваться въ вашей любви, потому что никогда не перестану имѣть почтенїя къ вашему батюшкѣ! Но кто же мнѣ дастъ обѣщанїе, что я сама никогда не буду нещастна? — „Я, Эвелина! я, который готовъ предпочесть твое щастїе собственной своей жизни"! —

Я просилъ ее, чтобы она согласилась требовать развода. „Густавъ — отвѣчала мнѣ Эвелина — пока батюшка вашъ, ослѣпленный предубѣжденїемъ, меня не знаетъ, по тѣхъ поръ не соглашусь разорвать совершенно связей своихъ съ Графомъ Адельмаромъ. Батюшкѣ вашему извѣстны наши чувства, я въ этомъ не сомнѣваюсь; но онъ не можетъ опасаться ихъ продолжительности, будучи увѣренъ, что я замужемъ. Это мечтательное замужство затмѣваетъ въ глазахъ его нащу любовь и представляетъ ее слишкомъ слабою; быть можетъ, оно удерживаетъ въ границахъ и самую его ненависть. Густавъ, я умерла бы съ печали, когда бы онъ отвергнулъ меня, знавши, что я свободна!“ — Я хотѣлъ настоять въ своемъ требованїи; но Эвелина просила, чтобы я повѣрилъ ей и былъ терпѣливѣе. — Густавъ! продолжала она, я всегда замѣчаю за Графомъ Обинье, когда онъ смотритъ на Герцогиню: въ глазахъ его всякой разъ изображается что-то похожее на ненависть. Онъ спокоенъ, будучи твердо увѣренъ, что можетъ разлучить насъ, когда пожелаетъ; а я щастлива, потому что надѣюсь поселить въ его сердцѣ болѣе снисходительности. Будемъ терпѣливы ... наша взаимная привязанность постоянна; душа наша, чистая и невинная, способна питать надежду, спо-

собна въ довѣренности найти свое спокойствїе. — Лестная мысль, что кротость Эвелины можетъ перемѣнить разположенїе батюшки, усмирила мою нетерпѣливость; но я рѣшился показывать явно и уваженїе свое къ Герцогинѣ Деступвиль, и нѣжную привязанность свою къ Эвелинѣ.

(Окончанїе въ слѣдующемъ Номерѣ.)

II.

НАДГРОБНАЯ ПѢСНЬ

З. . . . А. . . . чу Буринскому,

(сочиненная въ день его погребенїя и пѣтая въ собранїи друзей его).

— ○ — ○ — ○ — ○ ○

Братъ любезный, въ землю хладную
Прахъ скрываемъ твой безъ горькихъ слезъ:
Ты изъ горнія обители
Преклоняешь къ намъ веселый взоръ;
Простираешь къ намъ объятія! —

Время жизни — бремя тяжкое —
Ты, щастливецъ, ты сложилъ на вѣкъ!
Мореходецъ — на брегу своемъ!
Дальный странникъ — въ милой родинѣ!
Юный ратникъ — съ мирной пальмою!

Ахъ! когда, когда и къ намъ придетъ
Благовѣстникъ чистой радости,

Часъ послѣдній — грусть послѣдняя!
Ахъ, когда съ тобой увидимся!
Ахъ, когда отъ бѣдъ укроемся!

Ты страдалъ — ты, жертва бѣдствія,
При друзьяхъ, какъ безъ друзей страдалъ!
Родомъ, ближними оставленный,
Ты давно уже не нашимъ былъ,
Ты давно уже оставилъ свѣтъ!

Миръ съ тобою, тѣнь любезная!
Жизнь дала тебѣ гонителей;
Ангелъ смерти примиритель твой:
Онъ миритъ тебя съ самимъ собой,
Онъ миритъ тебя съ жестокими!

Дубъ валится, блекнетъ юный цвѣтъ
Въ часъ единый .... ктожь жилъ долѣе?
Радость, горесть, мѣра нашихъ дней!
Для страданія — ты долго жилъ!
Ты воскресъ теперь — для щастія!

Ты прозрѣлъ — для тайной истины,
Непостижной для друзей твоихъ!
Ты внимаешь лиры Ангеловъ,
Ты пьешь воздухъ жизни вѣчныя,
Ты свободенъ, ты далекъ отъ насъ!

Нѣтъ, сопутникъ! нѣтъ — ты ближе къ намъ!
Ближе къ сердцу, къ чувствамъ братіи!
Не трудами ты привязанъ къ намъ,

Не слезами съ нами дѣлишься,
Не терпѣньемъ жизни горькія!

Ты *безсмертьемъ* съ нами дѣлишься,
Чувствомъ сладостнымъ, достойнымъ насъ,
Симъ сокровищемъ наслѣдственнымъ!
Ты вѣщаешь намъ: *увидимся*!
Ты еще теперь дороже намъ! . . . .

Почему жь фіалы пиршества,
Почему, друзья, не налиты?
Отъ чего же вашъ унылый взоръ
Видитъ мѣсто не занятое (*),
Ищетъ образа знакомаго? . . .

Веселись въ чертогахъ вѣчности,
Веселись, друзьями встрѣченный! (**)
Ахъ! тебя ли въ раннемъ цвѣтѣ лѣтъ,
Одного ль тебя лишилися? . . . .
Тамо братья ждутъ насъ многіе! . . . .

Мы придемъ, придемъ съ любовію,
Съ чистой совѣстью и съ вѣрою! . . .
Можетъ быть, теперь въ послѣдній разъ
Мы, сорвавъ цвѣты весенніе,
На твою могилу бросили! . . . .

М . . . . .

(*) Мѣсто покойника въ этомъ собраніи оставлено было незанятымъ.
(**) Нѣкоторые изъ друзей покойника умерли прежде его.

III.

Верблюдъ и Носорогъ.

(Баснь.)

Верблюду говорилъ однажды Носорогъ:
Во вѣкъ я приложить ума къ тому не могъ,
За что предъ нами вы въ такой счастливой долѣ?
Васъ держитъ человѣкъ всегда въ чести и холѣ,
И кормитъ вдоволь, и поитъ,
И ваше разводить старается онъ племя.
Согласенъ, что на васъ не рѣдко вьючатъ бремя,
Отъ коего вашъ братъ довольно и кряхтитъ;
Что кротки вы, легки, притомъ неутомимы;
Но тѣ же самыя особности и въ насъ,
Да по рогу еще для случая въ запасъ —
А всё мы презрѣнны, гонимы! —
Дружокъ! отвѣтствовалъ Верблюдъ:
Покорность иногда достоинствамъ замѣна.
Чтобъ людямъ угодить, одинъ ли нуженъ трудъ?
Умѣй и подгибать колѣна!

*** ъ.

IV.

Ночь на могилѣ.

Арфа, разстроясь,
Звукъ издаетъ
Скорбный, унылый,
Сходный съ душой,
Сердцу невнятенъ
Радости звукъ!

*

Грустно безъ милой! . . . .
Жизнь мнѣ печаль!
Смолкни жь, презрѣнна,
Смолкни любовь!
Мнѣ ли блаженство
Въ жизни вкушать?

*

Снидемъ къ могиламъ . . . .
Здѣсь тишина
(Жребій усопщихъ!)
Въ душу прольетъ
Сладость надежды
Въ гробѣ заснуть?

*

Ночь на вселенну
Бросила тѣнь!
Блѣдный въ туманѣ
Мѣсяцъ взощелъ;
Вѣтеръ осенній
Свищетъ въ поляхъ.

*

Воетъ дубрава,
Ели скрипатъ;
Птица нощная
Стонетъ въ дуплѣ;
Колоколъ глухо
Полночь сказалъ.

*

Я лишь съ Природой
Бури дѣлю!
Тучи багровы
Небо мрачатъ:
Тяжкая горесть,
Въ сердцѣ моемъ!

*

Съ нею, какъ съ другомъ,
Дни я дѣлю;
Съ ней, какъ съ подругой,
Ночи не сплю;
Съ ней и въ бесѣдахъ!
Съ ней и одинъ!

*

Ты, кто спознала
Съ грустью меня!
Взоръ твой сулилъ мнѣ
Радостные дни:
Льстивы обѣты!
Щастья мечта!

*

Ты не увидишь
Мрачна лица;

Ты не услышишь
Стоновъ моихъ.
Я не встревожу
Щастливыхъ дней!

*

Будь ты покойна
Съ другомъ инымъ;
Пусть онъ владѣетъ
Благомъ моимъ;
Пусть имъ хранится
Щастье твое!

*

Грусть изтощила
Сердце мое;
Мало осталось
Дней мнѣ считать;
Взоромъ померкшимъ
Въ землю гляжу.

Слезы, остатки
Скорбной души,
Лейтесь на гробы!
Скоро засну
Въ тихой могилѣ
Сладостнымъ сномъ!

Ѳ. Ивановъ.

V.

СТИХИ,

(вырѣзанные на гробѣ А. В. С.)

О вы, которые въ молитвахъ и слезахъ
Тѣснились вкругъ моей страдальческой печали,
Которые меня въ борьбѣ съ недугомъ зрѣли —
О дѣти! о друзья! на мой спокойный прахъ
Придите усладить разлуку утѣшеньемъ:
Въ семъ гробѣ тишина! мой спящій взоръ закрытъ!
Мой ликъ не омраченъ ни скорбью, ни мученьемъ,
И тяжкій жизни крестъ меня не бременитъ!
Спокойтесь, зря мою послѣднюю обитель!
Да къ вамъ достигнетъ мой изъ гроба тихій гласъ!
Да будетъ онъ моимъ любезнымъ утѣшитель!
Открыто мнѣ теперь все, тайное для васъ!
Стремитесь мнѣ во слѣдъ съ сердечнымъ упованьемъ,
Хранимы Промысла незримою рукой!
Онъ съ жизнью насъ миритъ безсмертья воздаяньемъ!
За гробомъ, милые, вы свидитесь со мной!

VI.

Объявленіе,

(*присланное изъ Петербурга.*)

Маіорша Александра Васильевна *Прокофьева* родилась въ Константинополѣ, въ одинъ день съ покойнымъ Султаномъ Селимомъ, отъ Христіанскихъ родителей. Отца своего лишилась она за нѣсколько мѣсяцевъ до своего рожденія; а мать ея, бывшая въ Сералѣ кормилицею сего Государя, по прошествіи семи лѣтъ, выдана за-мужъ, съ богатымъ награжденіемъ, за одного Грузина; сама же Прокофьева оставлена была въ Сералѣ, какъ молочная сестра Наслѣдника; четырнадцати лѣтъ выдали ее за-мужъ за Мегметъ Имиша, который черезъ нѣсколько времени былъ посланъ Начальникомъ въ городъ Анапу, куда также пріѣхала и мать Прекофьевой, лишившаяся и втораго своего мужа. Бывъ отлучена отъ нее еще въ колыбели, она взросла въ Магометанскомъ законѣ; но тутъ узнала, что родилась Христіанкою. Въ 1792 году Анапа взята была Рускими; за нѣсколько дней до приступа, мужъ ея, поссорясь съ главнымъ Начальникомъ города, Трехъ-бунчужнымъ Пашею Мустафою, былъ отъ него убитъ, а сама же Прокофьева съ прочими досталась въ по-

лонЪ Рускимъ, будучи тяжело ранена. Наканунѣ взятія города, желая спасти дѣтей своихъ, сына *Сегидъ Халиля* пяти и дочь *Шерифъ-Дудъ* четырехъ лѣтъ, отдала она ихъ бывшему у нее въ домѣ Рускому плѣнному, крѣпостному человѣку Казанскаго помѣщика *Хвостова*, который служилъ въ корпусѣ войскъ, осаждавшихъ Анапу, и былъ убитъ при осадѣ.

По взятіи города, оправясь нѣсколько отъ ранъ, приняла она Христіанскую вѣру. Крестнымъ ея отцемъ былъ Василій Васильевичь *Карлачевъ*, Симбирскій уроженецъ, который тогда служилъ въ Воронежскомъ пѣхотномъ полку Порутчикомъ, и который послѣ, получивъ отпускъ, привезъ ее съ собою въ Симбирскъ. Изъ Симбирска поѣхала она съ нимъ и его семействомъ въ Казань, гдѣ и вышла за мужъ за Маіора *Прокофьева*, который при осадѣ Анапы былъ тяжело раненъ и переведенъ въ Казанскій гарнизонъ.

Случай привелъ въ Казань и вышесказаннаго человѣка, которому она препоручила своихъ дѣтей, и который ей сказалъ, что онъ ихъ отдалъ Гну. *Грекову*, служившему тогда въ Воронежскомъ же полку Подпорутчикомъ.

Не имѣя никакого состоянїя и способовъ, она не могла знать, гдѣ находится Г. Грековъ; но прїѣхавъ въ Петербургъ для помѣщенїя дѣтей своихъ отъ втораго мужа, котораго она также лишилась, въ какое-нибудь Государственное воспитательное заведенїе, она въ Военной Коллегїи узнала, что „находившїйся въ Во-„ронежскомъ мушкетерскомъ полку, изъ „Дворянъ Арзамазскаго уѣзда, Порутчикъ „Николай Грековъ, 1793 г. Маїя 27, „Военною Коллегїею, по прошенїю его за „болѣзнями, отставленъ отъ службы тѣмъ „же чиномъ; при полученїи же имъ Гре-„ковымъ объ отставкѣ Указа подписался, „что онъ жительство имѣть будетъ Смо-„ленской Губернїи, Вяземской округи, въ „деревнѣ Есиповской.“

Прокофьева проситъ, какъ самаго Г. Грекова, если онъ еще въ живыхъ находится, такъ и всѣхъ добродѣтельныхъ и сострадательныхъ людей, кои могутъ знать это (*), извѣстить ее, живы ли еще

(*) Прозьба сія относится въ особенности къ Дворянамъ Смоленской Губерніи, которымъ не трудно будетъ узнать, гдѣ живетъ Господинъ Грековъ — всё ли еще въ деревнѣ Есиповской, или въ какомъ нибудь другомъ мѣстѣ. Мы увѣрены, что никто не откажется быть утѣши-

ея дѣти, гдѣ и въ какомъ состоянiи они находятся. — Извѣстiе доставить ей можно посредствомъ Журналовъ и Газетъ, или въ С. П. бургъ, надписавъ на имя Коллежскаго Асессора Дмитрiя Ивановича Языкова, служащаго въ Главномъ Училищъ Правленiи Экспедиторомъ.

Д. Я.

Аллегорическая картинка, приложенная къ сему Номеру, представляетъ Амура, усыпляющаго Время — произведенiе одного изъ лучшихъ Французскихъ новѣйшихъ Живописцевъ.

телемъ нещастной матери. Неизвѣстность о судьбѣ дѣтей есть самая горестная и мучительная.

ПОЛИТИКА.

VII.

О походѣ Французовъ въ Остъ-Индію.

(Изъ Архенгольцовой Минервы.)

Народы Европы не могутъ любить Англичанъ. Высокомѣріе, національный эгоизмъ и грубость уничтожаютъ въ нихъ всякую любезность; но характеръ сей націи, вообще благородный; но множество великихъ людей, возвысившихъ ее своими дарованіями и приносящихъ честь всему человѣчеству; но просвѣщеніе и образованность ея, достигшія до высокаго совершенства; но разнообразныя и великія предпріятія для пользы общества, которыми она славится; но законы ея и конституція, превосходныя, не смотря на многіе недостатки, служатъ основаніемъ того уваженія, которое имѣютъ къ ней всѣ просвѣщенные люди. Одна только безразсудность Правителей, посрамившихъ на вѣки имя Британіи, не маловажными ошибками, но постояннымъ, несогласнымъ съ правилами чести образомъ дѣйствія, и не-

чувствительностїю при видѣ страданїя народовъ, могла уменьшить сїе справедливое уваженїе, и сдѣлать Англїйскую нацїю предметомъ проклятїя и ненависти цѣлаго Мїра. Миллїоны желаютъ ея погибели: ибо съ погибелью Англїи сопряжено спокойствїе Европы.

За годъ передъ симъ, зависѣло отъ Англїи сохранить бытїе Португаллїи и благодѣтельно дѣйствовать на Германїю, Италїю, Швейцарїю и весь Сѣверъ — но этого не случилось, и гордые островитяне уже никогда не будутъ имѣть подобнаго случая! Естьлижь и будутъ имѣть его: то чѣмъ загладятъ бѣдствїя, нанесенныя ими человѣчеству? Щастїе для народовъ, естьли Британскїе Правители, добровольно, не приведенные въ ужасъ возмущенїемъ, которое можетъ быть уже близко, преклонятся къ миру и возвратятъ какъ Европѣ, такъ и отечеству своему потерянное ими благоденствїе! Имя *Каннинга* будетъ эпохою въ Англїйской Исторїи: этотъ Министръ, единственная причина всѣхъ бѣдствїй, произведенныхъ Кабинетомъ Британскимъ, не внемля жалобамъ и упрекамъ, обременяющимъ его отвсюду, продолжаетъ дѣйствовать со всею смѣлостїю безстыдства. *Сидмутъ* и *Гренвиль*, прежде имѣвшїе великое влїянїе

въ Совѣтѣ Королевскомъ, теперь принуждены безмолвствовать, или соглашаться. Не льзя понять, какую *благоразумную надежду на успѣхъ* могутъ имѣть въ настоящемъ положенїи вещей правители Англїи — не уже ли мечтаютъ они о побѣдѣ въ такой войнѣ, которая уничтожаетъ ихъ торговлю, и столь противна ихъ государственнымъ выгодамъ? Надобно думать, что высокомѣрные Англичане, ослѣпленные нацїональною гордостїю, не видятъ, какъ силенъ ихъ грозный противникъ, или слишкомъ много надѣются на собственное, мечтательное могущество. Безъ нѣкотораго сверхъестественно - благопрїятнаго оборота фортуны не льзя имъ ожидать мира выгоднѣе приготовленнаго имъ трактатомъ Тильзитскимъ. Сравните ихъ настоящее положенїе съ тогдашнимъ: теперь вся Европа на сторонѣ Императора Французовъ; они лишились *своей* Португалїи, столь долго служившей имъ золотою миною; потеряли кредитъ; торговлѣ и мореплаванїю ихъ нанесены глубокїя раны; вѣрнѣйшїе изъ союзниковъ обратились имъ въ непрїятелей; своимъ высокомѣрїемъ, наконецъ, побудили они могущественнаго Наполеона вооружиться всѣми своими силами, всѣми чрезвычайными своими средствами — и мы должны теперь ожидать предпрїятїй великихъ.

Намѣренїе, напасть на восточную Индїю, кажется близкимъ къ произведенїю въ дѣйствїе, и горе Англичанамъ, естьли оно увѣнчано будетъ успѣхомъ! Соотечественники ихъ, знающїе положенїе мѣстъ, видятъ опасность и предсказываютъ потери. Одни высокомѣрные, утопающїе въ невѣжествѣ Лондонскїе Набобы мечтаютъ о возможности отразить Наполеоновы войска своими Индїйскими Сеапоисами (*).

Всѣ обстоятельства теперь споспѣшествуютъ сему великому предпрїятїю — Англїя ни чемъ не можетъ остановить его, какъ самымъ скорѣйшимъ миромъ. Безсилїе Порты, приведенной въ трепетъ Французскимъ оружїемъ и потрясенной внутренними безпокойствами; согласїе, и можетъ быть сильное содѣйствїе Россїи; дѣятельная подпора Персїи — уничтожаютъ самыя важнѣйшїя преграды.

Уже нѣсколько разъ Англичане были остерегаемы на счетъ сего ужаснаго предпрїятїя Наполеонова. Въ Январѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года Полковникъ Карръ, Ирландецъ, находящїйся въ службѣ Остъ-Индской Компанїи, возвратился изъ Азїи въ

(*) Индїйскїе солдаты.

Англїю. Онъ былъ посыланъ своими Начальниками въ Персїю, куда намѣренъ былъ проѣхать черезъ Турецкїя владѣнїя. Остановившись въ Багдадѣ, узналъ онъ, что Персидская армїя была расположена лагеремъ въ окружности сего города, и что самъ Король при ней находился. Полковникъ Карръ объявилъ, что онъ имѣетъ нужду переговорить съ Шахомъ; но ему сказали, что въ лагерь впускаемы бываютъ только тѣ, которые прямо ѣдутъ изъ Персидской столицы, гдѣ надобно имъ напередъ получить пропускъ и письменное позволенїе посѣтить лагерь. Господинъ Карръ принужденъ былъ ѣхать въ Тегерань, объявилъ о своемъ посольствѣ, и получилъ отъ Губернатора нужный пропускъ. Прибывши въ лагерь, узналъ онъ, что Шахъ Фетали имѣлъ при себѣ Французскаго Посланника, и что Персїя, заключивши миръ со всѣми непрїятелями Англїи, вступила въ союзъ съ Императоромъ Французовъ. Фетали не допустилъ Карра къ своей аудїенцїи, и далъ ему повелѣнїе немедленно оставить и лагерь и Персїю. Полковникъ возвратился въ Багдадъ, гдѣ обошлись съ нимъ, какъ съ человѣкомъ презрѣннымъ отъ Правительства, весьма худо. Принужденный какъ можно скорѣе удалиться изъ Персїи, и не имѣя ни пропускныхъ видовъ, ни покровительства, онъ долго

скитался по неизвѣстнымъ дорогамъ; наконецъ, достигнувъ до береговъ Каспїйскаго моря, переѣхалъ въ Россїю, откуда прибылъ, въ началѣ сего 1808 года, черезъ Швецїю въ Англїю.

Въ продолженїе путешествїя своего Полковникъ Карръ имѣлъ случай сдѣлать множество важныхъ наблюденїй. Онъ увѣряетъ, что Императоръ Наполеонъ, въ походѣ своемъ противъ Ост-Индїи, конечно не встрѣтитъ ни въ Персїи, ни въ Индїи препятствїй *непобѣдимыхъ*. На дорогѣ находится одна только степь, которую, съ помощїю верблюдовъ, можно пройти въ три или четыре дни: слѣдовательно (такъ мыслитъ Издаватель Минервы) 40 или 50 тысячь войска, снабженнаго нужными припасами, могутъ естьли не уничтожить, то безъ сомнѣнїя поколебать съ корнемъ владычество Англичанъ въ Остъ-Индїи. Дорога въ сїю страну указана Французамъ Природою, Политикою и опытомъ Историческимъ. Она та же самая, которую избралъ Шахъ-Надиръ въ 1738, когда онъ вторгся изъ Персїи въ Остъ-Индїю, и разоривъ Дели, сдѣлался повелителемъ сего великаго Царства. Намъ извѣстны въ подробность всѣ тѣ препятствїя, которыя встрѣчены были Шахъ-Надиромъ: мы можемъ или избѣгнуть ихъ,

или побѣдить. Самымъ маловажнымъ почитаемъ нападенїе воинственныхъ, дикихъ народовъ, живущихъ по границамъ Персїи; а самымъ важнымъ переправу черезъ крутыя горы, и трудность получать сѣестные припасы — но всѣ сїи препятствїя могутъ быть уничтожены благоразумною предосторожностїю. Что же касается до нападенїя дикихъ народовъ Персїи, то Авганцы не страшны, Сеиковъ можно склонить къ союзу, а Мараттовъ подкупить.

Взглянемъ на путешествїе Шахъ-Надира. Онъ выступилъ изъ Персїи 29 Сентября 1737 года, и завладѣлъ Лагоромъ, первымъ большимъ Индїйскимъ городомъ — отселѣ продолжалъ онъ подвигаться во внутренность Индїи. Тогда наступило дождливое, и слѣдовательно совсѣмъ неблагопрїятное для военныхъ дѣйствїй время. На рѣкѣ Атокѣ, одномъ изъ рукавовъ Инда, наведенъ былъ мостъ; а черезъ рѣку Пенгебъ вся армїя и съ обозомъ перешла вбродъ. Лекцїйцы, обитавшїе на горахъ Альборцкихъ, покрытыхъ лѣсомъ, осмѣлились сдѣлать на нее нападенїе, но были отбиты, и жилища ихъ обращены въ пепелъ. — 8 Января 1738, оставилъ Шахъ-Надиръ главный городъ Лагоръ, и въ десять дней достигъ до Зергинда, обширнаго Индїйскаго города; при

дни спустя находился онъ въ Анбалѣ, въ двенадцати Нѣмецкихъ миляхъ отъ Зергинда: въ семъ городѣ оставлена была часть обоза и Гаремъ. 16 Января 1736, не подалеку отъ рѣки Карналя, произошло между обоими войсками, Индїйскимъ и Персидскимъ, великое сраженїе, совершенно проигранное Индїйцами. Побѣжденный Императоръ Могамедъ прибѣгнулъ къ великодушїю Тахмаса и просилъ пощады. — 7го Февраля, въ тридцатый день по вступленїи Персовъ въ Зергиндъ, слѣдовательно по открытїи похода, солдаты Надировы расположились лагеремъ въ садахъ Могамедовыхъ, и война была совершенно кончана. — Не льзя предполагать, чтобъ, по прошествїи семидесяти лѣтъ, Французское войско, ведомое сими опытами, могло встрѣтить на пути своемъ къ Дели болѣе затрудненїй, нежели Персидское. Сей городъ, чрезвычайно обширный, могущїй быть главною квартирою великой армїи, хранилищемъ многочисленныхъ военныхъ запасовъ, и средоточїемъ сообщенїя между владѣльцами и народами Индїйскими, доставилъ бы важныя пособїя Французскому войску, привелъ бы его въ состоянїе заключить союзъ съ Мараттами, и открылъ бы ему дорогу далѣе на Западъ, — дорогу, которую назначаетъ самая Политика, и именно — прямо въ Бомбай.

Завоеванїе Бомбая было бы сильнымъ потрясенїемъ Британскаго могущества въ Остъ-Индїи. Это единственная Англїйская гавань во всемъ Индостанѣ, къ которой могутъ приставать большїе корабли. Сей городъ почитаютъ Англичане вторымъ изъ всѣхъ, принадлежащихъ имъ въ Азїи; сверхъ того имѣетъ въ немъ пребыванїе полномочное и подкрѣпленное великими военными силами Правительство.

Высокїя, переходимыя съ большимъ затрудненїемъ горы Остъ-Индїи не могутъ быть препятствїемъ чрезвычайнымъ для армїи Французской; главныя отрасли ихъ простираются болѣе къ Югу, и тамъ пересѣкаютъ Индїю; западная идетъ отъ мыса Коморина до Сурата. Горы сїи, называемыя Англичанами The Gouts, а Французами Gates, почитаются Альпами Остъ-Индїи: Англїйскїя войска переходили ихъ нѣсколько разъ, во всѣхъ направленїяхъ.

Сдѣлаемъ одно Историческое замѣчанїе, нужное для опровержения понятїй ложныхъ. Можно основательно полагаться на всеобщую ненависть Остъ-Индскихъ Князей и народовъ къ Англичанамъ, начиная отъ Набоба до послѣдняго презираемаго здѣсь работника; но тѣ народы, которые непосредственно подвластны

Англичанамъ, не имѣютъ участїя въ этой всеобщей ненависти. Англїйское Правительство здѣсь справедливо, кротко; покровительствуетъ промышленности, и вообще, въ отношенїи къ законодательству и земскому управленїю, противуположно тому, что жители Индїи видятъ въ другихъ Индїйскихъ областяхъ, подвластныхъ другимъ владѣльцамъ. Здѣшнїе *подданные* Англичанъ ограничены только въ одной торговлѣ; они не могутъ жаловаться на утѣсненїе, неправосудїе, жестокость и хищничество своихъ правителей. Отъ сихъ Индїйцевъ, которые совсѣмъ не почитаютъ себя — какъ многїе думаютъ — обремененными тяжкимъ игомъ, можно ожидать не пособїя, но — вѣроятно, сопротивленїя.

Бенгалъ есть главная и богатѣйшая провинцїя Британской Монархїи въ Остъ-Индїи. Но завоеванїе сей провинцїи, по причинѣ ея мѣстоположенїя и множества укрѣпленныхъ мѣстъ, отъ быстраго, по многимъ отношенїямъ благодѣтельнаго Гангеса, которымъ она орошаема, и наконецъ, отъ удобнаго сообщенїя съ Мадрасомъ, было бы весьма затруднительно для самаго щастливаго Военачальника. —

Здѣсь моглибы мы говорить о новыхъ сношенїяхъ Индїйскихъ Англичанъ съ со-

сѣдственными Князьями и Народами, особенно съ страшными племенами Маратовъ; но это завлекло бы насъ слишкомъ далеко. Скажемъ послѣднее свое мнѣніе: никто не будетъ столь безразсуденъ, чтобъ почитать походъ въ Остъ-Индїю незатруднительнымъ; но можно изъ всего, что мы говорили выше, заключить, что всѣ препятствїя уничтожатся, естьли только планы Завоевателя не будутъ слишкомъ обширны, и что произведенїе въ дѣйство сего великаго предпрїятїя, самое изумительное, необычайное и богатое слѣдствїями, не можетъ еще почитаться самымъ труднымъ изъ всѣхъ тѣхъ, которыхъ мы были свидѣтелями столь недавно.

Архенгольцъ.

VIII.

Объ Испанїи.

(Письмо Французскаго Офицера.)

Мы оставили позади себя крутыя Пиринейскїя горы, и быстрымъ маршемъ приближились къ Мадриту. Жители во всѣхъ мѣстахъ оказывали намъ гостепрїимство и дружбу. Я видѣлъ большую часть Испанїи — прекрасная, благо-

словенная земля, богатая многочисленными преимуществами, изъ которыхъ каждое въ особенности могло бы служить источникомъ благоденствїя въ странѣ, обитаемой дѣятельнымъ и промышленнымъ народомъ! Положенїе Испанїи, окруженной тремя морями, есть самое выгодное. Кроткое, всегда почти ясное небо; земля плодотворная; изобилїе лучшихъ произведенїй Природы; прелестныя мѣстоположенїя; тучныя равнины, окруженныя величественными горами, съ которыхъ стремятся рѣки и бѣгутъ источники, тихо журчащїе — такова Испанїя! и при всѣхъ своихъ преимуществахъ сїя Земля менѣе щастлива, нежели другїя, не столь облагодѣтельствованныя Природою.

Сколь выгодно положенїе Испанїи! — Съ сѣверо-востока ограждена она Пиринейскимъ валомъ; на сѣверѣ и западѣ орошаетъ ее великїй Океанъ, соединенный съ сѣвернымъ или Нѣмецкимъ моремъ посредствомъ канала, отдѣляющаго Великобританнїю отъ Францїи; на югѣ Средиземное море, заключенное между берегами трехъ частей Свѣта, и вливающееся въ Океанъ черезъ проливъ Гибральтарскїй. Только на юго-западѣ малый участокъ земли, именуемый Португаллїею, соста-

вляетъ чужое владѣніе. — Пространство Испаніи довольно велико: отъ подошвы Пиринейскихъ горъ до границы Португальской считается 130 миль; столько же почти отъ сѣверныхъ береговъ, орошенныхъ Океаномъ, до береговъ южныхъ, орошаемыхъ Средиземнымъ моремъ; во всей окружности полагается 600 миль, а вся поверхность заключаетъ въ себѣ 9000 миль квадратныхъ. Климатъ Испаніи прекрасный и вообще довольно жаркій: во многихъ провинціяхъ не имѣютъ понятія о льдѣ, снѣгѣ и зимнихъ морозахъ. Различіе положенія ихъ, близость къ морю или отдаленіе отъ моря, горы, воды и свойство земли производятъ здѣсь, какъ и вездѣ, различіе климатовъ. Сѣверная часть Испаніи холоднѣе, и имѣетъ болѣе влажности, нежели другія; въ средней бываютъ лѣтомъ почти нестерпимые жары: здѣсь никогда не вѣетъ свѣжій морской вѣтеръ; снѣжныя вершины не разливаютъ прохлады, а горы, со всѣхъ сторонъ окружающія равнины, только препятствуютъ свободному теченію воздуха и, отражая солнечные лучи, усиливаютъ зной палящаго лѣта. За то ночи въ сихъ мѣстахъ бываютъ чрезвычайно холодны. Въ южныхъ провинціяхъ солнечный жаръ укрощается сыростію мѣстъ и свѣжестію морскаго воздуха; но въ то время, когда подымается

южный вѣтеръ, такъ называемый *Солано*, летящій отъ разкаленныхъ степей Африканскихъ, жаръ становится нестерпимымъ, онъ производитъ въ жителяхъ чрезмѣрное изступленіе страсти, и не рѣдко бываетъ причиною бѣшенство. На сѣверозападѣ очень часто вѣетъ ужасно холодный вѣтеръ *Галлего*: онъ могъ бы быть вреденъ для здоровья и производить жестокія простуды, когда бы жители заранѣе не принимали необходимыхъ предосторожностей. Вообще жестокій жаръ смѣняется здѣсь слишкомъ быстро чувствительнымъ холодомъ; но въ теплыхъ провинціяхъ и въ самое зимнее время не имѣютъ нужды топить печей; употребляютъ вмѣсто печей жаровни. За то въ лѣтнюю пору бываютъ нестерпимые жары, особенно въ среднихъ провинціяхъ, гдѣ дождикъ идетъ такъ рѣдко, что земля трескается и кажется разкаленною. На югѣ находятся высокія, снѣжныя горы, составляющія пріятную противуположность съ цвѣтущими равнинами, никогда неподверженными жестокости мороза. — Прекрасное, теплое небо Испаніи озаряетъ страны, чрезвычайно плодоносныя. можно сказать вообще, что Испанія гориста; отъ цѣпи крутыхъ Пиринеевъ идутъ во всѣхъ направленіяхъ многочисленныя отрасли горъ, болѣе или менѣе

высокихъ и разсѣянныхъ по всѣмъ частямъ Королевства; но между сими горами заключены прелестныя, плодоносныя долины, и самые хребты ихъ бываютъ обработываемы съ успѣхомъ — дѣйствіе теплоты климата, отъ котораго и среди зимы, въ южныхъ провинціяхъ, луга вѣчно зеленѣютъ и деревья никогда не теряютъ своихъ листьевъ. Обширныя равнины, орошаемыя большими рѣками и свѣжими источниками, тихіе скаты горъ, непримѣтно теряющіеся въ равнинахъ, щедро вознаграждаютъ труды земледѣльца. Въ иныхъ мѣстахъ, но очень рѣдко, попадаются глазамъ сухія, безплодныя поля, неосвѣжаемыя ни рѣкою, ни источникомъ, или мрачныя пустыни, усѣянныя утесами, на которыхъ обитаютъ дикіе звѣри или разбойники. — Спрашиваю: что причиною сей пустоты и дикости? Скупость Природы, или недѣятельность человѣка? Но уже ли въ одной Испаніи положены человѣческому могуществу столь тѣсныя границы? Конечно нѣтъ! Смотря на Сіерру-Моренну, вы узнаете, что можетъ произведено быть, въ самой ужасной пустынѣ, дѣятельностію и прилѣжаніемъ!

Испанскія горы богаты благородными и простыми металлами: въ нихъ находит-

ся великое множество различныхЪ минераловЪ. Испанія и вЪ древнія времена славилась сими богатствами, которыя не изтощились, а только оставлены вЪ забвеніи. ВЪ источникахЪ и большихЪ рѣкахЪ находится золотой песокЪ. Серебра великое изобиліе, но его не стараются добывать: Испанцы, недѣятельные и лѣнивые, оставляютЪ сей трудЪ нещастнымЪ ИндійцамЪ, погребеннымЪ за-живо вЪ глубокихЪ рудокопняхЪ Америки. Царство растеній вЪ Испаніи чрезвычайно обильно сокровищами разнаго рода. Всего важнѣе обрабатываніе винограда. Кому не извѣстны превосходныя вина Малага и Аликанто? Вообще Испанскія вина, всѣ очень хорошія, будучи употребляемы умѣренно, подкрѣпляютЪ здоровье.

(*Съ Нѣмецкаго.*)

X.

Извѣстія.

Зрѣлище, представляемое нынѣ Швеціею (говоритЪ МонитёрЪ), чрезвычайно любопытно для Наблюдателя. Тѣ самые Шведы, которые вЪ началѣ 18 го столѣтія дѣйствовали сЪ такимЪ успѣхомЪ противЪ РускихЪ, не могутЪ теперь проти-

виться имъ ни въ одномъ сраженіи. Финляндія, почти непроходимая, наполненная озерами, дефилеями, крѣпостями, завоевана въ нѣсколько дней, среди жестокаго зимняго хлада. Руские вездѣ побѣждають Шведовъ, и часто съ меньшими противъ нихъ силами. Генералъ Буксгевденъ заслужилъ имя искуснаго Полководца, присоединивъ къ Россіи Провинцію, весьма важную. Тѣ много ошибались, которые сравнивали Рускую Финляндію съ Шведскою. Послѣдняя есть область прекрасная, заключающая въ себѣ нѣсколько многолюдныхъ и хорошо выстроенныхъ городовъ; она можетъ быть хорошо обработана, гораздо лучше, нежели теперь, и вѣроятно, что въ двадцать лѣтъ число ея жителей, простирающееся до милліона, будетъ удвоено. Повторяемъ: присоединеніе сей Провинціи къ Россійской Имперіи дѣлаетъ великую честь Министру Румянцеву и дѣятельному Буксгевдену. Крѣпость Свіабургъ, имѣвшая 7000 гарнизону и 150 канонирныхъ шлюпокъ, сдалась Рускимъ, и прекрасная находившаяся въ ней флотиллія досталась имъ въ добычу. По извѣстіямъ изъ Даніи, Шведскія войска не имѣютъ никакого успѣха въ Норвегіи; въ самой Швеціи всѣ недовольны, всѣ негодуютъ на политическіе поступки Густава; всѣ почитаютъ нещастія Націи слѣд-

ствїемъ уничтоженїя привиллегїй ея и конституцїи. Въ настоящую войну Шведы потеряли уже 15,000 человѣкъ — словомъ, сїя Монархїя, возведенная на высоту славы прежними своими Государями, приближена Густавомъ къ совершенному упадку. — Выгоды присоединенїя Шведской Финляндїи къ Россїйской Имперїи чрезвычайно важны: прїобрѣтенїе Провинцїи, заключающей въ себѣ миллїонъ жителей, и отстоящей въ 40 миляхъ отъ Столицы, завоеванїе 100 миль Балтїйскаго берега, и земли, которая можетъ снабжать Россїйскїе корабли прекрасными матросами, должны быть источниками не только новой силы, но вмѣстѣ и новаго щастїя. Что остается теперь для Швецїи? Штокгольмъ подверженъ могуществу Рускихъ, и Шведскїе Монархи изъ оконъ Дворца своего должны видѣть Рускїе флаги, развѣвающїе по ту сторону Залива! Во всякой войнѣ первый пушечный выстрѣлъ будетъ раздаваться передъ стѣнами ихъ Столицы — что мы говоримъ, Столицы? захотятъ ли Короли Шведскїе обитать въ пограничномъ городѣ, въ которомъ нынѣ именуются они Шведами, а завтре могутъ пробудиться Рускими? Извѣстно, что Густавъ не имѣетъ привязанности къ Штокгольму, слѣдственно оставитъ его безъ огорченїя. Въ наше время

ужасныя политическія перемѣны не могутъ почитаемы быть чрезвычайностію. Мы видѣли Фридриховы арміи, уничтоженныя однимъ сраженіемъ; мы видѣли разрушеніе Австрійскаго могущества: но въ сихъ великихъ произшествіяхъ разсчеты ума были уничтожены другими щастливѣйшими разсчетами. Спрашиваемъ: „по какой причинѣ, по какому разсчету ума Король Швеціи приводитъ свою націю къ погибели, и самъ разрушаетъ престолъ свой, прославленный его Предками?“ — Англичане, какъ видно по всему, приготовляютъ для Швеціи такую же точно нечаянность, какою въ прошедшую войну удивили они Россію. Гдѣ войска, обѣщанныя ими Густаву, который потерялъ уже треть своей арміи, сражаясь съ арміями АЛЕКСАНДРА? Въ Испаніи! 10,000 отправлены ими въ Гибральтаръ и 4000 сидятъ на корабляхъ передъ Кадиксомъ. И самыя тѣ войска, которыя, полагали мы, вѣря слухамъ, вышедшими въ Готенбургѣ на берегъ подъ предводительствомъ Генерала Моора, или совсѣмъ не отправлены изъ Англіи, или опять садятся на корабли, и должны возвратиться въ свое отечество. Путешествіе Генерала Моора въ Грипсгольмъ къ Густаву имѣло предметомъ не продовольствіе, но самое *назначеніе* Англійскаго войска; именно: Англійское

Правительство желаетъ, чтобъ армія его была употребляема не для нападенія, но единственно для обороны. Король никакъ не хочетъ соглашаться на такое *неожиданное* условіе. — Виц - Адмиралу Кронштету и Офицерамъ, которые не противились здачѣ Свіабурга, объявлено, что они потеряли довѣренность Короля, и не могутъ остаться въ Шведской службѣ. — Россійскому Посланнику, Господину Алопеусу, возвращена свобода: онъ вмѣстѣ съ Графомъ Даммасомъ прибылъ изъ Штокгольма въ Либау 29 Мая. Графъ Даммасъ долженъ взять въ Митавѣ супругу Людовика XVIII съ Графинею Ангулемскою, и проводить ихъ черезъ Штокгольмъ въ Англію.

*

Принцъ Астурійскій съ Инфантами донъ Карлосомъ и донъ Антоніо находится теперь въ Валанси — они занимаются охотою и музыкою. Извѣстный Дюсекъ, котораго нашли они въ семъ городѣ, забавляетъ ихъ своимъ талантомъ. Король Карлъ съ Супругою живетъ въ Фонтенебло, весьма уединенно. — Государственная Юнта, которая должна собраться въ Байоннѣ, вѣроятно наименуетъ и новаго Короля Испаніи. Для нее очищается въ семъ городѣ бывшій Епископской Замокъ, и надобно думать, что самъ Наполеонъ

будетЪ присудствовать на СовѣтѢ, ибо вЪ залѢ, назначенной для засѣданій, воздвигнутЪ великолѣпный тронЪ. — Говорятъ, что жребій, носить корону Испаніи, долженЪ упасть на Люціана, который наименованЪ уже ПринцомЪ Французской Имперіи. Сначала газеты и журналы пророчествовали, что ЛюціанЪ будетЪ КоролемЪ ЛатинскимЪ; но Тоскана опредѣленіемЪ Сената причислена кЪ Королевству Италіанскому и раздѣлена уже на департаменты; а кЪ ней присоединены и двѣ пятыя части Папской Области, *нужныя для непосредственнаго сообщенія Французской Имперіи съ Королевствомъ Неаполитанскимъ.* — СенаторЪ Семонвиль говорилЪ вЪ засѣданіи Сената, на случай сего присоединенія, слѣдующее: — Всѣ берега Средиземнаго моря должны быть удѣломЪ или Французской Монархіи, или великой Имперіи. Области, разположенныя по берегамЪ Адріатическаго моря, причислены кЪ Королевству Италіанскому; области, сопредѣльныя сЪ нашими владѣніями, и находящіяся на берегахЪ Средиземнаго моря, должны принадлежать кЪ Имперіи Французской, и торговля на СредиземномЪ морѣ, вопреки усиліямЪ высокомѣрнаго тирана морей, будетЪ находиться подЪ непосредственнымЪ ея вліяніемЪ . . . . Морская сила Франціи возрастаетЪ, вездѣ

сооружаются корабли ея! . . . . Присоединенiе Тосканы къ нашимъ владѣнiямъ будетъ выгодно, и собственно для Тосканы, доселѣ слабой, подвластной Государямъ безсильнымъ и всегда подверженной нападенiямъ Варварiйцевъ. Въ наше время народы должны быть управляемы властiю твердою, основанною на положительныхъ, незыблемыхъ законахъ. Прошли тѣ вѣки, когда всѣ мыслили, что не Государи созданы для народовъ, а народы для Государей. — Напрасно будутъ намъ представлять неудобства, соединенныя съ чрезмѣрнымъ расширенiемъ Имперiи: посредствомъ морскаго сообщенiя уничтожается и самая отдаленность, а сообщенiе сухимъ путемъ, въ наше время, когда не существуютъ уже ни Альпы, ни Аппенины, также легко между Парижемъ и Ливорною, какъ между Парижемъ и Ниццею. Провинцiи Урбино, Каммерино и Анкона, бывшiя подъ влiянiемъ Венецiи, должны необходимо принадлежать къ Королевству Италiанскому, къ которому онѣ и причислены. Пристань Анконская, помѣстительная для десяти военныхъ кораблей, будетъ хранителемъ Адрiатическаго моря, и въ концѣ лѣта увидимъ на Анконской рейдѣ новую эскадру, состоящую изъ пяти кораблей, которыхъ присутствiе заградитъ Англичанамъ входъ въ Адрiати-

ческое море, по берегамъ для нихъ неприступное. Нѣтъ, война не можетъ продолжаться вѣчно, вопреки изступленїю тѣхъ безразсудныхъ, которые стараются укоренить гибельную систему сїю во внутренности Лондонскаго Кабинета. Эскадры Французскїя умножаются безпрестанно; скоро будемъ имѣть 30 кораблей на рейдахъ Антверпенской и Флиссингенской, и гораздо болѣе на рейдахъ Бретаньскихъ. Выключая Россїйскую, союзную съ нашимъ флотомъ эскадру, имѣемъ въ Лиссабонѣ другїе военные корабли, совершенно новые, и доставшїеся намъ во власть отъ быстраго движенїя Жюнотовой армїи. Произшествїя, случившїяся въ Испанїи, превратили сїю разслабленную Монархїю въ сильную и дѣятельную; Кадикскїя, Феррольскїя и Картагенскїя верфи оживились; Тулонъ, Специїя, Венецїя и всѣ многочисленныя пособїя, доставляемыя намъ Испанїею, Италїею, Голландїею, приведены въ движенїе: намъ нужны корабли; мы будемъ имѣть ихъ въ великомъ множествѣ и скоро: мы богаты желѣзомъ, пенькою лѣсомъ, и проч.“ —

*

Перемирїе, заключенное между Россїйскими и Турецкими войсками — такъ сказано въ придворныхъ Вѣнскихъ Вѣдо-

мостяхЪ — еще не прекратилось; но всѣ Губернаторы пограничныхЪ провинцїй Турцїи получили приказЪ удвоить дѣятельность вЪ вооруженїи войска. Города, находящїеся на ЭгейскихЪ, ІонїйскихЪ и АдрїатическихЪ берегахЪ, укрѣпляются. Главная квартира Великаго Визиря перенесена изЪ Адрїанополя вЪ Софїю. Большїе корпусы войскЪ идутЪ изЪ Анатолїи черезЪ ГеллеспонтЪ вЪ Европу. Губернатору Салоникскому, ХозревЪ МегемедЪ Пашѣ, и извѣстному Серезскому Айану, ИзмаилЪ Бею, наслано повелѣнїе двинуться сЪ войсками своими впередЪ, вѣроятно противЪ СербовЪ, которые и понынѣ упорно отвергаютЪ всѣ предложенїя Порты. ФлотЪ Капудана Паши, совершенно готовый кЪ выступленїю, стоитЪ на якорѣ вЪ каналѣ.

1 Іюля.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ІЮЛЬ, 1808.

№ 14.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Разговоръ Клеандра съ Сократомъ (*).

(Письмо Клеандра къ Орсаму.)

Сократъ прогуливался вмѣстѣ со мною по окрестностямъ Аѳинскимъ. Уныло разсматривали мы опустошенія, недавно причиненныя моремъ. Деревья исторгнуты были съ корнями; золотая жатва — надежда земледѣльца — плавала по водамъ. Печальное зрѣлище сіе возмутило мою душу — я воскликнулъ: о Промыслъ Всевышній! для чего попускаешь Ты Ариману производить въ твореніи Твоемъ без-

(*) Отрывокъ изъ Аѳинскихъ Писемъ, которыхъ первой томъ переведенъ Гном. Каченовскимъ, а слѣдующіе два переводятся Гном. Смирновымъ. — *Ж.*

порядокъ и бѣдствія? Скороль наступитъ день, въ который злобное существо сіе престанетъ противиться Твоей власти? —

Клеандръ! отвѣчалъ мнѣ Сократъ, постигнетъ ли человѣкъ намѣреніе Создателя, произведшаго ядовитыя травы и ядовитыхъ насѣкомыхъ, въ которыхъ замѣчаемъ мы одно вредное или отвратительное? Въ мірѣ всему есть мѣсто, необходимо полезное въ общей системѣ созданія.

Тебѣ не извѣстно, съ какимъ намѣреніемъ корабельный мастеръ обдѣлываетъ каждую дощечку! но можешь ли подумать, чтобъ онъ трудился безъ всякой цѣли?

Каждая отдѣльная струна арфы можетъ издавать непріятный, или по крайней мѣрѣ однообразный звукъ. Но ты знаешь, что вмѣстѣ, будучи разположены одна относительно къ другой, въ совершенномъ порядкѣ, онѣ производятъ сладчайшую мелодію. Менѣе ли будешь имѣть довѣренности къ Творцу міровъ, нежели къ мастеру корабельному? И зная лучше строеніе арфы, нежели строеніе вселенной, усомнишься ли въ премудрости Того, Кто сохраняетъ порядокъ въ опредѣленномъ

движенїи небесныхъ тѣлъ, и столь же печется о самомъ слабѣйшемъ творенїи, какъ и о бытїи свѣтилъ, обращающихся надъ нашими головами? — Тотъ, кто увѣренъ въ бытїи, могуществѣ, премудрости, милосердїи и правосудїи Создателя: тотъ, безъ сомнѣнїя, увѣренъ и въ томъ, что все, случающееся въ мїрѣ, имѣетъ свое предназначенїе, и всегда необходимо. Самая мысль восточныхъ мудрецовъ, утверждающихъ, что сила Аримана должна нѣкогда покориться могуществу Оромазда — есть не иное что, какъ аллегорїя сей великой истины. Мы часто должны благодарить Всевышняго и за то, что почитаемъ въ слѣпотѣ своей нещастїемъ. Бури приводятъ въ движенїе воздухъ, уносятъ вредные пары и разливаютъ здравїе въ атмосферѣ. Кто можетъ мнѣ доказать, что землетрясенїя и потопы, которыхъ временныя опустошенїя приводятъ насъ въ трепетъ, не средства, употребляемыя Промысломъ для общаго блага? И можемъ ли справедливо судить о дѣйствїяхъ, когда причины ихъ навсегда отъ насъ сокрыты?

Что же касается до мнѣнїя, которое Персы и другїе народы имѣютъ о началѣ зла и могуществѣ Аримана; то

почитаю его древнимъ заблужденїемъ, родившимся отъ слабости, страха и догадокъ невѣжества. Суевѣрїе праотцевъ переходитъ къ потомкамъ; человѣкъ, всегда къ нему склонный, усиливаетъ его и дѣлаетъ орудїемъ своихъ бѣдствїй. Первымъ Философамъ, которые начали разсуждать о причинахъ произшествїй нещастныхъ, бытїе злобнаго существа казалось несомнѣннымъ: хотѣли укротить его, и воздвигнули ему храмы! Въ Тирѣ и Карѳагенѣ еще и теперь приносятъ въ жертву людей Сатурну или Молоху, вѣроятно Тиранну, котораго жестокости опасались и по смерти. Въ Египтѣ обожаютъ Тифона, утѣснителя сей страны, наравнѣ съ благодѣтелемъ ея Озиридомъ. Словомъ, человѣкъ, изумленный постояннымъ и предназначеннымъ отъ вѣка смѣшенїемъ добра и зла, не могши безъ сомнѣнїя приписать его одной и той же причинѣ, принужденъ былъ создать для себя два Божества: доброе, къ которому прибѣгалъ онъ въ нещастїи, и злое, которое старался умилосердить своими жертвами. —

Я просилъ Сократа, чтобъ онъ продолжалъ разсуждать со мною о семъ великомъ предметѣ; но онъ принужденъ былъ

меня оставить, будучи отозванъ на вечеръ къ Альцибіаду.

Ты видишь, Орсамъ, какъ свободно этотъ мудрецъ выражается на счетъ религіи народной. Въ самомъ дѣлѣ, открытіе заблужденій столько же необходимо для убѣжденія нашего въ истинѣ, какъ и разсматриваніе порока для соблюденія большей твердости въ добродѣтели. Не смотря на то, подобныя изслѣдованія могутъ подвергнуть насъ осужденію: одни говорятъ, что мы неосторожны; другіе, что мы безразсудны; нѣкоторые обвиняютъ насъ въ притворствѣ и гордости; всѣ вообще въ безбожіи. — Достойно замѣчанія то, что Греческіе Философы, почитая народъ недовольно образованнымъ, остерегаются открывать ему тайныя свои мнѣнія о религіи, и разсуждаютъ о семъ предметѣ въ особенномъ своемъ кругѣ. Они не ошибаются, думая, что сіи истины могли бы имѣть слишкомъ быстрое, и слѣдовательно опасное вліяніе на понятія черни. Ихъ мысли подобны прохладительнымъ водамъ Хоаспа, которыя позволено пить однимъ только властителямъ Азіи.

Съ Французскаго С. Смирновъ.

II.

Густавъ Обинье.

(*Окончаніе.*)

Слѣдующее утро провелъ я вмѣстѣ съ батюшкою, но не имѣлъ духу говорить съ нимъ о данномъ мною обѣщаніи, хотя увѣренъ былъ, что никакая сила на свѣтѣ не принудитъ меня его нарушить. Пріѣхали гости; я воспользовался минутою свободы, и полетѣлъ къ Герцогинѣ.

Госпожа Деступвиль приняла меня ласковѣе обыкновеннаго. Лице Эвелины блистало удовольствіемъ. Никто не можетъ съ нею сравниться, когда она щастлива; никто лучше ее не умѣетъ дать вамъ почувствовать, что вы причиною ея щастія. Какою прелестною показалась мнѣ она въ эту минуту! Гостей было очень много; осторожность, которую надлежало наблюдать въ этомъ собраніи, не помѣшала мнѣ замѣтить, съ какою любезною примѣчательностію собрала Эвелина все то, что могло увеличить пріятность нашего свиданія — ни что не было забыто! Но и съ моей стороны все было замѣчено; я все понималъ, все чувствовалъ.

Она одѣта была въ дикое тафтяное платье, которое мнѣ вздумалось однажды похвалить, въ тотъ день, когда мы поссорились и помирились, безъ всякой причины, какъ настоящїя дѣти. Она скинула перчатки, для того, чтобы я могъ видѣть кольцо, которое она у меня выпросила, и которое имѣлъ я на пальцѣ въ первый день нашего знакомства. Въ разное время подарилъ я ей два или три жемчужныхъ ожерелья и нѣсколько золотыхъ цѣпочекъ, привезенныхъ мною изъ чужихъ краевъ: все это собрано было у нее на шеѣ. Герцогиня удивилась такому чудесному наряду; гости смѣялись: Эвелина смѣялась также и увѣряла, что имѣетъ чрезвычайное желанїе ввести новую моду. Сколько наслажденїй, непримѣтныхъ для того важнаго круга, въ которомъ мы находились! Эвелина посматривала на меня улыбаясь; я понималъ ея мысли; я говорилъ самому себѣ: одна любовь даетъ великую цѣну обстоятельствамъ мѣлкимъ и едва замѣтнымъ! любовь, безъ нашего вѣдома, врѣзываетъ ихъ въ нашу память! Онѣ остаются въ забвенїи, въ неизвѣстности до той минуты, какъ сердце, открывъ ихъ, пользуется ими для новаго доказательства нѣжнѣйшей страсти. Пошли обѣдать; лучшїя мѣста за столомъ достались старшимъ: я сѣлъ далеко отъ Эвелины; но, въ

утѣшенїе, пересылалъ къ ней, съ самымъ важнымъ видомъ, какъ будто по ея приказанїю, всѣ лучшїя блюда — я имѣлъ удовольствїе предупреждать ея желанїя, кланяться ей съ видомъ глубокаго почтенїя, и получать отъ нее въ награду самую милую улыбку.

Эвелина, послѣ обѣда, шила обыкновенно въ пяльцахъ, которыя, по причинѣ огромности, поставлены были въ сторонѣ. Госпожа Деступвиль садилась играть въ вистъ, а я, мало помалу, подходилъ ближе и ближе къ пяльцамъ, и наконецъ разполагался въ большихъ креслахъ, которыя однѣ подлѣ нихъ находились. Минуты уединенїя, спокойнаго и беззаботнаго среди многолюднаго общества, имѣли для насъ неописанную прелесть: мы были вмѣстѣ; мы занимались другъ другомъ; мы были щастливы! — И въ этотъ день Эвелина, по обыкновенїю своему, сѣла за пяльцы, а я, по обыкновенїю своему, сѣлъ подлѣ нее, смотрѣлъ съ нѣкоторою неописанною радостїю на ея прелестное лице, на волосы, которыми нѣсколько закрыты были ея глаза, на ея нѣжныя, прекрасныя руки; повторялъ самому себѣ, что Эвелина меня любитъ, что мы живемъ другъ для друга; былъ щастливъ, когда она меня слушала; щастливъ, когда она избѣгала моихъ

взглядовъ; любилъ ее, когда она боялась нарушить, изъ любви ко мнѣ, приличїе; восхищался ею, когда она, изъ любви ко мнѣ, его нарушала. Вдругъ отворяются двери; слуга сказываетъ о прїѣздѣ батюшки: первый предметъ, на которой надлежало устремиться его глазамъ, была Эвелина, окружившая себя множествомъ свѣчь, чтобъ лучше видѣть свою работу, и слѣдственно освѣщенная болѣе другихъ; никто не могъ приближаться къ ней, кромѣ меня: однѣ мои кресла находились подлѣ ея пялецъ. Батюшка вошелъ; мнѣ пришла въ голову безразсудная мысль идти къ нему навстрѣчу, какъ будто бы я имѣлъ право играть ролю хозяина въ чужомъ домѣ. Но вмѣсто того, чтобы возвратиться на прежнее мѣсто, я сѣлъ въ другомъ углу комнаты, подлѣ камина: Герцогиня оскорбилась; Эвелина взглянула на меня съ упрекомъ.

Батюшка приблизился къ кресламъ Госпожи Дестутвиль: на лицѣ его написана была чрезвычайная строгость. Сказавши нѣсколько неважныхъ словъ о матерїяхъ постороннихъ, онъ обьявилъ Герцогинѣ, что ѣдетъ черезъ три или четыре дни въ деревню, въ которой намѣренъ провести шесть мѣсяцевъ. Я ничего не слыхалъ о нашемъ отъѣздѣ, и находилъ нѣчто жестокое въ

этомъ открытіи, сдѣланномъ мнѣ въ присутствіи большаго общества, не увѣдомивъ меня заранѣе, не давши мнѣ времени приготовить къ нему Эвелину. Батюшкины слова были для нее страшнымъ ударомъ: она перемѣнилась въ лицѣ; хотѣла скрѣпиться, но не могла, и принуждена была выдти изъ комнаты. Я побѣжалъ отворить ей дверь, и успѣлъ сказать одно только слово: *Эвелина, хотите ли? Мы будемъ видаться каждый день!* Она не отвѣчала и удалилась; я затворилъ дверь и сѣлъ въ уголъ. Не знаю, что происходило въ моемъ сердцѣ: не видаться съ нею шесть мѣсяцевъ, возможно ли? Но разлучиться съ батюшкою, но покинуть его въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ меня воспиталъ, но показаться ему неблагодарнымъ — лучше умереть! Во все это время я не имѣлъ въ мысляхъ никого, кромѣ Эвелины, блѣдной и медленно идущей къ дверямъ; возпользовался первымъ случаемъ, и побѣжалъ въ ея комнату. „Ахъ, Густавъ! сказала она со вздохомъ, ни одно дурное намѣреніе не остается безъ наказанія! Суетная гордость заставила меня желать, чтобъ батюшка вашъ обо мнѣ сожалѣлъ! я хотѣла быть вами любима! но теперь люблю сама, и сама должна быть нещастна!“ — Я успокоивалъ ее нѣжнѣйшими выраженіями любви; но

вЪ то же время признавался, что не могу не сопутствовать батюшкѣ. „Перестаньте противиться желанїю Герцогини, сказалЪ я, согласитесь потребовать развода: тогда мнѣ позволено будетЪ просить батюшку, чтобЪ онЪ принялЪ васЪ вЪ домЪ, какЪ дочь свою, какЪ супругу своего сына; тогда щастїе принадлежать вамЪ будетЪ условїемЪ, сЪ которымЪ послѣдую за нимЪ вЪ деревню.“ Она противилась; но я уже не замѣчалЪ вЪ ней того рѣшительнаго упорства, которое замѣтилЪ наканунѣ; жестокая необходимость, быть цѣлые полгода со мною вЪ разлукѣ, совершенно лишила ее твердости; словомЪ, она согласилась, чтобы я сдѣлалЪ предложенїе Герцогинѣ о разводѣ. Скоро пришла кЪ намЪ и сама Госпожа Дестушвиль. Она бранила меня за то, что я не остался вЪ гостиной; бранила Эвелину за ея слабость; я просилЪ ее согласиться на нашЪ союзЪ: она смотрѣла на насЪ какЪ на дѣтей, которыя забавляютЪ себя обманчивою мечтою. Я бросился на колѣна, прижалЪ кЪ своему сердцу руку Эвелины и сЪ видомЪ торжественнымЪ, какЪ будто вЪ храмѣ Бога, воскликнулЪ: не вЪ моей власти назначить ту минуту, вЪ которую батюшка наименуетЪ ее своею дочерью! но я могу произнести клятву,

что никогда, ни рука моя, ни сердце, ни имя, не будутъ принадлежать другой женщинѣ, кромѣ Эвелины, и что я вашъ навѣки! Вѣрьте моему слову, продолжалъ я, обратясь къ Госпожѣ Деступвиль: батюшка огорчится, когда скажу ему, что я далъ клятву Эвелинѣ — ему еще не извѣстно ея сердце! но честь моя дороже для него моей жизни! одна мысль, что сынъ его нарушитель клятвы, можетъ привести его въ трепетъ. — „Этаго не довольно, сказала Госпожа Деступвиль: хочу, чтобы онъ видѣлъ въ моей Эвелинѣ и ваше и собственное свое щастїе!" — Я всталъ не отвѣчая ни слова, заключилъ Эвелину въ объятїя, и въ присутствїи матери ея опять воскликнулъ: *вашъ на вѣки!* Эвелина спросила у меня: увидимся ли завтра? въ сїю минуту, рѣшительную для цѣлой нашей жизни, она дорожила, какъ и прежде, удовольствїемъ мгновеннаго свиданїя! Мы разстались; но я тысячу разъ повторялъ въ своемъ сердцѣ: *Эвелина, твой на вѣки!*

Возвращаясь домой, я находилъ въ самомъ себѣ необыкновенное спокойствїе, необыкновенную, доселѣ неизвѣстную мнѣ твердость духа. Увѣренный въ моемъ почтенїи къ батюшкѣ, въ моей привязанности къ Эвелинѣ, я почиталъ себя выше

всѣхъ упрековъ, выше всякой несправедливости. Они могли огорчать меня, но не имѣли права называть виновнымъ. Готовый для щастія ихъ забыть самаго себя, я не позволилъ бы Эвелинѣ похитить ни одной минуты, посвященной батюшкѣ; а ему никогда не принесъ бы въ жертву привязанности своей къ Эвелинѣ.

Онъ долго прохаживался по комнатѣ, не говоря со мною ни слова; наконецъ сказалъ: „Я не люблю Герцогини Деступвиль; но долженъ, какъ честный человѣкъ, замѣтить, что нынѣшній твой поступокъ весьма неостороженъ: что подумаютъ въ обществѣ о Графинѣ Адельмаръ?“ — Нечаянность меня поразила! я не могъ воздержать себя отъ нѣкотораго удивленія! — „Въ мое время никакою нечаянностію, даже никакою страстію не смѣли извинять неблагоразумія!“ — Но смѣю замѣтить, батюшка, что вы могли бы приготовить меня къ вашему отъѣзду! — „Я намѣренъ былъ приготовить не тебя, но тѣхъ людей, съ которыми ты находился!“ — Батюшка, всякой день, въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ, бываю вмѣстѣ съ Графинею Адельмаръ: всѣ поступки ея мнѣ извѣстны, и нѣтъ ни одного, который не заслуживалъ бы отъ васъ одобренія.

Чувства ея, согласныя съ моими, дѣлаютъ меня щастливымъ. Вотъ письмо, которое писала она ко мнѣ наканунѣ вашего возвращенія. Прочтите его; но знайте, что съ самой той минуты не проходило ни одного дня, въ который не повторяли бы мы другъ другу обѣта посвятить всю свою жизнь вашему щастію! — „Боже мой! воскликнулъ онъ, Графиня Адельмаръ свободна! Когда бы я зналъ это заранѣе, то никогда нога твоя не была бы въ домѣ Герцогини Дестутвиль!“ — Батюшка! Эвелина уже не свободна: она обѣщалась быть моею! — „А я обѣщаю, что никогда.“ . . . . . — Я бросился къ его ногамъ: остановитесь! клятва моя произнесена прежде вашей; она невозвратна! — „Безразсудный! но можешь ли знать, что разлучило меня съ этимъ домомъ?“ — Для чего не хотѣли вы мнѣ открыться прежде? Ваша довѣренность могла бы предохранить мое сердце! . . . . но вы, не смотря на свое отвращеніе, познакомили меня съ Герцогинею! Я видѣлъ Эвелину! а можно ли видѣть ее и не любить? Батюшка! я связанъ съ нею священнѣйшими обѣтами чести! я обѣщалъ Эвелинѣ, что она будетъ щастлива; но собственное мое щастіе ввѣряю вамъ. . . . — „Что могу сдѣлать для

твоего щастія, когда ты самъ, безъ воли отца, располагаешь своимъ жребіемъ?" — Правда, я отдалъ Эвелинѣ и руку и сердце; но въ то же время я клялся, что буду ожидать вашего согласія. — „Пока я живъ, не позволю" . . . . Страшный вопль изторгнулся изъ моего сердца. Батюшка содрогнулся, посмотрѣлъ на меня быстро, и приговоръ его не былъ произнесенъ. — ‚Батюшка! воскликнулъ я съ огорченіемъ, для чего соединяете минуту вашей кончины съ минутою моего щастія? Вы можете пользоваться своею властію, можете употреблять ее во зло — но я никогда не перестану желать, чтобъ ваша жизнь продолжилась! Могу возненавидѣть собственную жизнь свою!" — Батюшка былъ въ отчаяніи. — „Поди, Густавъ, сказалъ онъ, завтра узнаешь отца своего, и завтра отдашь ему справедливость!" — Я хотѣлъ остаться, но онъ подалъ мнѣ знакъ рукою, и я удалился, во сто кратъ нещастнѣе, нежели онъ самъ. Какою продолжительною, какою печальною показалась мнѣ эта ночь! Передъ утромъ, я на минуту забылся; но стукъ кареты меня разбудилъ. Звоню; входитъ человѣкъ и сказываетъ; что батюшка уѣхалъ въ деревню, оставивъ слѣдующее письмо на мое имя:

„Густавъ! я никогда не хотѣлъ говорить съ тобою о нещастїяхъ моей жизни; но вижу, что самыя добрыя дѣти могутъ несправедливо судить о поступкахъ родителей своихъ, когда они выходятъ изъ круга обыкновенныхъ понятїй, когда причины ихъ остаются имъ неизвѣстными: узнай же причины моихъ поступковъ, и потомъ суди меня съ новыми твоими друзьями!

„Отецъ мой былъ человѣкъ строгихъ правилъ, сохранившїй въ душѣ своей простоту и неиспорченность благородныхъ нашихъ прародителей. Почтенїе, которое питали къ нему въ семействѣ, было безпредѣльно: однимъ своимъ взглядомъ онъ все приводилъ въ движенїе, или все останавливалъ. Его верховная, незыблемая воля казалась мнѣ естественнымъ правомъ главы семейства, а тихая покорность матушки естественнымъ положенїемъ супруги.

„Несправедливость принудила батюшку оставить Дворъ и удалиться на житье въ деревню. Здѣсь, ограничивъ совершенно желанїя свои самимъ собою, не позволяя себѣ ни роптать, ни сожалѣть, онъ прїобрѣлъ ту силу и то всеобщее уваженїе, которыми, въ прежнїя времена,

пользовались самовластные наши владѣльцы. Будучи справедливъ, откровененъ, великодушенъ, прямо благороденъ, онъ почитался душею провинцïи, и замокъ его былъ мѣстомъ собранïя всего провинцïальнаго Дворянства. Бѣдный находилъ въ немъ крѣпкую защиту, богатый наставника, добродѣтельный почиталъ необходимымъ заслужить его уваженïе.

„Шестнадцати лѣтъ вступилъ я въ военную службу: тяжкая рана, полученная мною въ первомъ сраженïи, принудила меня взять отставку; я сдѣлался неразлученъ съ батюшкою. Его добродѣтели, его строгïя правила образовали во мнѣ характеръ суровый; я всегда чувствую такое же презрѣнïе къ слабостямъ, какое другïе имѣютъ къ проступкамъ.

„Двадцати пяти лѣтъ, я потерялъ батюшку. Онъ совѣтовалъ мнѣ жениться, но въ выборѣ супруги повиноваться не любви, а разсудку. Женщина, которую любимъ страстно — говорилъ онъ — владѣетъ нами по крайней мѣрѣ столько времени, сколько продолжается наша страсть, а наконецъ ей будетъ уже очень трудно перейти отъ первенства къ подчиненности, необходимой для порядка въ союзѣ супружескомъ. Ты богатъ, слѣдова-

шельно, при выборѣ супруги, не имѣешь нужды обращашь вниманїя на ея богатство. Выгоды, которыя получитъ она отъ союза съ тобою; сдѣлаютъ ее навсегда тебѣ благодарною. Желаю, чтобы жена твоя имѣла фамилїю славную и древнюю: имена великихъ предковъ возбуждаютъ и воспоминанїя великїя. Гордость, естьли не добродѣтель, заставитъ ее разсказывать дѣтямъ о благородныхъ подвигахъ, мужествѣ и великодушїи своихъ прародителей; слава прошедшаго возвыситъ ихъ сердце и нечувствительно приготовитъ его ко всему великому; въ колыбели еще узнаютъ они, что добродѣтели обыкновенныя могутъ быть только началомъ, а не предметомъ ихъ дѣятельности!

„Получивъ послѣ батюшки большое наслѣдство, я долженъ былъ ѣхать въ Парижъ, гдѣ познакомился съ Госпожею Дестушвиль. Домъ ея и тогда почитался верховнымъ судилищемъ, передъ которое обязанъ былъ являться всякой, желающїй пользоваться какимъ-нибудь отличїемъ въ обществѣ. Я слишкомъ поздно замѣтилъ, что истинныя, простыя чувства были неизвѣстны Герцогинѣ, что все условное и принадлежащее къ одному приличїю обратилось во вторую натуру ея.

„Герцогъ Деступвиль, честолюбивый, какъ и жена его, имѣлъ несравненно болѣе гордости; едва говорилъ, едва кланялся; всѣхъ держалъ въ ужасномъ отъ себя отдаленіи: этотъ человѣкъ (думали объ немъ въ свѣтѣ) смотритъ на людей въ уменьшительное стекло. И дѣти и жена приближались къ нему со страхомъ. Не смотря однако на свою нестерпимую гордость, Герцогъ Деступвиль пользовался всеобщимъ уваженіемъ: знали непроницаемую осторожность его и были въ немъ увѣрены. Презрительный взглядъ былъ, нѣкоторымъ образомъ, ему приличенъ: имѣя Гигантскій ростъ, онъ противъ воли смотрѣлъ на всякаго съ высоты и рѣдкаго видѣлъ съ собою равнымъ. Старшій сынъ Герцога назначенъ былъ наслѣдникомъ его имѣнія; младшій, Кавалеръ Мальтійскій, вступилъ уже въ свое званіе и владѣлъ богатыми Командорствами: и тотъ и другой находились въ полкахъ своихъ, когда я пріѣхалъ въ Парижъ. Герцогъ имѣлъ еще дочь, которую хотѣлъ сдѣлать Игуменьею Ремиремонтскою, не для того чтобы онъ ее ненавидѣлъ или не находилъ человѣка, достойнаго ея руки, но для того что это Игуменство было первое во всемъ Королевствѣ; а Герцогъ боялся, чтобы оно не *досталось* другому.

„Сестра Герцога Деступвиля, выданная замужъ за Графа Дестеня, умерла на двадцать пятомъ году родами: при смерти, отдала она свою дочь на попеченїе Госпожѣ Деступвиль. Нещастныя обстоятельства разстроили состоянїе Графа Дестеня; онъ принужденъ былъ поправить его второю женитьбою, имѣлъ отъ другой жены сына, и умирая оставилъ дочери своей одно благословенїе, ввѣривъ ее благотворительности Герцога Деступвиля.

„Герцогиня была вмѣстѣ съ своею дочерью въ то время, когда меня ей представили: Софїя, прекрасная, высокая ростомъ, имѣла наружность величественную, приличную одной добродѣтели; но въ семнадцать лѣтъ она смотрѣла уже проницательными глазами на свѣтъ, и позволяла себѣ замѣчать, сравнивать, судить, сказывать рѣшительное свое мнѣнїе. Подлѣ нее сидѣла дѣвица Дестень, скромная и задумчивая. Мнѣ извѣстно было, что она не имѣла никакого состоянїя; свѣтъ думалъ, что Амелїя жила нещастно въ домѣ своего дяди. Я увидѣлъ ее, и вспомнилъ батюшкинъ совѣтъ, и не могъ отдалить отъ него своихъ мыслей: ни одно движенїе Амелїи не ускользнуло отъ моего вниманїя. Тихая наружность ея была неизъяснимо прїятна; въ лицѣ Амелїи, бѣломъ

какъ снѣгъ, но блѣдномъ, находилъ я что-то нѣжное, чистое, прозрачное: при малѣйшемъ внутреннемъ движенїи разливался по немъ прелестный румянецъ. Она имѣла шестнадцать лѣтъ; чувствительный, но робкїй и наклоненный взглядъ ея, нѣжный и нерѣшительный голосъ, тихая походка, застѣнчивость въ каждомъ движенїи, словомъ, вся ея наружность говорила мнѣ, что Амелїя съ трепетомъ приступала къ испытанїю своей жизни.

„Я былъ увѣренъ, что батюшка, выбирая мнѣ жену, предпочелъ бы всѣмъ на свѣтѣ Амелїю; но я спрашивалъ у самаго себя, не показалась ли мнѣ Амелїя слишкомъ прелестною? Застѣнчивость ея меня успокоила, и тайное чувство мнѣ сказало, что этотъ взоръ никогда не будетъ выражать досаду, что этотъ голосъ никогда не можетъ возвыситься до жалобы или до упрека. Я провелъ цѣлыя двѣ недѣли, не видясь съ Герцогинею; но въ это время старался говорить съ тѣми людьми, которыя бывали чаще другихъ въ ея домѣ. Всѣ хвалили Софїю, но всѣ вообще находили въ ней тѣ блистательныя и слишкомъ замѣтныя качества, которыя бросаютъ на нашу жизнь чрезмѣрно яркїй свѣтъ и не даютъ намъ чувствовать необходимости въ подпорѣ. Никто не хвалилъ Амелїи — но ее любили! такъ, мой сынъ, ее любили! мо-

нахини превозносили ея набожность; родственники ея покорность; сверстницы ея любезную тихость и добродушїе; бѣдный, ея сострадательность; и, что мнѣ болѣе всего нравилось, каждый говорилъ объ Амелїи только въ отношенїи къ самому себѣ, ибо Амелїя всегда занята была другими. Довольный собранными мною извѣстїями, увѣренный, что найду въ Амелїи внимательную, примѣрную супругу, безъ которой не могу быть щасливъ, ѣду къ Герцогинѣ Дестушвиль и сказываю, что имѣю нужду переговорить съ нею нѣсколько минутъ наединѣ, завтра поутру: я зналъ, что мимо ее не возможно было имѣть доступу къ Герцогу Дестушвилю.

„Рѣшившись жениться на Амелїи, я не хотѣлъ уже откладывать; не хотѣлъ, чтобы она провела хотя одинъ лишнїй день въ домѣ своего дяди, или чтобы сердце мое имѣло время совершенно покориться нѣжному своему чувству. Не могу описать той горести, которая изобразилась въ глазахъ Госпожи Дестушвиль, когда я сказалъ ей, что предлагаю руку свою Амелїи — „Амелїи!“ воскликнула она съ видомъ изумленїя и прискорбїя. — Я потупилъ глаза. — „Но вы имѣете, я думаю, четыреста или пятьсотъ тысячь ливровъ годоваго дохода?“ — Можетъ

быть! — „Я воображала, что вы будете искать супружества болѣе выгоднаго: Амелїя не имѣетъ никакого состоянїя!“ — Знаю, милостивая Государыня! — „И вы твердо рѣшились на ней жениться?“ — Безъ сомнѣнїя! для меня непонятно, какъ можете вы, милостивая Государыня, не почитать рѣшительнымъ такого намѣренїя, о которомъ отваживаюсь говорить съ вами! — Она посмотрѣла на меня съ удивленїемъ и продолжала: „Можетъ быть я поступаю неблагоразумно, позволяя себѣ такую съ вами откровенность, любезный Графъ Обинье; но зная вашъ характеръ, надѣюсь, что никогда не буду раскаяваться въ своемъ поступкѣ . . . . Герцогъ Деступвиль желаетъ, чтобъ Софїя была Канонницею (*), а я желаю, чтобы она вышла замужъ; онъ хочетъ, чтобы Амелїя постриглась, но я, признаться, почитаю состоянїе монахини, совершенно отдѣленной отъ семей-

(*) Chanoinesse. Такъ назывались во Францїи знатныя дѣвицы, имѣвшїя духовный доходъ. Онѣ обыкновенно пѣли каждый день въ хорѣ во время обѣдни, одѣтыя въ особенное, приличное званїю ихъ платье; впрочемъ были свободны, не произносили никакихъ обѣтовъ, могли слагать съ себя свое званїе, и потомъ выходить замужъ.

ства и свѣта, слишкомъ тягостнымъ для молодой шестнадцатилѣтней дѣвушки; мнѣ бы хотѣлось, чтобы Амелїя была Канонницею, вмѣсто Софїи: по крайней мѣрѣ она сохранила бы свободу свою, жила со мною, и принужденная ограничить себя однѣми тихими чувствами, вѣроятно, была бы щастлива." — Но смѣю спросить, милостивая Государыня, почему невозможно дѣвицѣ Дестень выдти замужъ такъ же, какъ и дѣвицѣ Деступвиль? — „Вы слишкомъ мало насъ знаете, Графъ! отвѣчала она съ горькою усмѣшкою. Перемѣнить одно какое-нибудь намѣренїе Герцога Деступвиля, есть дѣло почти сверхъестественное! Судите же, въ моей ли будетъ власти заставить его иначе мыслить о томъ, что можетъ составить щастїе обѣихъ моихъ дочерей — ибо Амелїю почитаю истинною дочерью!" — Она остановилась, ждала отъ меня отвѣта, но я молчалъ, и она продолжала — „Софїя старшая: справедливость требуетъ, чтобы я подумала о ней прежде, нежели о младшей. Имѣю въ виду партїю, которая выгодна для нее по всѣмъ отношенїямъ. Амелїи шестнадцать лѣтъ: характеръ ея можетъ еще много образоваться. На осьмнадцатомъ году выдамъ ее за мужъ." — Не могши воздержаться отъ сильнаго негодованїя, видя, что Амелїю

приносили на жертву Софїи, я отвѣчалъ: позвольте и мнѣ говорить съ вами искренно, милостивая Государыня! Послѣдняя воля батюшки обязываетъ меня нѣкоторымъ образомъ жениться непремѣнно нынѣшнїй годъ: прошу васъ представить прозьбу мою Герцогу Деступвилю. — „Не имѣю права отказывать вамъ, отвѣчала она сухо; но помните, Графъ, что я желала отдалить ту минуту, въ которую Герцогъ принужденъ будетъ произнести рѣшительный приговоръ о судьбѣ Амелїи и Софїи.“ — Она остановилась, какъ будто ожидая, чтобы я съ нею согласился; но я продолжалъ хранить молчанїе. — „Очень хорошо! нынче же скажу о вашемъ предложенїи Герцогу Деступвилю; а завтра, въ это же время, объявлю вамъ его отвѣтъ.“ — На другой день прїѣзжаю къ Герцогинѣ. „Господинъ Деступвиль соглашается отдать вамъ свою племянницу, сказала она съ холоднымъ видомъ; но Амелїя, также какъ и я, боится, чтобы вы не стали со временемъ раскаяваться, что принесли ей въ жертву слишкомъ большїя выгоды: вотъ письмо, которое просила она меня вамъ доставить.“ — Для чегожь дѣвица Детень не захотѣла объясниться со мною сама? — „Это не угодно Герцогу Деступвилю. Когда все рѣшится, когда подпишутъ кон-

трактѣ, тогда и вамъ позволитъ онъ увидѣть Амелїю: она теперь въ монастырѣ, вмѣстѣ съ моею дочерью, которая не захотѣла съ нею разлучаться."

„Герцогиня Деступвиль совершенно перемѣнила свое обхожденїе со мною: она смотрѣла на меня съ досадою; казалось, что была оскорблена и моимъ невниманїемъ къ Софїи, и предпочтенїемъ, оказаннымъ мною Амелїи. Я повторялъ, что никогда не имѣлъ въ мысляхъ заключить такое супружество, которое въ свѣтѣ почиталось бы *выгоднымъ*, или искать такой дѣвушки, къ которой привязанъ бы былъ слишкомъ сильно. — „Надѣюсь однако, сказала Герцогиня, что вы имѣете нѣкоторую склонность къ Амелїи?" — Все то, что я слышалъ о ея качествахъ, совершенно прилично моему характеру! — „Въ самомъ дѣлѣ! сказала она съ такимъ чувствомъ, какого я не надѣялся въ ней найти: не льзя имѣть характера тише, чувствительнѣе, прелестнѣе! Амелїя не жаловалась, почитая себя нещастною: и будетъ умѣренна, пользуясь блестящею фортуною. Прочтите ея письмо."

„Оно не было запечатано. Герцогиня замѣтила, что я удивился, и сказала: Герцогъ Деступвиль читалъ это письмо. Софїя принесла его запечатанное. Можно

подумать, сказалъ ей Герцогъ, что слово замужство лишаетъ ума молодыхъ дѣвушекъ: спроси у твоей сестрицы, давно ли она разсудила, что имѣетъ право писать письма безъ моего соизволенія? — Вотъ письмо Амеліи:

„Госпожа Деступвиль сказала мнѣ, „милостивый Государь, что вы желаете „соединить участь свою съ моею; буду„чи совершенно покорна дядюшкиной „волѣ, который оказалъ уже всю справе„дливость вашимъ добродѣтелямъ, не ду„маю болѣе о собственномъ моемъ щастіи, „но должна сказать вамъ откровенно, что „безпокоюсь о вашемъ. Позволяю себѣ „напомнить вамъ, что не имѣю никакого „состоянія; будучи воспитана для мона„стырской жизни, я не имѣла способа об„разовать талантовъ, необходимыхъ для „пріобрѣтенія успѣховъ въ свѣтѣ, котораго „условія и приличія мнѣ неизвѣстны, „котораго преимущества никогда не быва„ли предметомъ моихъ желаній; можетъ „быть и то, что уединеніе, въ которомъ „я научилась живѣе чувствовать каждую „горесть жизни, заранѣ увѣрило мое сердце, „что свѣтскія утѣшенія ничтожны и пус„ты. Болѣе не могу сказать вамъ ничего. „Естьли признаніе мое не заставитъ васъ „перемѣнить мыслей; то мнѣ останется

„одно: никогда не забывать объ немъ, „чтобы живѣе чувствовать все то, чемъ „буду вамъ обязана.“ *Амелія.*

„Я просилъ у Госпожи Деструвиль позволенія отвѣчать ея племянницѣ, и получилъ его. „Но прошу васъ, прибавила она, послать ваше письмо черезъ меня. Герцогу будетъ непріятно, естьли вы увидитесь съ Амеліею въ монастырѣ. Софія теперь съ нею — говоритъ онъ — а я не желаю, чтобы она была свидѣтельницею какой-нибудь нѣжной сцены и заразилась такими чувствами, отъ которыхъ и самая покорность могла бы для нее со временемъ сдѣлаться трудною.“ — Не имѣя ничего романическаго въ мысляхъ, я покорился желаніямъ Герцога безъ всякаго прекословія. — „Принесите ваше письмо ко мнѣ: я сама отвезу его къ Амеліи; а Господинъ Деструвиль проситъ васъ къ себѣ завтра ввечеру, для заключенія условій: онъ хочетъ, чтобы Амелія оставила монастырь въ тотъ самый день, въ который надобно будетъ подписать контрактъ, и чтобы на другое утро была свадьба.“ — Признаюсь тебѣ, мой сынъ, что я огорчался невозможностію видѣть Амелію и читать въ ея душѣ, но чувство покорности и совершенная преданность въ волю своего семейства казались

мнѣ столь естественными, столь приличными молодой дѣвушкѣ, что я положилъ за правило ни въ чемъ не противиться самовластію Герцога.

„На другой день пріѣзжаю къ Госпожѣ де Будуиль съ отвѣтомъ, въ которомъ открывалъ я Амеліи всѣ свои мнѣнія, основанныя на правилахъ твердыхъ. Опасаясь вовлечь ее въ обманъ, представилъ я самаго себя гораздо суровѣе, нежели каковъ былъ въ самомъ дѣлѣ, и какимъ хотѣлъ быть по заключеніи нашего союза.

„Герцогиня прочла мое письмо. „Послушайте, сказала она, хочу показать вамъ истинный знакъ участія: письмо ваше можетъ испугать неопытное, нѣжное сердце. Я увѣрена, что вы имѣете гораздо болѣе кротости въ своихъ чувствахъ; но Амеліи онѣ неизвѣстны! для чего же приводить ее въ робость? Ахъ! продолжала она, съ уныніемъ, наша жизнь мила одными заблужденіями: естьли, въ ваши лѣта, вы перестали уже прельщаться собственными, то не отказывайтесь по крайней мѣрѣ отъ тѣхъ, которыми можете щастливить другихъ!“ — Госпожа Деступвиль говорила правду; но я боялся обмануть Амелію пріятными надеждами, которыя не могли бы никакъ испол-

ниться; я зналѣ ея сердце, и думалѣ, что зналѣ его короче, нежели она сама; но самѣ, будучи извѣстенѣ ей очень мало, имѣя характерѣ суровый и важный, не долженѣ ли былѣ, какѣ честный человѣкѣ, предохранять ее отѣ всякаго прїятнаго на мой счетѣ обмана? Я погрузился былѣ вѣ размышленїе, когда Герцогиня Деступвиль принесла мнѣ бумагу, перо, чернила, и сказала сѣ любезнымѣ, повелительнымѣ видомѣ: садитесь, садитесь, и непремѣнно смягчите свои *мизантропическія* выраженїя; увѣряю васѣ, что будете со временемѣ мнѣ благодарны за мой полезный совѣтѣ. — Я повиновался. Но голова моя была слишкомѣ наполнена правилами, вперенными вѣ меня сѣ самаго дѣтства; я выразился бы можетѣ быть нѣжнѣе, когда бы *говорилѣ* сѣ Амелїею, но я принужденѣ былѣ писать, и мое второе письмо было не лучше перваго. Ты видишь, Густавѣ, что я открываю тебѣ и худое вмѣстѣ сѣ хорошимѣ: но обвиняя самаго себя сѣ такою искренностїю, хочу сохранить право на твою довѣренность, когда принужденѣ буду обвинять и другихѣ.

„Герцогиня все еще была недовольна, но вѣ эту минуту явился Герцогѣ; онѣ прочелѣ мой отвѣтѣ, похвалилѣ его, и Госпожа Деступвиль уже не позволила себѣ сдѣлать

ни одного возраженїя. Она собиралась ѣхать въ монастырь; я проводилъ ее до кареты, ожидая съ безпокойствомъ, какое впечатлѣнїе произведетъ въ душѣ Амелїи мое письмо. Какое торжество для моего разсудка, думалъ я, какая веселая надежда на будущее время, естьли Амелїя останется имъ довольною! Ввечеру опять прїѣзжаю къ Герцогинѣ. Къ вамъ есть еще письмо, сказала она; но вѣрьте, что оно послѣднее! Впередъ и писать и отвѣчать буду я: въ обоихъ васъ нѣтъ ни капли разсудка!" Вотъ что писала ко мнѣ Амелїя:

„Мысль, что вы будете мнѣ руковод-„ствовать, меня успокоила, и мнѣ кажется, „что я теперь не должна ни заниматъ-„ся собственнымъ своимъ щастїемъ, ни „безпокоиться о вашемъ — покорность „безпредѣльная не будетъ мнѣ стоить „никакого усилїя."

„Герцогъ меня ожидалъ. Сказавши, что ему прїятно имѣть со мною семейственную связь, онъ признался однако, что соглашается съ принужденїемъ отдать за меня Амелїю. „Скажу искренно, прибавилъ онъ, что я не люблю неравенства между супругами; право, которое одинъ имѣетъ на благодарность другаго, кажет-

ся мнѣ тягостною неволею. Неудобства сїи, безъ сомнѣнїя, изчезаютъ съ такимъ человѣкомъ, какъ вы; но, по моимъ правиламъ, дѣвицѣ Дестень приличнѣе бы было идти въ монастырь, нежели замужъ. И таково было сначала мое расположенїе; сама Амелїя соглашалась исполнить мою волю; но мысль о вѣчныхъ обѣтахъ ужасала Герцогиню — какъ будто бы Амелїя первая, изъ почтенїя къ своему семейству, принимала на себя званїе монахини! Вы намъ представились, и съ той минуты мы позабыли упоминать о постриженїи!" — Помни эти слова, мой сынъ! онѣ поразили меня: я видѣлъ тогда въ Герцогѣ Деступвилѣ жестокаго Деспота, способнаго всемъ пожертвовать, чтобы удовольствовать прихотливую свою гордость.

„Въ тотъ день, въ который положено было подписать контрактъ, Амелїя возвратилась въ домъ своего дяди: мы увидѣлись; мнѣ казалось, что она сдѣлалась еще застѣнчивѣе Софїя была съ нею неразлучна; Софїя, внимательная ко всѣмъ ея взглядамъ, предупреждала ея малѣйшїя желанїя — казалось, что она имѣла все безпокойство молодой матери, отдающей милую дочь свою замужъ. Взаимная дружба ихъ была несомнѣннымъ знакомъ добраго, нѣжнаго сердца. Я вышелъ въ залу, за чемъ, не помню. Софїя тот-

часъ за мною послѣдовала. Графъ! сказала она мнѣ съ трогательнымъ безпокойствомъ простосердечія, которое могло быть разсѣяно однимъ словомъ: завтра дадите обѣщаніе Богу, что Амелія будетъ щастлива! Сдержите ли это обѣщаніе?" Она смотрѣла на меня, сжавши руки, и такими глазами, какъ будтобы собственное ея щастіе зависѣло отъ моего отвѣта. — Вы очень несправедливы, естьли въ этомъ сомнѣваетесь, отвѣчалъ я. — Ахъ! сказала печально Софія, суровость вашего лица приводитъ меня въ трепетъ. — Амелія дрожала, подписывая контрактъ: едва было возможно разобрать ея имя. Не понимаю, какимъ образомъ такое смятеніе не обнаружило передо мною ея тайны. Я поднесъ ей подарки: одна Герцогиня замѣтила, что они были прекрасны; Амелія только взглянула на нихъ, но взглянула потому, что ей приказано было взглянуть. Ахъ, Густавъ! все увеличиваетъ наше ослѣпленіе, когда мы сами хотимъ себя обманывать. Равнодушіе Амеліи показалось мнѣ благоразуміемъ и скромностію; самое то, что могло бы открыть мнѣ глаза, только что усиливало заблужденіе моего разсудка.

„На другой день родственники Господина Деступвиля, дѣвицы Дестень и мои, всѣ извѣстнѣйшіе и знатнѣйшіе люди

во Францїи, съѣхались въ домовую церковь Герцога; мы долго ожидали Амелїю. Она одѣвается, говорили мнѣ; наконецъ отворилась дверь: Амелїя входитъ, блѣдная, слабая, почти мертвая. Священникъ приближается къ олтарю. Я подаю ей руку; чувствую, что она дрожитъ; смотрю ей въ лице: она показалась мнѣ умирающею, отчаянною. Яркїй свѣтъ озарилъ мою душу; въ первой разъ спросилъ я у самого себя: что естьли Герцогъ насильно извлекъ изъ нее согласїе! Но Густавъ, передъ олтаремъ, при самомъ совершенїи обряда — была ли возможность положить препятствїе сему супружеству? Дѣвица Дестень казалась въ ужасномъ смущенїи, это правда; но сказала ли она мнѣ хотя одно слово, которое моглобы оправдать мой поступокъ предъ глазами цѣлой Францїи, поступокъ, который лишилъ бы меня чести, а ее погубилъ бы на вѣки?

„Амелїя! — сказалъ я ей тихимъ голосомъ — откройтесь своему другу! что произходитъ въ вашемъ сердцѣ?" Она стала на колѣни, не сдѣлавъ никакого отвѣта; смущенїе мое дошло до крайности. — „Амелїя, скажите одно слово! или я не буду владѣть самимъ собою!" — *Успокойтесь*, отвѣчала она Ангельскимъ голосомъ: *хочу обѣщать Богу, что вамъ*

посвящена будетъ жизнь моя.“ — Я готовъ былъ ее удержать, остановить церемонїю; она подняла голову; посмотрѣла на меня съ такою робкою нѣжностїю .... О! мой сынъ, какой взглядъ! Эти взоры представятся мнѣ въ послѣднюю минуту жизни. *Молитесь вмѣстѣ со мною,* сказала она, улыбнувшись прискорбно, *молитесь!* Голова ея опять наклонилась, и церемонїя кончилась прежде, нежели я пришелъ въ чувство.

„Какъ описать состоянїе души моей въ продолженїе этого дня! Иногда, волнуемый всѣми противными чувствами, рѣшался я сказать Амелїи, чтобы она дала мнѣ право собою руководствовать; иногда увѣрялъ себя, что лучше не показывать ей моей недовѣрчивости: полагаясь на мое уваженїе, она будетъ смотрѣть на меня безъ боязни, и возвратится ко мнѣ безъ замѣшательства. При каждомъ взглядѣ на лице Амелїи, непорочное, небесное, надежда и довѣренность успокоивали мою душу; не смотря на то, внутреннїй голосъ увѣрялъ меня, что Амелїя покорена какому-то невольному, для меня неизвѣстному предпочтенїю; но будучи столь невинна, столь набожна, могла ли Амелїя не отвѣчать моей привязанности, не тронуться моею любовїю? Имѣвши силу, побѣдить себя въ

этотъ первый, въ этотъ ужасный день, я могъ уже управлять своими чувствами, и скрылъ во глубинѣ души свое страданіе; но я не могъ безъ отвращенія смотрѣть на Герцога и Герцогиню Деступвиль. Первый приводилъ меня въ ужасъ своимъ намѣреніемъ умертвить Амелію, которую съ такимъ жестокимъ бзчувствіемъ принуждалъ постричься; послѣдняя казалась единственною причиною моего нещастія, ибо она обманула меня личиною ложной довѣренности и увеличила мое гибельное ослѣпленіе.

„Три дни спустя послѣ моего брака, поѣхалъ я вмѣстѣ съ Амеліею въ деревню; недѣли, мѣсяцы проходили, я не могъ жаловаться ни на одно ея слово, ни на одно ея движеніе.

„Я пользовался неограниченнымъ правомъ первенства. Амелія была покорна и тиха, но столь холодна, столь осторожна, что я, будучи съ нею, почиталъ себя одинокимъ. Каждая воля моя была исполнена, и ни одно желаніе не было угадано: мнѣ казалось равно невозможнымъ услышать жалобу Амеліи, какъ и произвести на устахъ ея улыбку, и естьли бы я самъ не разнообразилъ нѣсколько дней своихъ, то всѣ они были бы сходны одинъ съ другимъ, и домъ мой казался бы мона-

стыремъ, въ которомъ порядокъ одного дня можетъ служить изображенїемъ цѣлой жизни.

„Амелїя получала письма отъ Герцогини и Софїи. Эта переписка приводила меня въ безпокойство. Я спросилъ однажды о ихъ здоровьѣ: Амелїя тотчасъ подала мнѣ полученное ею письмо, и съ того времени отдавала каждое. Ни въ чемъ, ни въ чемъ совершенно не могъ я обвинять Амелїю, но видѣлъ, что она была нещастна, и былъ нещастливъ самъ, и можетъ быть поступилъ очень дурно, что не старался узнать ея тайны; но, Густавъ! какъ могъ я забыться до того, чтобы потребовать отъ нее признанїя — въ привязанности къ другому и въ отвращенїи ко мнѣ?

„Амелїя сдѣлалась беременна. Я прижалъ ее съ своему сердцу, когда она пришла ко мнѣ съ этимъ извѣстїемъ. Ахъ, сынъ мой! даже въ эту минуту, минуту щастїя для каждой матери, я не имѣлъ духу спросить у нее: любишь ли меня, Амелїя? Я ужасался ея искренности, столь же почти за нее, сколько и за самаго себя. Такъ, мой сынъ! отецъ твой, расположенный быть строгимъ къ женѣ,

которая была бы къ нему привязана, чувствовалъ, противъ воли, нѣжное сожалѣнїе къ тихой Амелїи. Чего не отдалъ бы я за то, чтобы она бросилась въ мои объятїя и добровольно сказала: пожалѣй обо мнѣ и будь моимъ утѣшителемъ!

„Беременность Амелїи была сопряжена съ большею слабостїю; я приставилъ къ ней одну молодую дѣвушку, которая нравилась ей болѣе другихъ, ибо самъ я не умѣлъ подавать облегченїя этой страждущей душѣ: услуги мои смущали ее, жалобы мои растерзали бы ея сердце. Каждое утро ходила она въ церковь, опираясь на плечо своей приставницы, молилась долго, и я каждой день, не будучи ею замѣчаемъ, видѣлъ ея возвращенїе — видѣлъ ее, тихую, задумчивую, идущую по той же самой дорогѣ, по которой она ходила и накануне, и прежде, и всегда: Амелїя не удалялась ни отъ чего, и ничего не выбирала.

„О, мой сынъ! да избавитъ тебя Богъ отъ страшнаго мученїя видѣть подлѣ себя человѣка, истинно нещастнаго! Я бѣгалъ изъ своего дома; занимался хозяйствомъ, желая заглушить свое сердце; не былъ ни у себя, ни съ собою.

„Открылась война. Я замѣтилъ въ Амеліи ужасное волненіе. Она перестала ходить обыкновенною дорогою въ церковь, но черезъ деревню, останавливалась при каждой встрѣчѣ, смотрѣла на всѣхъ съ безпокойствомъ; прохаживалась уже не въ паркѣ, но все по большой дорогѣ, кого-то ожидала, къ кому-то шла на встрѣчу. Часто, въ крайней усталости, она опиралась на дерево, и отдохнувъ минуту, продолжала идти впередъ, возвращалась поздно и сожалѣла, что принуждена была возвратиться.

„Приближилось время родовъ. Я боялся, чтобы Амелія не разстроила себя чрезмѣрнымъ безпокойствомъ и не лишила тебя жизни: Густавъ! я любилъ тебя еще прежде, нежели ты былъ на свѣтѣ! я боялся, чтобы Амеліины поступки не были перетолкованы въ дурную сторону, и въ одно утро пошелъ за нею въ церковь, въ которой промедлила она долѣе обыкновеннаго. Вхожу: она простерта была на землѣ; становлюсь подлѣ нее на колѣна: „Амелія! говорю ей, не забудь о своемъ младенцѣ!“ Она подняла голову, посмотрѣла на меня въ молчаніи: лице ея было омочено слезами. Я взялъ ее въ свои объятія. „Плачь со мною вмѣстѣ, моя Амелія! пусть слезы твои падаютъ

на мое сердце; но пускай вижу ихъ я одинъ: другїе назовутъ, тебя виновною!" — Виновною! ахъ, нѣтъ! никогда, никогда не была я виновна! по крайней мѣрѣ осталось мнѣ одно щастїе: за него молиться! — Я хотѣлъ ее вывести. Нѣтъ, нѣтъ! сказала она въ полголоса, было сраженїе! я еще дышу .... но онъ! — Амелїя снова простерлась на землю. Я осмѣлился произнесть слово должность, осмѣлился напомнить о Богѣ, который могъ *его наказать* .... Такъ, Густавъ, твой строгїй отецъ, желая тебя спасти, принужденъ былъ поразить твою мать суевѣрною боязнїю, боязнїю за того человѣка, котораго она любила. Слова мои произвели свое дѣйствїе. Амелїя ужаснулась, схватила меня за руку и побѣжала изъ церкви. Пришедши въ ея комнату, я спросилъ, давно ли начала она любить? Она закрыла руками лице и отвѣчала: „Будучи съ нимъ воспитана, я не могла дышать, не думая объ немъ!" — Вдругъ она упала на колѣни. — „Скажите, что вы меня прощаете, ахъ, скажите! чтобъ Богъ также помиловалъ и его!" Мой сынъ! я подумалъ о тебѣ и простилъ. Мой сынъ, для спасенїя жизни твоей я могъ перенести ужаснѣйшую муку, а ты не можешь побѣдить такого чувства, которымъ послѣд-

ніе дни моей старости обратятся для меня въ страданіе.

„Желая сокрыть отъ домашнихъ моихъ состояніе Амеліи, я сдѣлался ея надзирателемъ, подпорою, утѣшителемъ; я видѣлъ въ ней твою мать, я хотѣлъ сохранить ее для моего сына. Въ одну ночь — я провелъ ее у Амеліиной постели, передъ утромъ заснулъ — вдругъ пробудило меня рыданіе. Приближаюсь, сквозь занавѣсъ вижу Амелію стоящую на колѣняхъ; она молилась: о Боже! говорила она, я не имѣла ни одного щастливаго дня, и умираю семнадцати лѣтъ! Взгляни на мою молодость, взгляни на прежнія мои слезы, и прими ихъ въ даръ за его спасеніе! О, сохрани его, Милосердый! — Я потрясъ занавѣсомъ; она упала на подушку; я слышалъ, что она старалась заглушить свое рыданіе.

„И прежняя моя строгость и самыя мои правила уступили мѣсто нѣжнѣйшему состраданію: невольный ужасъ стѣснилъ мое сердце, когда мнѣ сказали о бывшемъ сраженіи; малѣйшій шорохъ приводилъ въ трепетъ Амелію; она не отлучалась отъ меня ни на минуту. При ней мнѣ пришли сказать, что нѣкто ожидаетъ меня въ другой комнатѣ. Амелія кину-

лась въ двери, увидѣла Софїю, все угадала, и замертво упала на землю.

„Мы положили ее на постель. Пришедши въ чувство, она взглянула на Софїю и дала ей знакъ рукою, чтобы она молчала; закрыла глаза, но слезы изъ нихъ вырывались; не говорила ни слова, едва дышала. Софїя цѣловала ея руки, старалась оживить ее самою горестїю, напоминала о молодомъ своемъ братѣ, о миломъ Альфредѣ; хотѣла, чтобы она оплакивала его вмѣстѣ съ нею; но Амелїя не открывая глазъ отвѣчала: *жизнь моя кончилась!* — Я говорилъ ей о себѣ, о своей горести, о самомъ небѣ; но глаза ея не открывались. Она сложила руки: „*пожалѣй и прости*, сказала она мнѣ, *жизнь моя кончилась!* — Ввечеру она произвела тебя на свѣтъ, и умерла на рукахъ моихъ.“

Батюшка не прибавилъ къ этому письму ни одного размышленїя, ни одной прозьбы, ни одного требованїя; но всѣ они заключены были въ его страданїяхъ. Я рѣшился къ нему ѣхать; но прежде хотѣлъ увидѣться съ Эвелиною. „Перестанемъ думать о щастїи! сказалъ я, читайте!“ — Я подалъ ей батюшкино письмо. Эвелина хотѣла прочитать его тихо. Читайте вслухъ, сказалъ я, какъ будто желая наполнить свою душу всѣ-

ми страданїями нещастнаго отца моего. Вѣтренность Госпожи Деступвиль, умертвившая бѣдную мою мать, производила живѣйшее негодованїе въ моемъ сердцѣ. Это продолжительное мученїе, этотъ разительный, быстрый конецъ ужаснымъ образомъ меня терзали. Эвелина плакала, читая письмо; останавливалась, взглядывала на меня и плакала сильнѣе! — Не могу извинить бѣдной моей бабушки, сказала она, возвращая мнѣ письмо; но, Густавъ, ради Бога! не принуждайте меня ее ненавидѣть! Она никого, никого, кромѣ меня, не имѣетъ! — „Но какъ была она безчеловѣчна!" — Я всегда находила въ ней одно добродушїе! можно ли такъ перемѣниться съ лѣтами? — Прости, Эвелина! я люблю тебя неизъяснимо, болѣе собственной жизни: ты невинна! — Ахъ, Густавъ! изъ любви къ моей матери, которая такъ нѣжно любила Амелїю, не произноси ужаснаго слова: *на вѣки!* — Я и не думалъ произносить его; я не могъ представить себѣ ни возможности съ нею соединиться, ни возможности навсегда отъ нее отказаться. — „Густавъ! продолжала Эвелина, ты знаешь, что матушка оставила мнѣ портретъ Амелїи: ношу его на груди съ той самой минуты, въ которую отдала тебѣ свое сердце; передъ нимъ каждый день повторяю клятву: жить для твоего

щастія!" — Я просилъ, чтобы она показала мнѣ портретъ: слезы мои полились ручьями. Она! столь нѣжная, столь кроткая! она, которая говорила съ такою покорностію: *ни одного щастливаго дня, и умираю семнадцати лѣтъ!* Я трепеталъ, сердце мое сжималось. Кто мучитель и убійца моей матери? восклицалъ я съ ужаснымъ негодованіемъ. — „Густавъ! но ты говорилъ, что я невинна!" — Я не отвѣчалъ, я видѣлъ передъ собою одну вѣтренность Госпожи Деступвиль. Молчаніе мое ужаснуло Эвелину. — „Ахъ, Густавъ! сказала она, я ни за что на свѣтѣ не разлучилась бы съ портретомъ твоей матери; но естьли ты долженъ забыть меня, то самъ отними его отъ моего сердца и отнеси къ твоему отцу: пускай останусь оплакивать тѣ нещастія, которымъ не я была причиною!" — Нѣжные упреки Эвелины возвратили мнѣ чувство. Мнѣ ее забыть! но что же со мною будетъ? Развѣ не ею животворится душа моя? — *Моя Эвелина*, сказалъ я, простирая къ ней руку, *моя на вѣки*! Но я долженъ съ тобою разстаться, я долженъ ѣхать къ батюшкѣ. Скажи, что тебѣ это пріятно! Мысль, что ты имѣешь къ нему одинакое со мною расположеніе, будетъ моею отрадою. — „На все, на все согласна, Густавъ! на все, кромѣ одного

уменьшенія любви твоей.“ — Милая, добрая Эвелина!“ — Я взглянулъ еще разъ на матушкинъ портретъ и, возвращая его, сказалъ: пусть будетъ онъ твоимъ покровомъ! Эвелина, онъ можетъ внушить намъ какое-нибудь средство быть менѣе нещастными.“ — Я осмѣлился прижать ее къ сердцу, и мы разстались.

Я пріѣхалъ къ батюшкѣ ночью: онъ сидѣлъ одинъ, въ большой залѣ, съ одною свѣчею, безъ книги — ни что вокругъ него не показывало, чтобы онъ чѣмъ нибудь занимался: можно было догадаться, что онъ весь день провелъ въ размышленіи, въ безпокойствѣ о моей и собственной участи.

Увидя меня, онъ поднялъ глаза и руки къ небу, но отворотился, чтобы сокрыть свое волненіе. Для чего же скрываться? Имѣя священное, вѣчное право на мою благодарность, сильный своею любовію, своими намѣреніями, онъ думалъ, что можетъ, не будучи несправедливымъ, потребовать отъ меня покорности, но для чего же не старается онъ сблизить сердца наши? и онъ и я были бы тогда щастливѣе! Я спѣшилъ къ нему, чтобъ раздѣлить или успокоить его горесть; но одинъ взоръ его охладилъ мое сердце, и я не осмѣлился прикоснуться къ то-

му предмету, которымъ и онъ и я были наполнены въ ту минуту. — „Хочешь ли видѣть приготовленную для тебя комнату? сказалъ онъ. Прежняя, которую ты занималъ, будучи ребенкомъ, теперь для тебя не годится.“ — Батюшка! воскликнулъ я въ сильномъ движенїи, вы меня ожидали? — Мое сомнѣнїе удивило его; я замолчалъ опять и подумалъ: для чего привлекаетъ онъ меня такъ сильно своими добродѣтелями, и потомъ отталкиваетъ отъ себя почти также сильно своею холодностїю, своею незыблемою, неизмѣняемою твердостїю? Какое между нами несходство! меня все трогаетъ, все приводитъ въ движенїе, и сердце и душа меня увлекаютъ; но онъ . . . . онъ повинуется одному разсудку: самое нѣжное, самое высокое чувство показалось бы ему слабостїю, когда бы онъ не былъ увѣренъ, что можетъ повелѣвать имъ свободно.

На другой день, очень рано, пошелъ я на ту дорогу, которая вела въ церковь, и по которой ходила матушка всякое утро. Какїя горестныя мысли меня занимали! Никакое щастїе не представлялось мнѣ въ будущемъ; участь Альфреда, любимаго столь нѣжно, съ такою полнотою, и самый покой смерти, который послѣдовалъ за симъ наслажденїемъ любви, столь необходимой для моего сердца,

казались мнѣ достойными зависти! Я погружался въ глубокую меланхолїю, думая о судьбѣ моей матери! Какъ надлежало терзаться ея сердцу, когда самая горесть сдѣлалась для нее непозволенною! Могла ли Госпожа Деступвиль не подумать о томъ мучительномъ состоянїи, въ которомъ послѣдняя отрада слезъ становится для насъ преступленїемъ? Я входилъ въ церковь, видѣлъ Священника, спрашивалъ, знаетъ ли онъ матушку? Онъ вздохнулъ — самый ясный отвѣтъ! глаза его наполнились слезами, когда онъ показалъ мнѣ то мѣсто, на которомъ она обыкновенно молилась. Всякой день и въ одно время приходила она въ церковь, сказалъ Священникъ. Очень часто видалъ я позади ее бѣдныхъ, которые стояли на колѣняхъ и съ довѣренностїю ожидали, чтобы она перестала молиться; она угадывала ихъ желанїя, и раздавала имъ милостыню. Никогда, ни одинъ нищїй не бывалъ принужденъ повторить ей свою прозьбу. — Я просилъ Священника, чтобы онъ далъ мнѣ списокъ тѣхъ бѣдныхъ, о которыхъ матушка имѣла попеченїе. — „Имѣла попеченїе! отвѣчалъ онъ, нѣтъ, она его не имѣла, она давала деньги безъ разбора, всякому, кто просилъ у нее милостыни, кто попадался ей на встрѣчу. Графъ ободряетъ прилѣжныхъ и платитъ

за трудѣ. Графиня подавала помощь печальнымѣ, будучи сама всегда печальна, задумчива, молчалива. Самые нищїе не смѣли своими прозьбами нарушать ея меланхолїи; они собирались на ея дорогѣ: и этого было довольно какѣ для нихѣ, такѣ и для нее.

Ввечеру мы очень долго прохаживались вмѣстѣ сѣ батюшкою. День начиналѣ склоняться кѣ вечеру, когда мы пошли домой; было очень темно, когда приближились кѣ замку — темнота вложила вѣ меня смѣлость. Батюшка, успокойте мое сердце! Первая минута послѣ этой жестокой смерти была для васѣ ужасна! — „Но время и твердость превозмогаютѣ и страсти и горести!" — Батюшка, кто заботился обѣ васѣ вѣ эту первую минуту? — Онѣ не отвѣчалѣ и ускорилѣ шаги свои, но я не хотѣлѣ отѣ него отстать и продолжалѣ спрашивать. Батюшка! изѣ сожалѣнїя скажите мнѣ, кто остался сѣ вами вѣ первую минуту? — Онѣ не говорилѣ ни слова; наконецѣ, принужденный уступить моему упрямству, сказалѣ, потупивѣ глаза: Софїя! — Теперь сердце мое облегчилось! образѣ Софїи помѣстится между Госпожею Деступтвиль и Эвелиною. — „Такѣ, Густавѣ! я могѣ бы не имѣть такой суровости, когда бы жива была Софїя, но Эвелина воспи-

шана своею бабушкою; она ее любитъ: не должно и думать о томъ, чтобы она забыла для тебя святѣйшую свою обязанность. Эвелина конечно заразилась жестокою вѣтреностїю и нечувствительнымъ эгоизмомъ Гжи. Дестушвиль' Я не допущу, мой сынъ, чтобы и ты имѣлъ участь отца своего: никогда Эвелина не будетъ называться моею дочерью.“ Онъ вышелъ; я не имѣлъ силы за нимъ послѣдовать.

„И такъ — воскликнулъ я — произнесенъ этотъ ужасный приговоръ, котораго я страшился! На что рѣшиться? Быть сыномъ неблагодарнымъ, или другомъ обманчивымъ и вѣроломнымъ! Батюшка — мой законъ! Эвелина — моя жизнь!“ Долго, полный отчаянныхъ мыслей, скитался я по саду: въ одиннадцать часовъ пришли мнѣ сказать, что батюшка ожидаетъ меня ужинать. Вхожу въ залъ: онъ сидѣлъ за столомъ. „Не боленъ ли ты, Густавъ? спросилъ онъ у меня. Въ первый разъ отъ роду принужденъ былъ тебя дожидаться!“ — Онъ кушалъ очень мало, и взглядывая на меня, отворачивался поспѣшно: казалось, что, причиняя мнѣ горесть, онъ боялся видѣть ея дѣйствїе. Въ слѣдующїе дни — такое же молчанїе, соединенное съ такимъ же унынїемъ!

Я писалъ къ Эвелинѣ, желая раздѣлить съ нею тоску свою и снова повторить, что привязанность моя къ ней безконечна; я счелъ однако себя обязаннымъ сообщить ей опредѣленіе батюшки, и чувствовалъ трепетъ, когда рука моя писала: *никогда Эвелина не будетъ называться моею дочерью.* „Густавъ, отвѣчала мнѣ Эвелина, предохрани сердце свое отъ раскаянія! пускай во всякое время находитъ онъ въ тебѣ почтительнаго и нѣжнаго сына!" Она признавалась, что не имѣла еще рѣшимости говорить съ Герцогинею о моей матери; но что въ душѣ своей не находила уже прежней, спокойной, неограниченной къ ней привязанности. — „Еще разстроенное семейство! — сказалъ я самому себѣ съ прискорбіемъ — не зная меня, онѣ были щастливы!"

Въ нашемъ домѣ заведено было обыкновеніе, приносить всѣ письма, отсылаемыя на почту, прежде къ батюшкѣ; онъ пряталъ ихъ въ маленькой ящикъ, для того, чтобы ни одно не могло быть потеряно слугою; въ этомъ же ящикѣ доставлялись къ намъ и тѣ письма, которыя были адресованы на чье нибудь имя въ нашемъ домѣ. Каждый день писалъ я къ Эвелинѣ, и каждый день имѣлъ отъ нее отвѣтъ;

но батюшка никогда не отдавалъ мнѣ своеручно ея писемъ; онъ клалъ ихъ на столъ; онъ думалъ, что передавая мнѣ изъ собственныхъ рукъ написанное Эвелиною, онъ будетъ нѣкоторымъ образомъ одобрять нашу взаимную склонность.

Черезъ недѣлю, послѣ нашего послѣдняго разговора, получаю въ почтовомъ ящикѣ два письма, одно отъ Эвелины, другое отъ Госпожи Деступвиль. Батюшка содрогнулся, увидя почеркъ Герцогини; а я напротивъ увѣрился, что Герцогиня, рѣшившись ко мнѣ писать, имѣла возможность оправдаться, и сказалъ батюшкѣ: позвольте мнѣ отдать вамъ, не читая, письмо Госпожи Деступвиль! Вамъ принадлежитъ оно болѣе, нежели мнѣ. — „Густавъ, я не могу видѣть почерка этой женщины: она погубила и меня и мою нещастную Амелїю!“ — Батюшка, изъ милости, изъ сожалѣнїя, прочтите письмо Госпожи Деступвиль! — „Видно тебѣ извѣстно его содержанїе!“ сказалъ онъ съ досадою. — Ахъ! могъ ли онъ быть такъ несправедливымъ? Могъ ли подозрѣвать меня въ хитрости? Я сожалѣлъ объ немъ отъ всего сердца. Ты также нещастливъ, какъ и сынъ твой! говорилъ я, смотря на его лице, запечатлѣнное

глубокимъ прискорбїемъ. Я былъ бы менѣе жалокъ, когда бы́ могъ свергнуть съ себя оковы подчиненности, могъ располагать своимъ жребїемъ, могъ на минуту тебя не любить — но милости твои въ моемъ сердцѣ, онѣ сражаются съ моею страстїю: нещастїе оправдываетъ твою несправедливость. Нѣтъ, нѣтъ! четыре мѣсяца любви не могутъ загладить двадцати лѣтъ почтенїя, привязанности, попеченїй. Ты останешся навсегда въ моей душѣ; но ты на вѣки отдѣляешь меня отъ будущаго!

Вотъ письмо Герцогини Дестутвиль: „И такъ я принуждена идти передъ судилище двухъ младенцевъ, ожидать своего приговора отъ двухъ сердецъ, едва знакомыхъ съ первыми минутами своей страсти! Не должна ли я почитать себя смѣшною и говорить, что второе младенчество безразсуднѣе перваго? Что нужды! и я имѣю страсть, которая мною управляетъ. Эвелина моя нещастна — не буду разсматривать ея проступковъ. Но сколько несправедливости! Эвелина запирается въ своей горницѣ, плачетъ, не видится со мною по цѣлому дню, и ввечеру я замѣчаю, что она съ великимъ усилїемъ принуждаетъ себя раздѣлить со мною двѣ или три минуты. Я имѣла

бы право дѣлать упреки, но я могу чувствовать одну горесть: естьли Эвелина такъ несходна сама съ собою, то безъ сомнѣнія Эвелина очень нещастна!

„Сестра Господина Деступвиля была нѣжнѣйшимъ моимъ другомъ: умирая, поручила она мнѣ свою дочь, которую любила я не менѣе собственной. Герцогъ былъ изключительно привязанъ къ старшему своему сыну, который одинъ въ ребячествѣ имѣлъ позволенїе приходить къ нему въ гостиную. Альфредъ, Софїя, Амелїя всегда оставались въ своей комнатѣ, и входили въ мою только тогда, когда отца ихъ не было дома. Между ими образовалось нѣкоторое особенное семейство. Естьли бы Альфредъ и Амелїя были одни, то ихъ взаимная, нѣжная привязанность могла бы показаться мнѣ опасною; но съ ними была Софїя! Софїя любила Альфреда и Амелїю также сильно, какъ и Альфредъ и Амелїя любили другъ друга и Софїю: она обманывала меня своимъ присутствїемъ; я видѣла въ ихъ связи одно спокойное, непорочное чувство брата и сестры.

„Явное предпочтенїе, которое Герцогъ оказывалъ старшему своему сыну, меня оскорбляло: увы! желая утѣшить

моего Альфреда, я сама сдѣлалась несправедливою — я думала объ одномъ Альфредѣ! Ему совершилось осьмнадцать лѣтъ, когда Господинъ Деступвиль приказалъ приготовить его къ принятїю Мальтїйскаго Ордена. Сей Орденъ назначенъ былъ ему еще въ колыбели. Будучи ребенкомъ, носилъ онъ ужь крестъ — и мое удивленїе было неописанно, когда онъ сказалъ, что не можетъ такъ скоро рѣшиться пожертвовать своею свободою. Я не знала, какъ объявить этотъ отвѣтъ Герцогу Деступвилю, имѣвшему характеръ непреклоннаго Деспота.

„Можетъ быть и теперь надлежало бы мнѣ, какъ и тогда, накинуть покровъ на его недостатки; но дѣло идетъ о судьбѣ Эвелины — могу ли умолкнуть?

„Въ обществѣ думали, что я повелѣвала дѣтьми своими неограниченно. Казалось, весь домъ повиновался мнѣ одной, ибо Господинъ Деступвиль одну меня считалъ достойною принимать его повелѣнїя. Но въ самомъ дѣлѣ я не имѣла никакого голоса, не могла разпоряжать ни чемъ, и каждое утро въ трехъ словахъ назначалъ онъ мнѣ мою должность.

„Я вышла за него замужъ въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ, была совершенно ему покорна и очень твердо знала, что стараться

его разтрогать, значило терять и трудъ и время. Оставалось перемѣнить Альфреда. Онъ отвѣчалъ мнѣ всегда съ большимъ спокойствїемъ, но также, какъ и прежде, откладывалъ минуту вступленїя своего въ Орденъ, Такая непоколебимая рѣшимость въ характерѣ тихомъ и нѣжномъ могла быть только дѣйствїемъ страсти, и я почти угадала его чувства, когда онъ открылъ мнѣ свою тайну. Альфредъ и Софїя обнимали мои колѣна: я обѣщала употребить все усилїе, чтобы смягчить Господина Деступвиля. Богъ свидѣтель, что я ихъ любила, что жизнїю готова была заплатить за щастїе моего Альфреда!

„При первомъ сказанномъ мною словѣ Господинъ Деступвиль разгорячился чрезвычайно, и началъ говорить о разводѣ, о необходимости избавить дѣтей моихъ отъ слабаго моего смотрѣнїя: знатное Коммандорство, которое основано было его предками, вышло бы изъ нашей фамилїи съ женидьбою Альфреда; къ тому же онъ ни за что не хотѣлъ раздѣлить своего имѣнїя между обоими сыновьями своими. Онъ приказалъ, чтобы Амелїя приготовилась на другой же день отправиться въ Шельское Аббатство, гдѣ надлежало ей или постричься, или быть заключенною

по самую смерть Господина Деступвиля. Онѣ самѣ отвезѣ Амелїю вѣ монастырь: Альфредѣ остался со мною. Софїя, которая имѣла вѣ характерѣ нѣсколько твердости отца, совѣтовала своему брату противиться, не выходя изѣ границѣ почтенїя. Господинѣ Деступвиль это замѣтилѣ и отослалѣ ее вѣ другой монастырь, находившїйся далеко отѣ той темницы, вѣ которой мучилась Амелїя.

„Огорченная разсѣянїемѣ моего семейства, я не хотѣла открыть состоянїя души моей свѣту, и вѣ домѣ моемѣ, какѣ и прежде, продолжалось сбираться блестящее общество; дни мои отданы были на жертву людямѣ, совершенно для меня чуждымѣ. Меня почитали щасливою, быть можетѣ завидовали моей участи — а сердце мое, наполненное горестїю, разрывалось! Дѣти мои были нещастны, но я ли была причиною ихѣ нещастїя?

„Альфредѣ, мой добрый, чувствительный Альфредѣ, пользовался каждою минутою свободы и спѣшилѣ раздѣлить со мною свою горесть. Онѣ находилѣ вѣ своей матери нѣжнѣйшаго друга, который однимѣ присутствїемѣ своимѣ успокоивалѣ уже его сердце. Какоежь было мое занятїе? Укрощать вѣ глазахѣ сына

жестокую непреклонность отца и представлять отцу вЪ лучшемЪ видѣ непокорность сына! ИзЪясняясь другЪ сЪ другомЪ черезЪ меня, они казались близкими кЪ согласїю; но всякое свиданїе разстроивало ихЪ снова: ГерцогЪ выходилЪ изЪ себя, АльфредЪ предавался отчаянїю, а я страдала.

„АльфредЪ не долго имѣлЪ утѣшенїе быть со мною вмѣстѣ: ГерцогЪ, опасаясь моей снисходительной нѣжности, приказалЪ ему ѣхать вЪ полкЪ. Дни за два до его отъѣзда, приходитЪ онЪ ко мнѣ и говоритЪ вЪ присутствїи Альфреда: Амелїя опять достойна моего уваженїя; она соглашается постричься, чтобы возвратить семейству моему потерянное спокойствїе. ОнЪ вышелЪ, не дождавшись моего отвѣта. АльфредЪ бросился кЪ моимЪ ногамЪ. Матушка, воскликнулЪ онЪ, милый другЪ! вотЪ нещастїе, которое ужаснѣе для меня смерти: спасите Амелїю, спасите ее отЪ самой себя! Она чрезмѣрно робка и уступчива! Батюшка безЪ сомнѣнїя сказалЪ ей, что она упорствомЪ своимЪ дѣлаетЪ всѣхЪ насЪ нещастными, и теперь Амелїя готова пожертвовать для меня собою! — Какое перо опишетЪ

отчаянїе Альфреда! На другое утро приходитъ онъ къ Герцогу и говоритъ ему при мнѣ, что соглащается того же дня ѣхать въ Мальту и вступить въ Орденъ, естьли только Софїя и Амелїя выдутъ изъ монастыря, и естьли Амелїя не будетъ болѣе принуждаема постричься.

„Господинъ Деступвиль чрезвычайно раздраженъ былъ дерзостїю Альфреда, который предписывалъ отцу своему условїя; но позволилъ ему надѣяться, что онѣ будутъ приняты, естьли, прежде, безъ всякаго прекословїя, исполнитъ онъ его волю. Бѣдный Альфредъ, нѣсколько успокоенный, уѣхалъ: онъ записался въ Орденъ, и Амелїя оставила монастырь. Ей было шестнадцать лѣтъ, Альфреду девятьнадцать: я надѣялась, что эта младенческая любовь изчезнетъ въ разсѣянїяхъ юности. И кто бы этаго не подумалъ вмѣстѣ со мною? Амелїя, кроткая, покорная, набожная, показывала одно сердечное желанїе удалить отъ себя то чувство, которымъ была наполнена. Альфредъ, во всѣхъ своихъ письмахъ, умолялъ меня сохранить Амелїино щастїе: казалось, что онъ перестал думать о собственномъ, и никогда уже не говорилъ онъ мнѣ о любви своей.

„Герцогъ никакъ не соглашался, чтобы Альфредъ возвратился во Францію: всѣ требованія мои остались тщетны. Пока дѣвица Дестень, говорилъ онъ, не будетъ ни въ монастырѣ, ни за мужемъ, по тѣхъ поръ не позволю, чтобы Альфредъ былъ съ нею въ одномъ домѣ, и питалъ такое чувство, которое запрещаемо всѣми законами чести.

„Альфредъ произнесъ обѣты свои, чтобы спасти Амелію отъ монастырскаго заточенія — Амелія согласилась выдти замужъ, чтобъ возвратить Альфреда его семейству. Графъ Обинье сдѣлалъ свое предложеніе: чинъ его и богатство польстили гордости Герцога Деступвиля: онъ съ радостію согласился отдать за него Амелію. Альфредъ въ каждомъ письмѣ своемъ умолялъ меня выдать Амелію замужъ, чтобъ сохранить и независимость ея и свободу: Амелія видѣла мои страданія, видѣла слезы, извлекаемыя изъ глазъ моихъ отсутствіемъ Альфреда, и обольщенная надеждою возвратить матери сына, обѣщала, безъ моего согласія, Господину Деступвилю отдать Графу Обинье свою руку. Герцогъ доволенъ былъ чрезвычайно ея покорностію; но онъ боялся, чтобы чистосердечная Амелія не открыла Графу своей привязанности къ Альфреду; хотя

привязанность сія и казалась ему однимъ ребячествомъ, но онъ чувствовалъ, что признаніе Амеліи могло бы сдѣлать супружество ея нещастнымъ, и взялъ съ своей племянницы слово, что она до замужства не будетъ видѣться наединѣ съ Графомъ. Такое условіе показалось батюшкѣ вашему благоразумнымъ: оно соотвѣтствовало строгости его правилъ и тѣмъ обычаямъ, которые царствовали у насъ въ домѣ.

„Услышавъ отъ вашего батюшки, что онъ желаетъ имѣть супругою Амелію, я была увѣрена, что Герцогъ съ великою радостію согласится на его предложеніе, и желая дать время успокоиться Амеліину сердцу, сказала Графу Обинье, что не расположена выдавать ее замужъ прежде двухъ лѣтъ. Увы! онъ замѣтилъ въ этомъ отвѣтѣ одно сожалѣніе, что Амелія предпочтена была Софіи. Однимъ словомъ, эта неизъяснимая судьба, которая повидимому благопріятствуетъ всѣмъ произшествіямъ, имѣющимъ слѣдствія гибельныя, эта неизъяснимая судьба увлекала вашего батюшку. И какъ несправедливы его упреки! Могъ ли онъ имѣть нужду въ совѣтѣ? самое размышленіе не вселяло ли въ него недовѣрчивости!

„Герцогъ, узнавши о намѣренїи Графа Обинье, тотчасъ согласился отдать ему Амелїю; я опять осмѣлилась ему противорѣчить, но вмѣсто отвѣта онъ далъ мнѣ на выборъ: или везти Амелїю въ монастырь, или рѣшиться выдать ее замужъ. Я ужаснулась; я представила съ одной стороны то горестное заточенїе, въ которомъ эта нещастная должна будетъ изтощить юность свою, снѣдаемую безнадежною страстїю; съ другой добродѣтельнаго супруга, утѣшительное чувство исполняемой должности, свѣтскїя разсѣянїя, и рѣшилась. Я трепетала, провожая Амелїю къ олтарю — но Амелїя начала молиться, и надежда воскресла въ моемъ сердцѣ.

„Въ одномъ упрекаю себя: для чего не долѣе противилась я власти Господина Деступвиля; но я увѣрена и теперь, что противорѣчїе могло бы только его раздражить, безъ всякой пользы для нещастной моей Амелїи. Графъ Обинье увезъ ее въ деревню. Альфредъ возвратился: душа его наполнена была страданїемъ и любовїю. Мы провели вмѣстѣ шесть мѣсяцевъ. Господинъ Деступвиль ѣздилъ по гостямъ съ старшимъ своимъ сыномъ; а я оставалась дома, одна съ моимъ милымъ Альфредомъ.

„Открылась война: мой сынъ, мой Альфредъ былъ раненъ смертельно — и теперь содрогаюсь при этомъ воспоминанiи — я обожала его, жила имъ, и Альфреда уже не было! Я умирала отъ горести, но помнила объ Амелiи, но хотѣла увѣрить себя, что сынъ мой будетъ видѣть мои попеченiя о той, которую любилъ онъ такъ страстно — и послала къ ней Софiю: и вмѣстѣ и розно съ Софiею моя тоска, мое сожалѣнiе были одни и тѣ же; ни что на свѣтѣ не могло принести утѣшенiя моему сердцу. Узнавши объ Амелiиной смерти, я плакала столь же много, какъ будто бы во второй разъ лишилась Альфреда. Софiя, возвратившись, призналась, что батюшка твой одну меня обвинялъ въ своемъ нещастiи. Но Софiя не могла оправдывать матери, не опорочивая въ тоже время отца: и та и другая должности были равно священны! Что оставалось ей дѣлать? Умолкнуть!

„Но Софiя, стоя на колѣняхъ у маленькой твоей колыбели, обливая слезами твое лице, стараясь успокоить первыя жалобы Амелiина сына, говорила ея супругу: именемъ Амелiи прошу васъ, не забудьте обо мнѣ, когда этому младенцу нужна будетъ мать! Молю Бога, чтобы онъ умѣлъ почитать отца своего такъ же

много, какъ я въ сїю минуту своего почитаю . . . . и естьлибъ жива была Амелїя, то я молила бы для него такой же любви къ своей матери, какую сердце мое питаетъ теперь къ моей!“ — Софїя оставила вашего батюшку; но ея молчанїе усилило въ душѣ его несправедливое противъ меня предубѣжденїе, и съ того времени Графъ Обинье, не желая нигдѣ со мною встрѣчаться, оставилъ общество; мы перестали имѣть сношенїе, не позволивъ себѣ сказать ни одного слова, которое могло бы обратить на насъ вниманїе публики. Мы почитали молчанїе обязанностїю; но сїя обязанность была несравненно тяжелѣ для меня, нежели для него. Я знала, что онъ меня ненавидѣлъ; знала, и принуждена была молчать; и не могла себя оправдывать: но будучи невинна, я болѣе удивлялась его несправедливости, нежели ею огорчалась. Человѣкъ, увѣренный въ своихъ поступкахъ, спокойно полагается на будущее и говоритъ самому себѣ съ утѣшительною надеждою: тебя узнаютъ! Я очень часто сожалѣла о Графѣ Обинье! Какъ будетъ онъ раскаяваться въ своей несправедливости, думала я, какъ будетъ упрекать себя, что судилъ обо мнѣ такъ дурно!

„Въ слѣдующую кампанїю потеряли мы старшаго своего сына, и тутъ только почувствовала я, съ какою нѣжностїю его любила: всѣ надежды Герцога Дестутвиля были уничтожены. Я не позволила себѣ сказать ему, что онъ самъ причиною своихъ нещастїй — я слишкомъ знала, что Альфредъ сражался, какъ человѣкъ, желающїй смерти.

„Герцогъ нашелъ для дочери своей мужа, имѣвшаго его фамилїю; но Софїя, погруженная въ глубокое унынїе, съ того времени, какъ потеряла друзей своего младенчества, страдала, томилась, наконецъ увяла. Нещастная мать не могла спасти ее любовїю своею отъ смерти. Софїя ввѣрила мнѣ Эвелину, которая не могла меня утѣшить, но снова привязала къ жизни прелестною надеждою ощастливить существо драгоцѣнное.

„Ты знаешь, Густавъ, что лучшею мечтою моею было соединенїе твое съ Эвелиною; я утѣшалась мыслїю, что время успокоитъ ненависть Графа Обинье, что время наконецъ заставитъ его спросить у самаго себя: могла ли та женщина, которая никому на свѣтѣ не желала зла, произвольно сдѣлаться убїйцею своего сына, своей Амелїи, существамъ драго-

цѣннѣйшимъ для ея сердца? Я ждала долго: и теперь еще не отказываюсь отъ надежды!

„Будучи неразлучна съ воспоминанїемъ о моихъ дѣтяхъ, Амелїи, Софїи, Альфредѣ, я старалась и Эвелину сдѣлать имъ подобною! Мнѣ сладко было думать, что сынъ Амелїи найдетъ въ Эвелинѣ свое щастїе; что голосъ его, еще незнакомый, но уже милый, будетъ называть меня матерью.

„Батюшка твой, которому неизвѣстны причины моихъ поступковъ, упрекаетъ меня жестокою вѣтренностїю! Онъ называетъ меня только виновною, въ то время, когда бы онъ долженъ былъ называть меня только нещастною. Густавъ, скажи ему, что ты едва не похитилъ у меня Эвелининой благодарности, Эвелининой нѣжности — а Эвелина единственное существо, къ которому привязываютъ меня и любовь и воспоминанїя и прискорбїе! — Скажи твоему отцу, что ты похитилъ у меня послѣднее мое щастїе, что можетъ быть приготовилъ мнѣ одинокую старость, что можетъ быть лишилъ меня всѣхъ утѣшенїй послѣдней моей дочери; скажи это ему, Густавъ, и онъ перестанетъ меня ненави-

дѣть — не довольно ли для него такого жестокаго мщенїя?"

Письмо Госпожи Дестутвиль поселило въ душѣ моей какое-то спокойствїе, какую-то надежду, которыя не могли уже быть разрушены суровостїю отца моего. Я запечаталъ его и послалъ къ батюшкѣ, надписавъ на пакетѣ: *вы прочтете это письмо тогда, когда будете имѣть нужду оправдать въ глазахъ своихъ вашего сына.*

Въ слѣдующїе два дни батюшка, необыкновенно задумчивый и унылый, говорилъ со мною очень мало — его смущенїе увѣряло меня, что онъ прочелъ письмо Герцогини Дестутвиль: я видѣлъ въ немъ человѣка, который не почиталъ уже себя правымъ на счетъ прошедшаго, но думалъ, что никогда не можетъ обмануться въ своихъ сужденїяхъ о будущемъ.

Прежняя, царствовавшая между нами непринужденность совсемъ изчезла; я не могъ быть спокоенъ въ его присутствїи, бѣгалъ изъ дому, по цѣлымъ днямъ занимался охотою: одно чрезмѣрное утомительное движенїе могло мнѣ доставить нѣсколько минутъ тяжкаго сна: я чувствовалъ, что сила моя, здоровье, молодость увядали.

Однажды ввечеру возвращаюсь домой позже обыкновеннаго, вѣ ту минуту, какѣ батюшка готовился ужинать: проходя мимо меня вѣ столовую, онѣ остановился, посмотрѣлѣ мнѣ вѣ лице, и сказалѣ: „И такѣ, мой сынѣ, ты не рѣшился еще побѣдить того чувства, которое сдѣлаетѣ меня нещастнымѣ при концѣ жизни?" — Побѣдить? Никогда. Пожертвовать имѣ? Во всякую минуту! — „Но развѣ не боишься разстроить здоровья своего такимѣ чрезмѣрнымѣ движенїемѣ?" — Нѣтѣ, батюшка, я не боюсь! — Онѣ потупилѣ глаза и не говорилѣ со мною весь вечерѣ.

Мы видѣлись сѣ нимѣ только за обѣдомѣ и за ужиномѣ, говорили мало, о постороннемѣ, безѣ удовольствїя, безѣ всякаго излїянїя искренности; но вѣ остальное время дня былѣ я по большей части одинѣ: чувствовалѣ вѣ самомѣ себѣ ту внутреннюю борьбу, которая изтощаетѣ и силу, и душу, и жизнь.

Однажды, послѣ обѣда (время было ужасное) батюшка подошелѣ ко мнѣ сѣ робкимѣ видомѣ — ко мнѣ! кѣ своему сыну, а я называлѣ себя нещастнымѣ! — „Густавѣ, сказалѣ онѣ, ты боленѣ, останься нынѣче дома, сдѣлай отцу своему это утѣшенїе!" Онѣ вышелѣ, не дождавшись отвѣта; невидимая

рука приковала меня кЪ тому мѣсту, на которомЪ онЪ меня оставилЪ; я не могЪ вырваться изЪ той комнаты, вЪ которой слышалЪ умоляющїй голосЪ отца моего: обремененный мрачными мыслями, я чувствовалЪ и не жалѣлЪ, что силы мои истощались, что юность моя увядала: „При концѣ своемЪ увижу ее опять, говорилЪ я самому себѣ вЪ страстномЪ мечтанїи; онЪ приведетЪ Эвелину кЪ умирающему своему сыну; велитЪ ему прижать ея руку кЪ сердцу: но оживитЪ ли эта поздняя радость увядшаго? ВозвратитЪ ли она ему улетѣвшую молодость; чувства изтощенныя; сердце уже отцвѣтшее?.

Слабый, утомленный, я бросился на канапе и заснулЪ; черезЪ часЪ просыпаюсь и вижу батюшку, сидящаго подлѣ меня вЪ креслахЪ. Слезы катились по щекамЪ его: я всталЪ, почти утѣшенный его сострадангїемЪ, положилЪ руку его кЪ себѣ на сердце; онЪ сказалЪ мнѣ, потупивЪ глаза, и такЪ тихо, какЪ будто бы самЪ боялся себя услышать: „Мой сынЪ, не могу ни согласиться на твое супружество, ни ему способствовать! Поѣзжай вЪ ПарижЪ, сдѣлай всѣ нужныя для щастїя твоего разпоряженїя, присылай ко мнѣ тѣ бумаги, вЪ которыхЪ имя мое будетЪ необходимо: я подпишу ихЪ, не

читая — онѣ прибавилъ съ трепетомъ — жена твоя будетъ моею дочерью!“ — Я бросился къ его ногамъ. „Оставьте мнѣ мою горесть — сказалъ я — или согласитесь на все, не полагая предѣловъ своему великодушїю. И Эвелина можетъ теперь принять ваши условїя: но придетъ время, когда онѣ покажутся ей оскорбительными и меня обвинитъ она въ своей слабости! Батюшка, умоляю васъ, возвратите мнѣ привязанность мою къ жизни!“ — Онъ хотѣлъ встать, но я окружилъ его руками, я цѣловалъ его колѣна. — „Батюшка, могу ли безъ вашего благословенїя идти къ олтарю? Нѣкогда собственныя дѣти мои объ этомъ узнаютъ, и вы заранѣе приготовите ихъ къ непочтенїю и непокорности?“ — Ахъ, Густавъ! сказалъ онъ печальнымъ голосомъ, не справедливо ли будетъ, естьли твои дѣти накажутъ тебя за тѣ огорченїя, которыя причиняешь отцу своему? — „Конечно справедливо! но только тогда, когда не будутъ они знать, что я соглашался лучше умереть, нежели вамъ противиться, когда найдутъ во мнѣ только неблагодарнаго, оставленнаго отцемъ въ самую священную, самую торжественную минуту жизни.“ — Но думаешь ли, Густавъ, сказалъ онъ, наклонившись ко мнѣ, какъ будто для того, чтобы нѣсколько смягчить упрекъ свой,

что, вырывая насильно изъ меня согласіе, ты исполняешь обязанность сына? — „Батюшка, не называйте покорности моей насиліемъ! Потребуйте, чтобы я былъ нещастливъ, и буду страдать, но вы не услышите отъ меня роптанія!“ — Неблагодарный, или ты думаешь, что я забылъ, какъ можно угаснуть и умереть съ печали? . . . Каждый день разсматриваю тебя съ безпокойствомъ: сынъ мой! на лицѣ твоемъ блѣдность Амеліи! . . за нѣсколько минутъ, я видѣлъ тебя спящаго, наклонившаго томную голову, запечатлѣннаго страданіемъ; я говорилъ самому себѣ: или въ другой разъ мнѣ видѣть медлительный конецъ нещастія? — „Ахъ! естьли бы я могъ знать, что вы терзаете себя такими мыслями, то никогда не замѣтили бы вы моей печали!“ — Скажи же, Густавъ, спросилъ онъ съ глубокимъ уныніемъ, какъ будто рѣшившись отказаться отъ самаго себя, чего ты отъ меня требуешь? — „Послѣдуйте за мною въ Парижъ, узнайте Эвелину . . . и тогда, какая бы ни была ваша воля, повинуюсь ей безъ роптанія!“ — Онъ согласился, и на другой же день поѣхали мы въ Парижъ. Вези насъ въ домъ Герцогини Дестутвиль, сказалъ я постильону, когда мы остановились у заставы. Батюшка этаго не предвидѣлъ, но онъ не противился. Я зналъ,

чего ему стоило это посѣщенїе, и не хотѣлъ его откладывать.

Карета подъѣхала къ крыльцу. Мы пошли прямо въ комнату Эвелины. Представляю вамъ, сказалъ я ей, не отца еще, но друга. Она совсемъ не ожидала меня, поблѣднѣла, затрепетала. Батюшка, тронутый ея замѣшательствомъ, сѣлъ подлѣ нее на кресла; съ чувствомъ смотрѣлъ ей въ лице, не могъ сказать ни слова. Эта минута была для меня доказательствомъ его привязанности, столь же сильнымъ, какъ и всѣ нѣжныя заботы, которыя имѣлъ онъ обо мнѣ съ начала моей жизни. Съ какою пламенною благодарностїю смотрѣлъ я на лице моего родителя! я взялъ его руку, соединилъ ее съ рукою Эвелины, поцѣловалъ ихъ — онъ содрогнулся, она посмотрѣла на небо. Эвелина, сказалъ я, обѣщайся, вмѣстѣ со мною, возвратить родителю моему его потерянное щастїе! Эвелина, будучи не въ силахъ владѣть своимъ чувствомъ, залилась слезами, пожала батюшкину руку, и отвѣчала мнѣ: отъ всего сердца, естьли онъ это позволитъ! — Онъ всталъ, и послѣ минутной, мучительной для сердца его борьбы, сказалъ съ глубокимъ вздохомъ: Густавъ, мой сынъ! любовь родительская надеж-

нѣе дѣтской! — Онъ обнялъ Эвелину, закрылъ глаза, трепеталъ, колебался, наконецъ сказалъ; дочь моя, забудемъ прошедшее! — Я упалъ на колѣна; Эвелина прижалась къ его сердцу; онъ открылъ глаза, увидѣлъ меня у ногъ своихъ, еще разъ наименовалъ ее *дочерью*, и наконецъ сказалъ, положивъ ко мнѣ на голову руку свою: Эвелина, поручаю вамъ его щастіе!

На другой день посѣтилъ онъ Герцогиню Деступвиль, которая приняла его съ замѣшательствомъ и робостію. Батюшка представилъ ей меня какъ сына. — „Ахъ! сказала Герцогиня, я могла быть причиною нещастій, но безъ намѣренія, и не предвидя ихъ. Какъ щастливъ тотъ, кто можетъ сказать: хочу снова начать прошедшую жизнь свою безъ всякой въ ней перемѣны!“ — Перестанемъ думать о прошедшемъ, отвѣчалъ батюшка: ваше письмо заставило меня разобрать мои поступки; я многое перемѣнилъ бы въ нихъ, когда бы снова надлежало мнѣ начать жизнь свою. Мы всѣ должны говорить;

Въ раскаяньи одномъ виновныхъ добродѣтель!

Гжа. Флао.

III.

Гимнъ.

(*Подражаніе Томпсону.*)

Не видъ ли Божества временъ круго-
вращенье?
Творецъ! Тебя гласитъ Тобою полный годъ!
Въ веснѣ Твоя любовь, краса, возобновленье:
Воскреснули поля! цвѣтетъ лазурный сводъ,
Звучащіе холмы одѣты красотою,
И сердце растворилъ любови тихій жаръ!
Ты въ лѣтѣ, окруженъ и зноемъ и грозою,
Грядешь, блистательный, неся намъ зрѣ-
лость въ даръ!
Изъ тучей гласъ даешь стозвучными громами!
Съ денницей, въ ярый зной, въ вечерній
тихій часъ,
Съ дыханіемъ дубравъ, съ шумящими ручьями,
Не Твой ли къ намъ летитъ любови полный
гласъ?
Ты въ осень общій пиръ готовишь для тво-
ренья!
И въ зиму, грозный Богъ, на бурныхъ облакахъ,
Во ужасъ облеченъ, съ бичемъ опустошенья,
Паришь, погибельный — какъ дольный гонишь
прахъ
И вьюгу, и мятель, и вихорь предъ собою!
Въ развалинахъ земля! Природы страшенъ
видъ!
И міръ, оцѣпенѣвъ предъ Сильнаго рукою,
Хвалебнымъ трепетомъ Творца благовѣститъ!

Таинственная цѣпь! какая дивна сила
Сплела въ ней красоту съ чудесной простотой,
Великолѣпіемъ созданье озарила,
Слила со тьмою свѣтъ, съ движеніемъ покой,
Съ неизмѣняемымъ единствомъ измѣненье!
Почтожь ты, человѣкъ, слѣпецъ среди чудесъ?
Признай окрестъ себя Руки напечатлѣнье,
Отъ вѣка правящей теченіемъ небесъ,
И ликомъ мирныхъ сферъ изъ тьмы недостижимой!
Она весной красу низводитъ на поля!
Предъ Нею дымъ скалы, перунами дробимой!
Предъ Нею въ трепетѣ веселія земля!

Воздвигнись, спящій міръ! внуши мой гласъ, созданье!
Да грянетъ ваша пѣснь Чудеснаго дѣламъ!
Сліянные въ хвалу, сліянны въ обожанье,
Да гимнъ вашъ потрясетъ небесъ огромный храмъ!
Журчи къ Нему любовь подъ тихой сѣнью лѣса,
Порхая по листамъ, душистый вѣтерокъ!
Вы, ели, наклонясь съ сѣдой главы утеса
На свѣтлый, о скалу біющійся потокъ,
Бесѣдуйте о Немъ таинственною мглою!
О Немъ благовѣсти крылатыхъ бурей свистъ,
Когда гремятъ брега, дробимые волною,
И сорванный съ лѣсовъ крушится клубомъ листъ!

Ручей, невидимо журчащій подъ дубравой,
Съ лѣсистой крутизны ревущій водопадъ,
Рѣка, блестящая средь дебри величаво,
Кристалломъ отразивъ на брегѣ пышный градъ,
И ты, обитель чудъ, бездонная пучина,
Гремите пѣснь Тому, чей бурь звучнѣйшій гласъ
Велитъ — и зыбь горой! велитъ — и зыбь равнина!
Вы, злаки, вы, цвѣты, лети къ Нему отъ васъ
Хвалебное съ полей, съ луговъ благоуханье!
Онъ далъ вамъ ароматъ, Онъ васъ кропилъ росой!
Изъ радужныхъ лучей соткалъ вамъ одѣянье!
Предъ Нимъ утихни, долъ! поникни, боръ, главой!
И, жатва, трепещи на нивѣ оживленной,
Плѣняя шорохомъ мечтателя своимъ,
Когда онъ, при лунѣ, вдоль рощи осребренной
Идетъ, задумчивый, и тѣнь по слѣдъ за нимъ!
Луна, по облакамъ разлей струи златыя,
Когда и дебрь, и холмъ, и лѣсъ въ туманѣ спятъ!
Созвѣздій ликъ, сіяй средь тверди голубыя,
Когда струнами лиръ таинственныхъ звучатъ
Возпламененные мольбою Серафимы!
И ты, свѣтило дня, смиритель бурныхъ тучь,
Будь щедростію ликъ Творца боготворимый!
Ему живописуй хвалу твой каждый лучь! —

Се громъ . . . Владыки гласъ! . . . Безмолвствуй, міръ смятенный!
Внуши . . . . изъ края въ край, по тучамъ гулъ гремитъ!
Скала раздроблена! дымится дубъ сраженный!
И гимнъ торжественный чрезъ дебри вдаль паритъ!
Утихъ . . . Красуйся лугъ! правѣтственное пѣнье
Изникни изъ лѣсовъ! и ты, любовь весны —
Лишь полночь принесетъ пернатымъ усыпленье,
И тихій отъ холма возстанетъ рогъ луны —
Воркуй подъ сѣнію дубравной, Филомела!
А ты, глава земли, творенія краса,
Наслѣдникъ Ангеловъ превыспреннихъ удѣла!
Сочти, восторженный, созданій чудеса,
И въ гимнѣ вознесись горѣ, воспламененный!
Сердца, сліянны въ пѣснь, летите къ небесамъ!
Да грады возшумятъ, мольбами оглашенны!
Да въ храмахъ съ олтарей возстанетъ ѳиміамъ!
Да грянутъ съ звономъ лиръ и съ ликами органы!
Да въ селахъ, по горамъ, и въ сумракѣ лѣсовъ,
И пастыря свирѣль, и юныхъ дѣвъ тимпаны,
И звучные рога, и шумный гласъ пѣвцовъ
Единъ составятъ хоръ и гулъ отгрянетъ: слава!
Будь каждый звукъ хвала, будь каждый холмъ олтарь!
Будь храмомъ каждая сѣнистая дубрава,

Гдѣ, мнится, въ тайной мглѣ сокрытъ природы Царь,
И вѣютъ въ вѣтеркахъ душистыхъ Серафимы,
И гдѣ, возведши взоръ на свѣтлый неба сводъ —
Сквозь зыблемую сѣть древесныхъ сѣней зримый —
Пѣвецъ въ задумчивомъ восторгѣ слезы льетъ!

А я, животворимъ созданья красотою,
Забуду ли когда хвалебный гласъ мольбы?
О Неизпытанный! мой пламень предъ Тобою!
Кудабъ ни привела рука Твоей судьбы,
Найду ли тишину подъ отческою сѣнью,
Безпечный другъ полей, возлюбленныхъ въ кругу,
Тебя — и въ знойный день, покрытый рощи тѣнью;
И въ ночь, задумчивый потока на брегу;
И въ обиталищахъ страданія забвенныхъ,
Гдѣ бѣдность и недугъ, гдѣ рокъ напечатлѣлъ
Отчаянья клеймо на лицахъ искаженныхъ,
Кудабъ, влекомъ Тобой, съ отрадой я летѣлъ;
И въ часъ торжественный полночнаго видѣнья,
Какъ струны, пробудясь, отвѣтствуютъ перстамъ
И духъ воспламененъ восторгомъ пѣснопѣнья —
Тебя велю искать и сердцу и очамъ!
Постигнешь ли меня гоненія рукою —
Тебяжь благословитъ тоски молящій гласъ,

Тебя же обрѣту подъ грозной жизни мглою!
Ахъ! скороль прилетитъ послѣдній, скорбный часъ,
Конца и тишины желанный возвѣститель?
Промчись печальная невѣденія тѣнь!
Откройся тайный брегъ, утраченныхъ обитель!
Откройся мирная, отеческая сѣнь!

Ж.

ПОЛИТИКА.

IV.

Аранжуецъ.

(Смотри приложенную къ сему номеру картинку.)

Сїе описанїе Аранжуеца взято изъ новѣйшаго Путешествїя въ Испанїю, писаннаго Господиномъ Бургуэнемъ. Прошедшаго году напечатано оно въ Парижѣ четвертымъ изданїемъ подъ титуломъ: Tableau de l'Efpagne moderne (Картина нынѣшней Испанїи), и можетъ почесться классическимъ, а для тѣхъ, которые хотятъ узнать настоящее положенїе Испанїи короче, необходимымъ. Господинъ Бургуэнъ находится теперь Посланникомъ въ Саксонїи, гдѣ за хорошїя качества, рѣдкїе таланты и отличныя познанїя любимъ Королемъ, уважаемъ знатными, въ почтенїи у всего народа.

*

Проѣхавъ шесть миль по дорогѣ, ведущей изъ Мадрита въ Аранжуецъ (городокъ), котораго красивѣй и прїятнѣй нѣтъ

во всей Европѣ); вы спускаетесь въ прелестную Аранжуецкую долину. Ксарама, черезъ которую переѣзжаете по каменному, великолѣпному мосту; протекаетъ вдоль холмовъ, составляющихъ сѣверный ея берегъ. Вы продолжаете путь вашъ далѣе, самою долиною; голыя Кастильскія равнины изчезаютъ; почва и климатъ принимаютъ другой видъ: возвышаются передъ вашими глазами огромныя сѣнисты деревья; шумятъ водопады; журчатъ ручьи; вы видите вездѣ необозримые цвѣточные ковры и пышную зелень со всѣмъ неизчерпаемымъ ея богатствомъ; предчувствуете, что есть вблизи рѣка, которая сіе мѣсто и плодотворитъ и оживляетъ; и вскорѣ она представляется вашему взору. Это Тагъ. Онъ течетъ въ долину отъ запада, извивается, потомъ направляетъ бѣгъ къ востоку; и оставляетъ сію очаровательную страну, дабы соединить струи свои съ струями Ксарамы.

Всѣ строенія въ Аранжуецѣ новы. Карлъ Пятый былъ первый Монархъ Испаніи, которой основалъ здѣсь для себя жилище и пріѣзжалъ сюда временно. Онъ заложилъ тотъ Дворецъ, въ которомъ жили его Высокіе преемники. Фердинандъ Шестый и Карлъ Третій пристроили къ сему Дворцу флигели. Со всѣмъ тѣмъ это

прекрасной загородной домЪ, и ни мало не похожЪ на ДворецЪ Владѣтеля. ТагЪ, который подходитЪ кЪ восточному его фасу очень близко, извивается вокругЪ примыкающей кЪ нему площади, и подЪ самыми его окнами образуетЪ искуственный водопадЪ. Небольшой рукавЪ его, отдѣлясь, течетЪ подлѣ самыхЪ стѣнЪ ДворцовыхЪ, и Король сЪ террасы можетЪ ловить вЪ немЪ рыбу. Протекая далѣе, соединяется сей рукавЪ опять сЪ рѣкою и образуетЪ довольно большой островЪ, на которомЪ разведенЪ прекрасный садЪ. ВЪ немЪ найдете вы и тѣнь и прохладу во всякое время, и вЪ лабиринтѣ пріятныхЪ аллей его, восхищаяся избыткомЪ и спокойствіемЪ, легко вообразите, что шумЪ Двора отЪ васЪ далеко, и что вы находитесь вЪ объятіяхЪ сельскаго уединенія. Рослыя деревья, высокіе зеленые кусты, нѣсколько фонтановЪ, украшенныхЪ просто, вотЪ все, что вы тутЪ увидите. Но если бы сей садЪ былЪ великолѣпнѣе, то нравился бы менѣе.

КарлЪ Пятый и ФилиппЪ Второй не узнали бы Аранжуеца — столь много онЪ перемѣнился стараніемЪ ихЪ преемниковЪ, послѣднихЪ Королей Испаніи. СловомЪ, онЪ преобразился вЪ прекраснѣйшую резиденцію, и подобной нѣтЪ во всей Европѣ.

Главныя аллеи, особенно называемыя Calle de la Reyna, весьма древни. Вышина деревъ, чрезмѣрная толщина ихъ пней и густота листьевъ доказываютъ и старость ихъ и доброту земли, которая питаетъ ихъ уже нѣсколько столѣтій. Нынѣ однако не однѣ сіи аллеи составляютъ украшеніе Аранжуеца. При Фердинандѣ Шестомъ резиденція заключалась почти въ одномъ Замкѣ, близь котораго были видимы безобразныя строенія, разсѣянныя безъ всякаго порядка: въ нихъ помѣщались Посланники и Придворные. Но сіи зданія уступили свое мѣсто домамъ, построеннымъ по одинакому образцу, съ отмѣннымъ вкусомъ. Знатнѣйшія улицы, осѣняемыя двумя рядами деревъ, между коими течетъ прозрачный ручей, просторны и прямы; но можетъ быть излишне широки въ отношеніи къ посредственной вышинѣ домовъ и къ знойному климату. Надъ составленіемъ плана, по которому разположено новое Аранжуецкое селеніе, трудился Господинъ Гримальди, бывшій нѣкогда Посланникомъ во Франціи, а потомъ Министромъ. Прежде сего отправлялъ онъ должность Посланника въ Гагѣ, въ которой получилъ мысль построить Голландской городокъ среди Кастиліи.

Селеніе отдѣлено отъ замка площадью, украшенною водометомъ, довольно обшир-

ною, но неровною. Пріѣзжая сюда по Мадритской дорогѣ, взъѣдете вы сперва на большую круглую площадь, называемую (по двенадцати аллеямъ, которыя въ ней сходятся) las doce Calles: одна изъ сихъ аллей ведётъ ко входу въ las Huertas — большой плодовитый садъ, гдѣ вы удивляетесь особенно чрезмѣрному плодородїю земли; естьлижь хотите взглянуть на обработанность, болѣе обширную, то поѣзжайте на Толедскую дорогу: вы пріѣдете въ Campo Flamenco, мѣсто, такъ названное вѣроятно по сходству его съ нѣкоторыми прекрасными селенїями Фландріи. Не льзя не замѣтить и Cortijo, сего плантажа, окруженнаго барьерами: здѣсь, гдѣ обработанная съ отмѣннымъ старанїемъ земля награждаетъ весьма щедро за трудъ, по повелѣнїю Короля разводится виноградъ всѣхъ родовъ, въ Испанїи находимыхъ. Huerta de Valencia показываетъ также счастливо оконченный опытъ трудолюбїя: оно представляетъ вамъ нѣчто сходное съ Королевствомъ Валенцїею — видите поля, засѣянныя льномъ, искуственные луга, виноградники, множество шелковицы и зданїе для разведенїя шелковыхъ червей. Со всѣмъ тѣмъ изъ всѣхъ Аранжуецкихъ садовъ самый извѣстный, самый любопытный и самый превосходный есть такъ назы-

ваемый Calle de la Reyna. Онъ простирается отъ востока на западъ почти на полмили, ограничивается величественнымъ Тагомъ, и оканчивается близь каменнаго мосту, ведущаго черезъ оный; ширина сего сада почти равна длинѣ его, и также оканчивается близь моста, находящагося на той же рѣкѣ, которой изгибы закрыты густыми аллеями, кустами и рощами. Позади ихъ скрывается водопадъ; вы слышите его еще издалека: одинъ неумолкаемый шумъ его прерываетъ тишину, въ семъ уединенïи царствующую. Часть воды проведена въ глубокой каналъ, служащïй для орошенïя садовыхъ растенïй и удовлетворяющïй нуждамъ жителей. Внезапно и тѣнь и живая зелень на минуту изчезаютъ, и вы видите голые, безплодные холмы, окружающïе всю долину. При подошвѣ одного изъ оныхъ находится конской заводъ, Королю принадлежащïй, гдѣ сохраняется порода лошадей Испанскихъ, удерживающихъ и до нынѣ древнюю свою красивость. Стихъ изъ Латинскаго Поэта: Vento gravidas ex prole putares, служитъ ему надписью, и кажется, что собственно для него написанъ. Король почитаетъ заводъ сей весьма важнымъ. Въ немъ содержится почти 400 кобылъ и 20 жеребцовъ, и сверхъ того Князь мира, ко всему, до конницы

касающемуся привязанный, содержалъ въ немъ на собственной счетъ осьмнадцать жеребцовъ и сто пятьдесятъ кобылъ. Въ этомъ же заводѣ помѣщается и заводъ муловъ или лошаковъ.

Естьли оставите вы это мѣсто въ лѣвѣ, то придете опять въ большую аллею, ведущую въ Calle de la Reyna. Но не одни деревья, о которыхъ сказано, составляютъ красоту ея: съ правой стороны окружена она кустарникомъ и рощами; однообразїе и правильность прерываются, и прїятность увеличивается. Здѣсь паслися нѣкогда, въ царствованїе Карла III, многочисленныя стада сернъ, которыя истреблены его преемникомъ.

Calle de la Reyna украшается болѣе всего такъ называемымъ *садомъ весны* (de la Pvimavera). При Карлѣ IIIмъ занималъ онъ не болѣе пространства, какъ на тысячу шаговъ, на одной сторонѣ Calle de la Reyna. Карлъ VI приказалъ разпространить его въ длину до самой рѣки Тага, и теперь онъ стольконсъ длиненъ, какъ и самая аллея. Нѣтъ ничего прелестнѣе сего сада весною: плодородїе долины блистаетъ здѣсь во всемъ своемъ великолѣпїи, и вы видите

множество растенїй нужныхъ и полезныхъ. Здѣсь растутъ и разножаются всѣ плоды, всѣ деревья и всѣ садовыя травы. Тѣнистыя и гостепрїимныя рощи защищаютъ васъ отъ полденнаго зноя, благовонные кусты наполняютъ воздухъ ароматами, и сїи же бальсамическїя, изливаемыя ими изпаренїя, опускаясь при закатѣ солнца на долину, доставляютъ прогуливающимся ввечеру новую прїятность. За двадцать лѣтъ, все мѣсто, находящееся между садомъ и берегомъ рѣки Тага, было дико, непроходимо. Нынѣшнїй Король — тогда еще Астурїйскїй Принцъ — сдѣлалъ оное прекраснѣйшимъ во всей долинѣ. Тутъ найдете вы маленькую верьфь, соединенную съ рѣкою, на которой стоятъ корабли въ маломъ видѣ. Сїя верьфь имѣетъ особаго строителя, особыхъ матросовъ и особыя суда. Далѣе, есть родъ пристани, защищаемой небольшею баттареею. Нѣсколько гондолъ лежатъ подъ прикрытїемъ ея на якоряхъ. Маленькїе корабли, украшенные со вкусомъ, салютуютъ пристань, баттарея отвѣчаетъ имъ, и вы, смотря на это, мечтаете видѣть игры Марса и Нептуна.

Пребыванїе въ Аранжуецѣ благопрїятно всѣмъ удовольствїямъ жизни сельской: охотѣ, рыбной ловлѣ и про-

гулкамъ. Послѣднія особенно нигдѣ не могутъ быть столь покойны, столь пріятны и столь разнообразны, какъ здѣсь; вы можете прохаживаться съ книгою въ рукахъ, въ тѣнистыхъ рощахъ, или проѣзживаться верхомъ и въ каретѣ по необозримымъ аллеямъ. Нѣкогда видали здѣсь и сернъ и даже дикихъ вепрей, выбѣгавшихъ на самыя дороги, и можно было почесть ихъ животными домашними. Буйволы, вывезенные изъ Неаполя, употребляются здѣсь для возки тяжестей. Находятся и верблюды, употребляемые для работъ тяжелыхъ, однако они не могутъ противиться долго вліянію здѣшняго, чуждаго имъ, климата. На одномъ лугу, близь проселочной дороги, видѣли мы двухъ пасущихся и Зебрей и двухъ Гванакосовъ: казалось, что они были въ своемъ отечествѣ; тутъ же разхаживалъ и важный слонъ, который спокойно посматривалъ на зрителей, любопытствомъ къ нему привлеченныхъ. Лошади служатъ большимъ украшеніемъ Аранжуецу: здѣсь могутъ онѣ показывать всю красоту своихъ движеній — самъ Король любитъ проѣзживаться, правитъ ими самъ и утѣшается ими, какъ произведеніемъ своего лучшаго завода. Нѣкогда было здѣсь ристалище, на которомъ скакались сіи лошади съ Арабскими, и Дворъ присутствовалъ на скачкахъ весьма часто,

Нынѣшній Король, Карлъ IV, уничтожилъ сїю забаву, будучи еще Наслѣднымъ Принцомъ, и вмѣсто оной учредилъ Турниры, или Рыцарскїя игры, Paregas. Вотъ въ чемъ онѣ состоятъ: выступаетъ эскадронъ изъ сорока осьми верховыхъ, одѣтыхъ въ древнїя Испанскїя платья, и раздѣленный на четыре ряда, состоящїе каждый изъ 12 человѣкъ и каждый имѣющїе особливаго Начальника. Первымъ предводительствуетъ самъ Король, вторымъ и третьимъ Инфанты, четвертымъ кто нибудь изъ первыхъ Вельможъ. Всякїй рядъ имѣетъ свой особенный цвѣтъ. Въ такомъ порядкѣ вступаютъ они съ литаврами и трубами на большой дворцовой дворъ; впереди бѣгутъ великолѣпные скороходы; далѣе видите богатоубранныхъ заводныхъ лошадей. Будучи на дворѣ, Рыцари дѣлаютъ различные повороты, ѣздятъ длинными рядами вокругъ, съѣзжаются опять въ кучу, снова раздѣляются, и такимъ образомъ показываютъ собственную свою ловкость и проворство лошадей своихъ. Однако за нѣсколько лѣтъ Король отъ сихъ забавъ отказался, и вмѣсто оныхъ избралъ новыя, сообразнѣйщїя съ его вкусомъ. Одна изъ нихъ, кажется, его любимая, есть стрѣльба изъ пушекъ, происходящая обыкновенно въ Huerta de Valencia. Громъ орудїй разрушаетъ спо-

койствїе сей прелестной долины испугаетъ женщинъ, которыя не рѣдко прогуливаются въ семъ уединенномъ мѣстѣ.

Дворецъ и прочїя Аранжуецкїя зданїя привлекательны, но безъ всякаго великолѣпїя. Во Дворцѣ при Карлѣ Третьемъ дорогихъ картинъ почти не было; но съ того времени привезено туда ихъ множество изъ St Ildefonso. Теперь считается здѣсь до 400 картинъ, между которыми большая часть Гвидовыхъ, Гвершеневыхъ, Ланфранковыхъ и Пуссеневыхъ. Придворная церковь построена недавно и въ новѣйшемъ вкусѣ; рѣзьба, позолота удивительны, и нѣтъ ни въ чемъ излишества. Прибавьте къ этому нѣсколько картинъ, написанныхъ Менгсомъ. Кромѣ сей церкви есть въ Аранжуецѣ еще три, въ числѣ коихъ принадлежащая къ Францинсканскому монастырю Святаго Паскаля самая новая. Она сооружена Духовникомъ Карла III. Противъ сей церкви находится такъ называемая Королевская больница, построенная, такъ же какъ и церковь, на самомъ возвышенномъ мѣстѣ. Она, по особливому присмотру, который имѣютъ въ ней за больными, весьма достойна быть извѣстною.

Вообще больныхъ въ Аранжуецѣ, не смотря на красоту его мѣстоположенїя, бываетъ не мало. Пока теплота умѣренна, по тѣхъ поръ все обворожаетъ мысль вашу, и вы наслаждаетесь въ полнотѣ удовольствїями жизни; но съ наступленїемъ палящаго жара, воздухъ, заключенный въ долинѣ отъ изпаренїй иловатаго, медленно текущаго Тага и отъ селитряныхъ паровъ, изливаемыхъ окрестными холмами, между коими сїя рѣка течетъ, дѣлается заразительнымъ: тогда Аранжуецкая долина, сей новый Темпей, обращается въ обитель опасности:

Capable d'enrichir en un jour l'Acheron.

тогда — всѣ отсюда убѣгаютъ и ищутъ здороваго воздуху на окрестныхъ возвышенїяхъ, и особенно въ маломъ городкѣ Оканна; тогда Аранжуецъ, бывшїй въ Маїѣ и въ началѣ мѣсяца Іюня вмѣстилищемъ многолюдства, гдѣ всѣ искали удовольствїя и здоровья, гдѣ находилось десять тысячь жителей, превращается въ пустыню; тогда не остается въ немъ никого, кромѣ прикованныхъ къ нему или ремесломъ, или недостаткомъ.

Нѣкогда Дворъ отправлялся въ Аранжуецъ не ранѣе, какъ послѣ Святой Пас-

хи, и оставался тамъ до половины Іюня. Напротивъ нынѣшній Дворъ, предпочитающій Аранжуецъ всѣмъ резиденціямъ Испаніи, переселяется въ него еще въ первыхъ числахъ Января мѣсяца.

Съ Нѣмецкаго П.

V.

О нѣкоторыхъ выгодахъ Германской Конституціи.

(Изъ Лейпцигскаго Журнала.)

Времена предубѣжденій протекли и пристрастіе умолкло. Съ честію отступилъ Домъ Австрійскій отъ союза съ Германіею. Миновался фанатизмъ, зазамедлявшій успѣхи человѣчества, и зло, которое онъ производилъ, не имѣетъ уже дѣйствія. Видѣли одно только соотношеніе, существовавшее между Германіею и Императоромъ, основанное на правѣ Государственномъ, и сохраняемое съ обоюдною ревностію. Характеръ Австрійскаго Правленія въ новѣйшія времена ознаменованъ былъ духомъ справедливости, свободы и кротости. Оно производило одно то, что предписывала ему должность; законъ служилъ ему правиломъ;

оно защищало утѣсненныхъ, и неотъемлемое, по праву принадлежащее, доставляло всѣмъ и каждому. Хотя и старалися могущество его всевозможнымъ образомъ ослабить, хотя и возбуждали ко многимъ намѣренїямъ его недовѣрчивость, скрывая при семъ свои корыстные виды; но оно, вопреки всему, ни мало не отступало отъ того, что предписывали ему честь и строгая обязанность.

Соотношенїе между Имперїею и ея Главою было основано на законѣ: Императоръ имѣлъ должности, Имперїя права — и обратно; и потому Императоръ и Имперїя употребляли между собою языкъ и тонъ, приличные свободѣ, и оказывали взаимное уваженїе: таковы были слѣдствїя соотношенїя Конституцїоннаго. Естьли бы могущество Императора не было весьма ослаблено, естьли бы не дѣйствовали на Государственныхъ Сеймахъ съ такимъ напряженїемъ двѣ власти, одна другой противныя: то болѣе значили бы учрежденїя Конституцїи, союзъ и единство ослабѣли бы менѣе, и недовѣрчивость не сокрушила бы той силы, которая, будучи во всей полнотѣ своей, могла бы производить и произвелабъ дѣла великїя и славныя. Сїе самое доказываетъ ясно, что сила должна не-

premѣнно быть сосредоточена. Мы видѣли, что намѣренія благоразумныя исполняемы были весьма худо; на что отваживалось мужество, тому противилась ревность властей, древнею враждою разлучаемыхъ, хотя предназначенныхъ питать взаимное почтеніе и другъ другу оказывать помощь, но тотъ же самый духъ ревности весьма способствовалъ просвѣщенію Германіи и оживленію въ сынахъ ея чувства справедливости, свойственнаго имъ издревлѣ. Всѣ ссылались на законы, всѣ старались, чтобъ сіи законы были уважаемы, всѣ защищали свои поступки силою Конституціи, и это самое мыслящимъ людямъ подавало поводъ разсматривать взаимное отношеніе между Имперіею и Главою ея, между частями, составлявшими цѣлое, и Австріею, главною частію, между подданными и Князьями; и Германцы, зная, что права были уважаемы относительно ко всѣмъ и каждому, и что рѣшеніе чьей бы ни было судьбы произносимо было не пристрастнымъ своеволіемъ, но закономъ, говорили и писали о поступкахъ Австріи безбоязненно; и образъ ихъ мыслей, ознаменованный любовію къ отечеству, любовію, истинно свободною и духу Германской Конституціи соотвѣтственною, уважала сама Австрія.

Соединенїе Австрїи съ Нѣмецкою Имперїею было основано на Конституцїи. И Австрїя и Германїя знали, что имъ было дѣлать должно и чего не должно: и сїе знанїе возвышало душу каждаго Германца, поселяло въ ней мужество, довѣренность, и тотъ, на кого устремлялась сила, дабы его подавить, спѣшилъ прибѣгнуть подъ покровительство закона. Спокойно хранили Германцы справедливой и законной образъ мыслей, вмѣстѣ съ пылкою приверженностїю къ вольной Конституцїи и человѣчеству.

Естьли смѣлый, безпристрастный гражданинъ былъ гонимъ въ одномъ владѣнїи, то находилъ онъ покровительство въ другомъ; естьли изслѣдованїе какого бы то ни было предмета въ одномъ владѣнїи составляло преступленїе, то въ другомъ ободряли его. Соглашаемся, что это было похоже нѣсколько на необузданность, со всѣмъ тѣмъ оно споспѣшествовало просвѣщенїю Германцевъ. Все образованїе ихъ ума, коимъ нынѣ они отличаются, имѣло источникомъ сей духъ свободы, служившїй Германскому союзу основанїемъ. Весьма желательно, чтобы союзъ Реинскїй не только сїи потерянныя выгоды вознаградилъ, но доставилъ бы Германцамъ и новыя,

быстроту дѣйствія соединилъ бы съ силою изполненія, и владычество законовъ съ незыблемою, всеобщею свободою!

П.

VI.

Извѣстія.

Наконецъ ваканція Испанскаго трона занята Іосифомъ Наполеономъ, бывшимъ Королемъ Неаполитанскимъ. Онъ находится теперь въ Байоннѣ, гдѣ принимаетъ привѣтствія отъ всѣхъ Чиновниковъ Испаніи. 13го Мая, Верховная Государственная Юнта представила Наполеону слѣдующій Адресъ: — „Будучи увѣрены, что Испанія, по своему положенію и своимъ политическимъ выгодамъ, тѣсно соединена съ Имперіею, подвластною славному скипетру Вашего Величества, мы почитаемъ поступокъ послѣднихъ Монарховъ Испаніи, уступившихъ Вамъ прародительскую корону свою, истиннымъ знакомъ патріотизма ихъ и любви къ народу Испанскому. Пиринейскія горы должны изчезнуть — какія границы могутъ отдѣлять Испанію отъ Франціи, когда онѣ соединены одинакими выгодами, когда и та и другая націи могутъ пользоваться

одинакою независимостїю, имѣть одинакое достоинство? Испанїя опять взойдетъ на ту высокую степень, которая принадлежитъ ей по праву среди Имперїй Европы, какъ скоро новый фамильный союзъ приближитъ ее къ Монархїи Французской, естественной и необходимой ея союзницѣ. И такъ на тронѣ Испанїи должны мы видѣть старшаго изъ Высокихъ братїй В. И. В. Кастильскїй Совѣтъ соединяетъ обѣты свои съ обѣтами верховной Государственной Юнты. Да благословитъ Богъ В. И. В.! Подписано: Маркизъ *Кабарелло*, *Францисно Гиль*, *Мигюель-Іосифъ Ацанца* и пр. 25 го Мая обнародована была слѣдующая прокламацїя Наполеона: Испанцы! отечество ваше приближалось къ упадку — я видѣлъ и хотѣлъ отвратить погибель ея. Величїе и могущество Испанскаго народа цѣню на равнѣ съ собственными. Король и Принцы Испанїи уступили моему Дому права своего Престола: Испанцы! не хочу владычествовать вашими землями, хочу заслужить благодарность и вѣчную любовь вашихъ потомковъ. Монархїя ваша разслабла отъ дряхлости: возобновить силы ея мое назначенїе. Хочу исправить ваши законы; хочу, чтобы ваше правительство преобразилось, безъ всякаго погибельнаго по-

трясенія: и для того имѣю нужду въ вашемъ содѣйствіи; хочу, чтобы Депутаты вашихъ провинцій и городовъ въ общемъ собраніи объявили мнѣ всѣ требованія и нужды Испанской націи. Тогда, утвердивъ могуществомъ своимъ новую необходимую для васъ Конституцію, въ которой народная свобода благодѣтельно была бы сопряжена съ верховною властію Монарха, возложу корону Испаніи *на другаго себя*. Испанія получитъ другаго, законнаго, охраняемаго покровительствомъ моимъ Монарха. Испанцы! подумайте о томъ, что были ваши предки; подумайте о томъ, что стали вы теперь — не вы, но слабые, ограниченные правители ваши причиною такого упадка. Но имѣйте довѣренность къ настоящему; хочу, чтобы внуки ваши, благословляя память мою, говорили: *Наполеонъ возстановитель Испаніи!* Подписано: *Наполеонъ*. — Въ слѣдствіе сей прокламаціи обнародованъ былъ 6го Іюня Манифестъ слѣдующаго содержанія: Мы Наполеонъ и пр. Изъ адресовъ Государственной Юнты, Верховнаго Совѣта, города Мадрита и пр. и пр. мы видѣли, что прекращеніе междуцарствія необходимо для блага Испанцевъ: и объявляемъ любезнаго Нашего брата, Іосифа Наполеона, Короля

Неаполитанскаго и Сицилійскаго, Королемъ Испанскимъ и Индійскимъ, утверждая независимость владѣній его въ Европѣ, Азіи, Африкѣ и Америкѣ. Повелѣваемъ Генералъ-Порутчику Королевства, Министрамъ и Кастильскому Совѣту обнародовать сей Манифестъ, дабы никто не имѣлъ права извинять себя незнаніемъ. Дано съ Байоннѣ, въ Нашемъ Императорскомъ Замкѣ. Подписано: *Наполеонъ*. — Іосифъ прибылъ въ Байонну 7го Іюня. Императоръ встрѣтилъ его въ двухъ миляхъ отъ города, посадилъ въ свою карету, и вмѣстѣ съ нимъ поѣхалъ въ Замокъ Марракъ, гдѣ онъ провелъ ночь. Императрица встрѣтила Іосифа на лѣстницѣ Дворцовой, и вскорѣ потомъ Испанскіе Гранды, предводимые Герцогомъ Инфантадо, были представлены Министромъ Ацанцою новому своему Монарху. Послѣ нихъ допущены были къ аудіенціи Государственные Совѣтники Урквійо и Кеваллосъ, съ которыми Король разговаривалъ очень долго. Депутаты Совѣтовъ: Кастильскаго, Инквизиціи, Финансовъ, Индіи, Арміи, были представлены одинъ за другимъ. Іосифъ сказалъ между прочимъ Членамъ Кастильскаго Совѣта, что онъ находитъ великое сходство между законами Испанскими и законами Неаполя. Онъ от-

вѣчалъ Депутатамъ Инквизиціи: почитаю Религію основаніемъ морали и благосостоянія общественныхъ. Въ другихъ Государствахъ терпимы всѣ исповѣданія; но Испанія щастлива потому, что въ ней терпимо одно — истинное. Я знаю, сказалъ Іосифъ Совѣту финансовъ, что государственные доходы въ великомъ неустройствѣ; что жалованье морскому и сухопутному войскамъ не выдано за многіе мѣсяцы — надѣюсь, что всѣ безпорядки сіи, съ помощію вѣрныхъ Испанцевъ, уничтожены будутъ въ скоромъ времени. Почитаю за честь быть первымъ солдатомъ Испанскаго войска — отвѣчалъ Іосифъ Депутатамъ арміи — готовъ предводительствовать вами, и первый бросаться въ опасность сраженія, естьли необходимость велитъ, какъ и въ древнія времена, отражать Мавровъ, или нападенія вѣчнаго непріятеля твердой земли. Вы можете быть увѣрены, что ни одинъ изъ служившихъ вѣрно отечеству не будетъ лишенъ ни пенсіона, ни достоинства, ни привилегій, данныхъ ему моими предшественниками.

*

15 Іюня открылись въ Байоннѣ засѣданія Государственной Юнты, которой Президентъ есть Мигюель - Іосифъ-Ацанца, Государственный Совѣтникъ и Ми-

нистръ финансовъ. Прочтенъ былъ Указъ Кастильскаго Совѣта, которымъ опредѣлено обнародовать Декретъ Наполеона, о возшествіи на Испанскій тронъ брата его Іосифа, Короля Неаполитанскаго. Засѣданіе заключено рѣчью Министра Ацанцы. — 18 Іюня Юнта представлена была Королю, который на привѣтственную рѣчь Президента отвѣтствовалъ слѣдующее: *Почтенные Депутаты Государственной Юнты!* „Раздѣляю ваши мнѣнія и надежды. Намѣренія Его Величества, Императора Французовъ, относительныя ко благу Испаніи, не могутъ не быть исполнены: ибо залогомъ исполненія ихъ служитъ его слава. Разлуку съ народомъ, который отдавалъ справедливость Нашему правленію, почитаемъ пожертвованіемъ великимъ; но любовь его служитъ для Насъ предвѣщаніемъ любви Испанцевъ — уже ли менѣе сдѣлаемъ для сей націи, которую Провидѣніе поручаетъ Нашей власти? И она уже ли менѣе будетъ признательна къ Намъ и справедлива? Благоразуміе и великій духъ Кастильцевъ Намъ извѣстны; Мы посѣтимъ Наши провинціи; Мы принесемъ въ нихъ сердце отца; Мы всюду найдемъ дѣтей благодарныхъ и нѣжныхъ. Трудитесь, имѣя въ виду пользу и благо; любовь народа и Наша признательность будутъ

вамъ наградою." — Въ третьемъ засѣданіи прочтенъ былъ по повелѣнію Наполеона планъ новой Государственной Конституціи; печатные экземпляры сего плана розданы Членамъ, изъ которыхъ каждый въ теченіи трехъ дней долженъ сдѣлать письменныя на него замѣчанія и представить ихъ Секретарямъ Совѣта. Сіи замѣчанія могутъ быть дополняемы разсужденіями словесными въ самыхъ засѣданіяхъ Юнты. — Императоръ безпрестанно занимается дѣлами; онъ бываетъ видимъ только по вечерамъ, когда прогуливается верхомъ около замка. — Во внутренности Испаніи происходятъ безпорядки. Города: Сеговія, Сарагосса, Валладолидъ, провинціи Аррагонія и нижняя Андалузія пришли въ волненіе. Большая часть мятежниковъ укрощены; остальные, въ скоромъ времени, приведены будутъ въ послушаніе. Что могутъ сдѣлать разсѣянныя толпы народа противъ искусной и хорошо образованной арміи? Большая часть Испанскихъ войскъ выведены за границы, и всѣ мѣста ихъ занимаютъ теперь Французы.

*

Отрывокъ письма изъ Абова отъ 20 Іюля. Недавно отдѣленіе гребнаго непріятельскаго флота пристало къ Вазѣ; но войска, высаженныя на берегъ, были при-

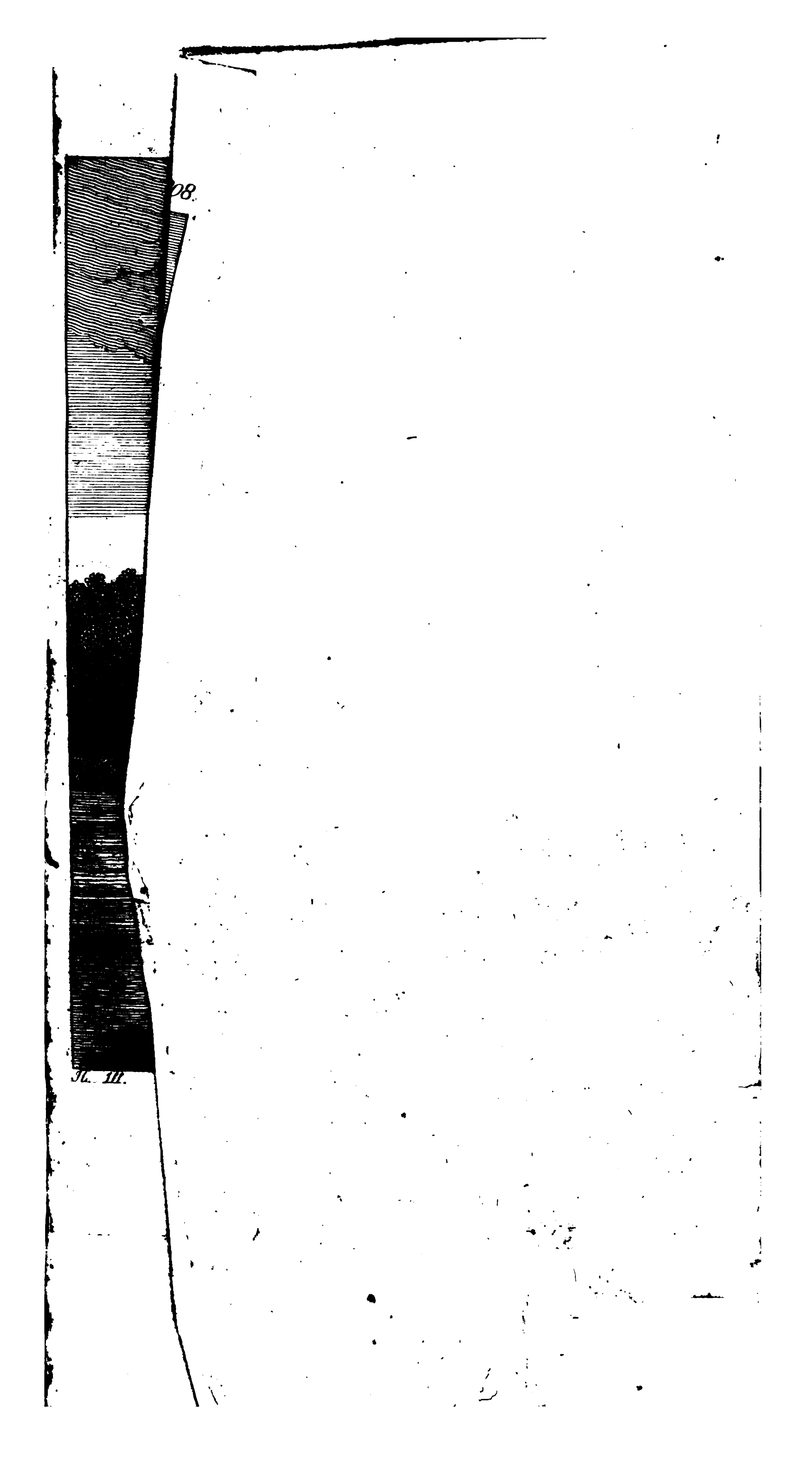
няты столь мужественно Генераломъ Раевскимъ, что въ страшномъ безпорядкѣ обратились въ бѣгство и побросались на суда, оставивъ въ плѣну Рускихъ, 6 Штабъ-Офицеровъ, между которыми находится Полковникъ Бергенштрель, 11 Оберъ-Офицеровъ и 450 рядовыхъ съ 1 пушкою. 15 го Числа прибывшая сюда изъ Свеаборга Руская гребная флотиллїя сдѣлала удачное нападенїе на непрїятеля, удалившагося на островъ Корпо; онъ принужденъ былъ отступить, потерявши два канонирныхъ бота, которые потонули.

15 Іюля.

ОПЕЧАТКИ

въ No 13.

Странъ	Стр.	*Напечатано:*	*Читай:*
63	2	*А. В. С.*	*А. Ѳ. С.*
	4	*печали*	*постели*

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

АВГУСТЪ, 1808.

№ 15.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

О дѣтяхъ Антона-Улриха.

Письмо Горзенскаго Профессора Олофъ-Ворма къ Господину Жіорвелю, Библіотекарю Шведскаго Короля въ Штокгольмѣ, 18 Іюня, 1807.

(Переводъ со Шведскаго.)

Штокгольмъ.

Съ великимъ удовольствіемъ читалъ я послѣднее ваше письмо отъ 5 го Іюня: вы желаете имѣть извѣстіе о той высокой Фамиліи, которая нѣсколько времени жила въ Горзенсѣ, и которой послѣдняя отрасль недавно исчезла, — готовъ удовлетворить вашему желанію.

Здѣсь въ Горзенсѣ находились два сына и двѣ дочери Антона Улриха (*): Прин-

(*) ІОАННЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ и ПЕТРЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ вступили вмѣстѣ въ 1682 году на

цесса Екатерина, рожденная въ Петербургѣ 26 Іюля 1741 и скончавшаяся 21 Апрѣля 1807; Принцесса Елизавета, родившаяся

Царскій Престолъ Россіи; но въ 1689 ІОАННЪ, слабый Государь, сложилъ съ себя бремя правленія: онъ умеръ 1696 — ПЕТРЪ остался одинъ на тронѣ. Царь ІОАННЪ имѣлъ двухъ дочерей: Екатерину, бывшую въ супружествѣ за Герцогомъ Мекленбургъ-Шверинскимъ, Карломъ Леопольдомъ; АННУ, супругу Фридриха Вильгельма, Герцога Курляндскаго, бывшую послѣ Императрицею Россійскою. ПЕТРЪ, принявши титулъ Императора, исключилъ изъ наслѣдства потомковъ ІОАННА, и наименовалъ Супругу свою ЕКАТЕРИНУ I Наслѣдницею Престола. По смерти ЕКАТЕРИНЫ царствовалъ ПЕТРЪ II, сынъ Алексѣя Петровича, рожденнаго отъ Евдокіи, первой Супруги ПЕТРА Великаго. Принцесса ЕЛИЗАВЕТА, дочь ПЕТРА I и ЕКАТЕРИНЫ I, была по смерти ПЕТРА II естественною Наслѣдницею Россійскаго Престола — но онъ достался Герцогинѣ Курляндской АННѢ, дочери Царя ІОАННА и племянницѣ ПЕТРА. Не имѣя наслѣдниковъ, но желая укоренить на тронѣ свою Фамилію, Она призвала въ Россію Принцессу Мекленбургъ-Шверинскую, Екатерину-Елизавету, дочь ея родной сестры Екатерины, которая, принявъ исповѣданіе Греческое, получила имя Анны. Отъ супруга своего Антона-Улриха Брауншвейгъ-Вольфенбиттельскаго имѣла она сына Іоанна, рожденнаго 1740 Августа 23, и провозглашеннаго въ Октябрѣ по смерти Анны

7 Января 1743 и умершая вѣ Горзенсѣ 20 Августа 1782, Принцѣ Петрѣ, который родился 30 Марта 1745 и умерѣ вѣ Горзенсѣ 13 Генваря 1798; Принцѣ Алексѣй, родившійся 9 Марта 1746 и умершій вѣ Горзенсѣ 20 Октября 1787. Они прибыли вмѣстѣ вѣ этотѣ городѣ 13 Октября 1780 года изѣ Холмогорѣ, —

Императоромѣ. Опекуномѣ малолѣтнаго назначенѣ былѣ Герцогѣ Эрнстѣ-Курляндскій, извѣстный Биронѣ, любимецѣ АННЫ; вѣ Ноябрѣ, Герцогиня Анна, удаливѣ Бирона, приняла на себя титулѣ Правительницы, которагo черезѣ мѣсяцѣ лишилась; ибо Принцесса ЕЛИЗАВЕТА, поддерживаемая силою народной привязанности, взошла на Престолѣ ПЕТРА Великаго, принадлежавшій ей по праву наслѣдства. Іоаннѣ съ матерью и съ отцемѣ заключенѣ былѣ вѣ Шлиссельбургѣ, вѣ которомѣ и кончилѣ жизнь, Августа 5 1765; Правительница Анна, Принцѣ Антонѣ Улрихѣ, и малолѣтная Принцесса Екатерина переведены были вѣ Холмогоры. Здѣсь родились послѣднія ихѣ дѣти, Принцы: Петрѣ и Алексѣй, и Принцесса Елизавета. Мать ихѣ скончалась вѣ 1746, а отецѣ вѣ 1776. Императрица ЕКАТЕРИНА II, по представительству Берлинскаго, Копенгагенскаго и Брауншвейгскаго Дворовѣ, позволила дѣтямѣ оставить Россію; они поселились (1786) вѣ Горзенсѣ (городокѣ, находящійся вѣ Даніи), гдѣ еще жива была тетка ихѣ Юліана Марія, вдовствующая Королева. Сѣ Принцессою Екатериною изчезла послѣдняя отрасль Царя ІОАННА.

маленькаго городка, находящагося неподалеку отъ Архангельска, который служилъ имъ мѣстомъ пребыванія — проѣхавъ Сѣверный Мысъ, Бергенъ, и Фладстрандъ, они пристали къ Альборгу, изъ котораго сухимъ путемъ перевезены въ Горзенсъ.

Они были Греческаго исповѣданія, и очень набожны: имѣли домовую церковь, въ которой ежедневно Руской Священникъ отправлялъ службу. Жизнь ихъ протекала весьма спокойно и единообразно. Получая хорошую пенсію отъ Рускаго Двора, они могли пользоваться всѣми пріятностями жизни, сопряженными съ независимостію и достаткомъ; имѣли просторный и хорошо прибранный домъ, который находился на большой площади города, и всю нужную услугу. Дворъ ихъ составляли: одинъ Камергеръ, Смотритель, двѣ Придворныя Дамы, Лѣкарь, два камердинера и довольное число низшихъ служителей. Въ городѣ всѣ вообще ихъ любили: они имѣли прекрасныя свойства. Особенно Принцесса Екатерина была достойна уваженія, по своему благородному образу мыслей, нѣжному, сострадательному сердцу и рѣдкой набожности — на лицѣ ея написаны были тихость и внутреннее, душевное спокойствіе. Совершенное согласіе царствовало меж-

ду братьями и сестрами: они говорили по Руски, и нѣсколько по Нѣмецки; читали однѣ священныя книги — лишившись очень рано матери, которая умерла въ Холмогорахъ, произведя на свѣтъ Принца Алексѣя, они воспитаны были отцемъ своимъ Антономъ Улрихомъ, единственнымъ ихъ учителемъ.

Принцесса Екатерина, бывшая наслѣдницею сестры и братьевъ, наименовала наслѣдниками своими Дацкихъ Королевскихъ Принцовъ, Христїана Фридриха и Фридриха Фердинанда: наслѣдство сїе, сколько извѣстно, есть не иное что, какъ экономическая сумма, сбереженная Принцами и Принцессами отъ ежегодной пенсїи, которую давалъ имъ Россїйской Дворъ. Сумма, на содержанїе ихъ опредѣленная, не была никогда убавляема: Принцесса Екатерина, потерявъ и сестру и братьевъ, получала одна столько же, сколько и прежде получала вмѣстѣ съ ними. Надъ гробомъ ихъ положенъ черный мраморный камень, съ слѣдующею надписью:

Hoc
Mausoleum Sacrum est
Duobus Principibus
Sororibusque totidem
Domus serenissimae
Brunsvico Luneburgensis
Bonitate

CATHARINAE II
Et cura
Chriſtiani VII
et
Julianae Mariae.
Vitam traduxerunt
Hac in urbe
Quietam.
т. е.

Сей памятникъ посвященъ двумъ Принцамъ и двумъ Принцессамъ Высокаго Брауншвейгъ-Люнебургскаго Дому щедротами ЕКАТЕРИНЫ II, и попеченїями Христїана VII и Iулїаны Марїи. Они спокойно провели жизнь свою въ семъ городѣ.

Жїорвель, Королевскїй Библїотекарь.

Л. Т.

II.

Руской Анекдотъ.

(Письмо къ Издателю изъ Ревеля.)

Во всякое время чужеземцы называли Россїю отечествомъ Героевъ. Послѣдняя война съ Французами утвердила сїе мнѣнїе; число знаменитыхъ людей, которыми она должна отнынѣ гордиться, увеличилось — и Европа удивлена была незапнымъ ихъ появленїемъ. За границею, между враговъ Россїи, научился я чтить

имена: Багратiона (a), Милорадовича (b), Остермана-Толстаго (c), Тучкова (d), молодаго Каменскаго (e), Дохтурова (f), Барклай де Толлїя (g), Баггагевута (h), молодаго Суворова (i), Графа Палена (k), Бар. Палена (l), де Ламберта (m), Маркова (n), Анрепа (o), двухЪ ДолгорукихЪ (p), Меллера Закомельскаго (q), Раевскаго (r), Кожина (s), Ма-

(a) Теперь вЪ домовомЪ отпуску до излѣченiя. (b) КомандирЪ дивизiи вЪ Турецкой армiи. (c) КомандирЪ* всей Гвардiи и 2й дивизiи, вЪ послѣднюю войну 2 раза раненЪ, теперь вЪ отпуску до излѣченiя. (d) ВЪ Шведской армiи, ГенералЪ-ЛейтенантЪ. (e) Теперь Ген. Лейт., КомандирЪ дивизiи вЪ Шведской армiи. (f) ГенералЪ-ЛейтенантЪ, корпусный КомандирЪ. (g) Теперь Ген. Лейт., КомандирЪ дивизiи, тамЪ же. (h) ГенералЪ-ЛейтенантЪ, КомандирЪ дивизiи, тамЪ же. (i) ГенералЪ-ЛейтенантЪ, Коман. дивизiи, раненЪ вЪ лобЪ подЪ Остроленкою. (k) Ген. MaiорЪ, конной бригады Команд. уволенЪ вЪ отпускЪ до излѣченiя. (l) Ген. М., былЪ ШефомЪ Лифлянд. др. п., убитЪ подЪ ФридландомЪ. (m) ГенералЪ-MaiорЪ, ШефЪ Александрiйск. гус. пол. (n) Генер. Лейт., Команд. дивизiи. (o) Ген. Лейт. былЪ Команд. див., убитЪ подЪ Морунген. (p) Князь Василей Юрьевичь, Генер. Ад. ШефЪ Черниговскаго мушк. п., КомандирЪ 3й дивизiи и К. Михайла Петровичь, Генер. АдъютантЪ же. (q) Ген. MaiорЪ, ШефЪ Марiуп. гус. полку, былЪ тяжело раненЪ подЪ Аустерлиц. (r) Генер. Лейт., вЪ Шведской армiи, былЪ раненЪ трудно подЪ Гейльс-

зовскаго (t), Ермолова (u), Яшвиля (w), Балка (x), Дехтярева (y), Крейца (z), Керна (aa, Вуича (bb), Уланїуса (cc, Орука (dd), Жегулина (ee), Гернгросса (ff) и проч. — Нѣкоторые изъ нихъ, къ сожалѣнїю Россїи, легли уже на полѣ чести; могилъ ихъ никакой памятникъ не означаетъ; тѣ самые солдаты, которые съ ними шли на смерть, предали ихъ землѣ и оплакали; иностранецъ попираетъ дерзкою ногою священный прахъ ихъ, — но не одни только вышнїе чины покрылись славою! Я сожалѣю, что никому не придетъ въ голову собрать наши отечественные Анекдоты; Рускїе узнали бы много прекраснаго о Ру-

бергомъ, и не сказался больнымъ. (s) Ген. М., былъ Шефомъ Кир. Его Вел. п., убитъ подъ Геильсбергомъ. (t) Ген. Маiоръ, былъ Шфмъ Павлов. гр. п., убитъ подъ Фридландомъ. (u) Ген. Маiоръ Артиллерiи. (w) Ген. М. Артиллерiи. (x) Ген. Маiоръ, командовавшiй Рижск. др. п., былъ раненъ подъ Фридландомъ и поднятъ съ побоища за убитаго. (y) Полковникъ, состоитъ по армiи. (z) Полковникъ, Коман. Сумск. гус. п. получилъ 13 ранъ и не принялъ пардону. (aa) Полковн. былъ Шефомъ Днепр. мушк. п., убитъ подъ Фридландомъ. (bb) Шефъ 24го Егер. п. въ Шведской армiи. (cc) Г. М., Шефъ 6го Егер. п. въ Турецкой армiи. (dd) Полк. Шефъ Волынск. Улан. п., (ee) Подполков. былъ Команд. Поль. Улан. п. убитъ подъ Прейсишъ-Эйлау. (ff) Падполк. С. Петер. др. п., убитъ подъ Фридландомъ.

скихъ. Сообщаю вамъ М. Г. слѣдующїй Анекдотъ, ни малѣйшему сомнѣнїю неподверженный — помѣстите его въ вашемъ Вѣстникѣ. Надѣюсь и еще сообщить вамъ нѣсколько подобныхъ.

„Два эскадрона Сумскаго гусарскаго полку, атакованные и отрѣзанные дивизїею конной гвардїи Французской, на походѣ въ Лопатинѣ — не смотря на превосходное число непрїятеля и на свое невыгодное мѣстоположенїе — пробились, семь верстъ были преслѣдуемы сильно и болѣе осми часовъ въ порядкѣ дрались и отступали — наконецъ обойдены во флангахъ и утомленные собственнымъ упорствомъ утѣсняемые множествомъ, разстроились — осталось на мѣстѣ тринадцать только гусаръ, которые были неподвижны какъ камень; наконецъ и сїи, не предвидя ни откуда подкрѣпленїя, начали колебаться — ни повелительный голосъ, ни угрозы командующаго ими извѣстнаго Полковника Барона Крейца, не могли остановить разстроенныхъ, наконецъ онъ воскликнулъ: „бѣгите, трусы! бѣгите! но „скажитежъ вашимъ братьямъ, что вы „оставили вашего Начальника; что онъ „одинъ за всѣхъ васъ сражался и погибъ.“ Съ симъ словомъ кидается онъ на непрїятельскихъ фланкировъ, но одинъ молодой гусаръ, именемъ Деревятниковъ, закры-

ваетЪ его своимЪ тѣломЪ, самЪ получаетЪ нѣсколько ранЪ и говоритЪ: умирай, мы вмѣстѣ! СтыдЪ обЪемлетЪ старыхЪ — боятся, чтобы рекрутЪ не опередилЪ ихЪ вЪ славѣ, снова вступаютЪ вЪ бой, и нѣсколько времени занимаютЪ непрїятеля — между тѣмЪ неустрашимые СоболевЪ и ДзичканецЪ, всегдашнїе вЪ трудныхЪ случаяхЪ сопутники Крейца, облитые потомЪ и кровїю, собираютЪ разсѣянныхЪ, ободряютЪ ихЪ, вводятЪ вЪ огонь, (вЪ томЪ числѣ сорокЪ тяжело раненыхЪ гусарЪ, едва держащихся на коняхЪ) они бѣгутЪ впередЪ — не искать добычи, но болѣе ранЪ и благородной смерти — никогда не бывало ужаснѣе зрѣлища: кровь обагряла ихЪ лица, усы, мундиры; мщенїе пылало вЪ ихЪ глазахЪ; изумленный непрїятель пересталЪ надѣяться на превосходное число войскЪ, оставилЪ мѣсто побсища и всѣхЪ раненыхЪ. — Сїе сраженїе спасло идущїе по дорогѣ обозы, нѣсколько орудїй, множество усталыхЪ и раненыхЪ солдатЪ Россїйскихъ! Желательно, чтобы подобные подвиги нашихЪ ГероевЪ, прославившихся вЪ послѣднюю войну, были изображены на эстампахЪ, которые память ихЪ предохранили бы отЪ забвенїя.

Ревель, Іюня 28. С. N.

III.

Образцы красноречія древнихъ.

Рѣчи изъ Тита Ливія.

Рѣчь Римлянина Муція Сцеволы къ Клузинскому Царю Порсеннѣ, осадившему Римъ. Муцій покушался умертвить Порсенну, и вмѣсто его закололь ошибкою Царскаго письмоводителя.

Я Римлянинъ, именемъ Муцій, хотѣлъ убить врага согражданъ моихъ; также готовъ на смерть, какъ былъ готовъ къ убійству. Римляне рождены для всего великаго. Не одинъ я, Порсенна, покусился на жизнь твою, нѣтъ, многіе — многіе (*) дышатъ тою же славою. Приготовься, ежели хочешь, къ сей опасности. Тебѣ ежечасно надобно защищаться. Враги твои, съ оружіемъ въ рукахъ, явятся въ самой твоей ставкѣ. Войну сію объявляемъ тебѣ мы — мы, Римское юношество! Войска твои останутся въ покоѣ. Одинъ ты — съ каждымъ изъ насъ

(*) Въ подлинномъ стоитъ: Longus post me ordo est potentium idem decus. За мною длинный рядъ героевъ, ищущихъ той же славы; извѣстно, что Муцій, которому Порсенна грозилъ пыткою, положилъ руку въ огонь, и не измѣняясь въ лицѣ смотрѣлъ, какъ она горѣла.

порознь — будешь имѣть дѣло. *Истор. Т. Ливія, к. 2. Глава 12.*

II. Рѣчь Римлянки Ветуріи къ изгнаннику Коріолану, сыну ея, осадившему Римъ, съ арміею Вольсковъ.

Коріоланъ, услышавъ, что мать его приближается къ лагерю Вольсковъ, бѣжитъ къ ней на встрѣчу съ отверстыми объятіями.

„Постой – говоритъ Ветурія — прежде нежели обнимешь меня, хочу знать, къ кому я пришла, къ сыну, или непріятелю? Хочу знать, именоваться ли мнѣ матерію Коріолана, или плѣнницею? Вотъ до чего довела меня долговременная жизнь и нещастная старость! Прежде видѣла я тебя Римскимъ изгнанникомъ, теперь вижу врагомъ отечества. И ты смѣешь опустошать страну, въ которой рожденъ и воспитанъ? При всемъ твоемъ ожесточеніи, какъ могъ ты не укротить гнѣва, вступивши въ наши предѣлы? Какъ могъ, увидѣвъ Римъ, не сказать самъ себѣ: въ этихъ стѣнахъ мой домъ, мои Боги, мать моя, жена, дѣти? .. Когдабъ не произвела я тебя на свѣтъ — Римъ не былъ бы въ опасности; когдабъ не имѣла я сына — умерла бы свободною

въ свободномъ отечествѣ! Твой поступокъ для тебя самый посрамительный, а для меня самый бѣдственный. Но что бы со мною ни случилось, мнѣ страдать не долго! Подумай о судьбѣ жены, о судьбѣ дѣтей — ихъ ожидаютъ или преждевременная смерть, или всегдашняя неволя." — Жена и дѣти бросились на шею Коріолана. Онъ повелѣлъ отступить своимъ Вольскамъ отъ Рима. *Т. Лив. Кн. 2. Глава 10.*

111. Пакувій и Перолла.

Кампанецъ Пакувій убѣдилъ согражданъ своихъ сдать Аннибалу Капую. Аннибалъ, вступивши въ городъ, ужиналъ у Пакувія; къ ужину приглашены были трое Кампанцевъ, въ числѣ коихъ находился Пакувіевъ сынъ Перолла, который преданъ былъ Римлянамъ, и всегда держалъ ихъ сторону: Аннибалъ, по просьбѣ отца, простилъ его. Всѣ прочіе за ужиномъ веселились, одинъ Перолла былъ задумчивъ и мраченъ. — Послѣ ужина Пакувій пошелъ въ садъ; Перолла послѣдовалъ за нимъ, и объявилъ ему свой умыселъ противъ Аннибала.

Перолла. Родитель, я намѣренъ тебѣ открыть тайну — хочу загладить проступокъ нашъ предъ владѣтельнымъ Ри-

момЪ, вЪ разсужденіи преданности нашей Аннибалу, и доставить КампанцамЪ большее уваженіе и милость, нежели какими они пользовались прежде.

Пакувій. Какая тайна?

Перолла. (Показывая мечь, скрытый подЪ платьемЪ его). Кровію Аннибала хочу утвердить союзЪ нашЪ сЪ Римлянами.

Пакувій О Перолла! не дѣлай отца свидѣтелемЪ такого поступка, который самЪ по себѣ законопреступенЪ, а по слѣдствіямЪ для тебя гибеленЪ. — Заклинаю тебя священными правами природы — не покушайся на сіе злодѣяніе.

„Давно ли обязались мы сЪ АннибаломЪ самыми торжественными клятвами? Давно ли оказали ему знаки ненарушимой дружбы? И не успѣвЪ сЪ нимЪ разстаться, вооружимЪ ли на него руки, данныя ему вЪ залогЪ вѣрности? Не ужели столЪ сей, кЪ которому, по снисхожденію Аннибала, приглашенЪ ты былЪ сЪ прочими Кампанцами — не ужели, говорю, столЪ сей оставилЪ ты сЪ тѣмЪ, чтобЪ обагрить его кровію гостя? — Я могЪ упросить Аннибала за моего сына, ужели не могу упросить моего сына за Аннибала?

„Но пренебрежемъ всё священное: и вѣрность, и Боговъ, и человѣчество! дерзнемъ на всякое злодѣйство, естьли только не сопряжена съ нимъ наша погибель!

„Ты одинъ хочешь напасть на Аннибала! Но вообрази тысячи его окружающихъ, вообрази тысячи взоровъ, на него устремленныхъ, тысячи рукъ, готовыхъ для его защиты. Думаешь ли, что воины его спокойно станутъ смотрѣть на безразсудную твою дерзость? Устоишь ли противъ одного взора Аннибалова — противъ того страшнаго взора, котораго не могутъ сносить цѣлые легіоны, предъ которымъ трепещутъ Римляне?

„Но пусть будетъ онъ одинъ, беззащитенъ — и тогда осмѣлишься ли поразить отца своего, когда онъ прикроетъ его собою, когда онъ станетъ между имъ и твоимъ кинжаломъ? Чрезъ грудь мою только можешь достигнуть до груди Аннибала.

„Сынъ, оставь теперь ужасное свое предпріятіе — послѣ будетъ поздно. О, когда бы просьба моя имѣла столько же силы надъ тобою, сколько за тебя была убѣдительна!

Перолла. Приношу въ жертву отцу любовь, которою обязанъ я отечеству! Жалѣю о твоей участи, родитель! Предавъ отечество, тройное ты сдѣлалъ преступленіе: ты виновенъ, что оно измѣнило Римлянамъ; ты причиною, что поддалось оно Аннибалу; ты теперь воспрепятствовалъ ему опять возвратиться къ Риму. Отечество! Отечество! . . . прими мечь сей, мечь, которымъ хотѣлъ я тебя спасти! отецъ исторгаетъ его изъ рукъ сына!

Съ Латинскаго Ѳ. Серязевскій (*).

IV.

Письмо Рускаго изъ Парижа.

Наконецъ и я въ Парижѣ. Самый шумный городъ. Съ Февраля мѣсяца не видалъ, какъ прошло время, и все кажется, что еще ничего не успѣлъ осмотрѣть. — Не знаю, съ чего начать, чтобъ вамъ дать понятіе о семъ мѣстѣ. Надобно бы прежде всего описать моды; но такъ какъ я здѣсь никакого знакомства въ тон-

(*) Издатель Вѣстника проситъ Почтеннаго Переводчика и впередъ украшать его Журналъ подобными отрывками.

номъ свѣтѣ не имѣю, то не льзя и ожидать отъ меня подробностей о семъ предметѣ. Здѣшнюю публику надобно раздѣлить на модную, къ коей принадлежитъ вся знать, на ученую и на промышленную. О первой вамъ, какъ уже выше сказалъ, ничего написать не въ состоянїи, а послѣдняя и здѣсь такова же, какъ и вездѣ. Что касается до ученой, то заведенїя по сей части здѣсь очень достойны замѣчанїя, наипаче касающїяся до естественныхъ наукъ. Ежели вы вздумаете выѣхать въ чужїе краи съ тѣмъ, чтобы почерпнуть знанїя по заводской части, то для вашего наставленїя никакое мѣсто не можетъ быть столь удобно, какъ Парижъ, то есть со стороны Профессоровъ и натуральныхъ кабинетовъ. Вся часть города за Сеною, которая отвѣчаетъ нашему Замоскворѣчью, населена учеными; здѣсь находятся и заведенїя, до наукъ касающїяся, и всякой иностранецъ предпочтительнѣе передъ природными Французами доступъ до оныхъ имѣетъ. Курсы всѣ читаются безденежно и лучшими Профессорами, изъ коихъ многїе усовершенствователи своей науки, а нѣкоторые творцы новыхъ и весьма умныхъ системъ по своей части. — Я записался въ Athenée de Paris, гдѣ лучшїе Профессоры даютъ курсы для модной публи-

ки; только жаль, что опоздалъ моимъ прїѣздомъ въ Парижъ и засталъ одно окончанїе оныхъ. — Въ разсужденїи рукодѣлїй, Французы дѣлаютъ большїе успѣхи и занимаются ими съ чрезвычайнымъ ревенїемъ. По многимъ частямъ превзошли они самихъ Англичанъ, какъ-то въ сукнахъ, шляпахъ и пр.; объ шелковыхъ товарахъ говорить нечего. У нихъ иностраннаго почти не входитъ ни лоскутка, отъ чего звонкая монета въ чрезвычайномъ изобилїи. Имъ удалось развести лучшую породу Испанскихъ овецъ, такъ что имъ въ привозѣ шерсти изъ Гишпанїи для своихъ тонкихъ суконъ почти нѣтъ нужды. Только ихъ бѣда та, что по недостатку внѣшней торговли пресѣкся ввозъ многихъ матерїаловъ. Однако хлопчатую бумагу стараются завести у себя въ южныхъ провинцїяхъ и въ Неаполѣ, также выдѣлываютъ сахаръ изъ сладкаго винограда, и замѣняютъ многїя ввозимыя краски своими собственными, добывая ихъ способами химическими. Прїятно во всемъ ономъ видѣть то, что сими предпрїятїями руководствуютъ Ученые.

А. Г.

V.

Сурокъ и Щеглёнокъ.

Баснь.

Сурку Щеглёнокъ говорилъ:
Какъ! вѣчно спать? Какая скука!
И вѣчно быть въ норѣ? Такъ жить, конечно мука.
Сонъ таже смерть. Чтобъ я, лишенный силъ,
Въ гнѣздѣ своемъ лежалъ, какъ ты, Сурокъ нещастной,
Нѣтъ, я хочу летать по рощамъ, по лугамъ,
По сёламъ, городамъ,
Всё слышать, видѣть всё. Свободою прекрасной
Я пользуюсь своей!
О бѣдненькой Сурокъ! объ участи твоей
Я истинно жалѣю:
Ты знаешь, я любить умѣю! —
Чтожь новаго? скажи скорѣй!
Спросилъ сурокъ разскащика Щеглёнка.
— Отъ старика и до ребёнка,
Всѣ заняты умы въ столичныхъ городахъ!
Тотъ проживается, тотъ копитъ, богатится,
И въ страшныхъ откупахъ!
Другой надъ картами трудится!
Заботы, происки, объ лентахъ, объ чинахъ!
Никто не думаетъ о ближнихъ и друзьяхъ;
Жена предъ мужемъ лицемѣритъ,
А мужъ передъ женой, и до того дошло,

Что брату братъ не вѣритъ. —
Какой развратъ! какое зло!
Вскричалъ Сурокъ съ презрѣньемъ,
Не говори съ такимъ, пожалуй, сожалѣньемъ!
Чтобъ этаго всего не слышать и не знать,
По моему не лучше ль спать?

В. Пушкинъ.

VI.

Дубъ, кусты и тростъ.

Б а с н ь.

На высотѣ холма вѣтвистый дубъ стоялъ
И тѣнь обширную въ долину простиралъ;
Кругомъ его кусты рядами!
Казался гордый дубъ Царемъ между рабами!
Въ низу, на гибкомъ стебелькѣ,
Отъ исполина въ далекѣ,
Трость тонкая качалась,
И скромной головой къ болоту приклонялась.
Кусты,
Надменно съ высоты
Взглянувши на долину,
Сказали: „Тросточка! ты, думаемъ, клянешь
„Всякъ часъ свою судьбину!
„Ты мучишься, а не живешь!
„Какая разница межь нами и тобою!
„Отъ бурь защищены мы сѣнію густою!
„Тебя лучь солнца сжётъ;
„А насъ — лишь согрѣваетъ!

„Тебя и дождь сѣчётъ,
„А насъ — лишь прохлаждаетъ!
„Смотри, когда тебѣ вѣтръ гибелью грозитъ,
„Листами нашими едва онъ шевелитъ!
„Смотри . . . .“ Но свиснулъ вихрь — дубравы застонали;
Завыло эхо въ ребрахъ горъ,
Шумитъ въ смятеньи черный боръ,
И тучи запылали! —
Чтожь тросточка? Лежитъ!
А дубъ? Не двигается! всё тотъ же гордый видъ!
Но грянулъ громъ — по тучамъ гулъ помчался,
И холмъ подъ дубомъ зашатался.
Еще ударъ — дубъ рухнулъ — корни вверхъ!
И пышной грянувшись главою,
Въ долинѣ разпростершись легъ,
Засыпавши кусты землёю.
Утихнулъ громъ! ... опять сіяетъ Феба свѣтъ!
Встаетъ и тросточка — кустовъ и дуба нѣтъ!
Смиренная, взглянувъ на холмъ высокой,
И видя тамъ ужь ровъ глубокой,
Сказала про себя: Блаженъ, сто кратъ блаженъ,
Кто далѣ отъ дубовъ рости опредѣленъ!
Хоть сѣнію своей его не защищаютъ,
Однакожь, падая, землей не засыпаютъ.

Ѳ. Ивановъ.

VII.

Путь развратнаго.

Каррикатура.

Мы оставили нашего Рыцаря — Томаса Раквеля — при самомъ вступленіи на славное поприще: онъ дѣйствовалъ на немъ съ успѣхомъ; противники его — здоровье, доброе имя, совѣсть и тѣ полновѣсные мѣшки съ ерлынами, которымъ имѣли мы случай удивляться — побѣждены, разсыпаны. Теперь происходитъ послѣднее рѣшительное сраженіе. Смотрите.

Вамъ представляется внутренность Вайта, Лондонскаго кофейнаго дома, славнаго потому, что въ немъ обыкновенно сбирались записные картежники. Между ими найдете знакомца своего Томаса Раквеля: онъ первая и самая видная фигура на картинѣ! Замѣтьте разнообразіе лицъ: какія оттѣнки — пустота или такъ называемое *моральное ничтожество*; обдуманная, систематическая важность и важность, произведеніе холоднаго или охладѣвшаго сердца; досада задумчивая, мрачная, молчаливая; досада, соединенная съ пылкостію нетерпѣнія; отчаяніе, изступленное, возстающее противъ судьбы; отчаяніе, бѣшеное, подозрительное, воспламененное убійственнымъ мщеніемъ; хладнокровіе въ щастіи; радость, основанная на

чужой погибели и слышная среди проклятїй и стоновъ; ужасъ въ разныхъ видахъ, но производимый однимъ, главнымъ и всѣ другїе затмѣвающимъ предметомъ — какая страшная картина! Вообразите себя за дверьми, вообразите, что вы не видите ничего, а только слышите паденїе стульевъ, звонъ гиней, отсчитываемыхъ одна за другою, или и съ шумомъ влекомыхъ со стола кучею; громозвучныя, выразительныя возклицанїя, сострадательное лаянїе собаки, и въ этомъ хаосѣ грома пронзительные вопли: *разбой! пожаръ!* Что вы скажете? — „Здѣсь играютъ!" — Точно такъ! вы могли бы подумать, когда бы не слыхали звучащей монеты, что здѣсь происходятъ душеспасительные споры о вѣчномъ блаженствѣ, или бесѣдуютъ граждане республики сумасшедшихъ! но вы слышите мистическїй звонъ и говорите — здѣсь играютъ! Видите ли на столѣ корнетъ? Это таинственная Пиѳїя, которой оракула ожидали съ трепетомъ; онъ грянулъ — и Раквель, лишенный всего, сорвавъ съ себя парикъ, въ бѣшенствѣ грозитъ кулаками невинному небу. Его положенїе живописно — руки разтянуты, какъ крылья, глаза на выкатѣ, брови нахмурены, зубы скрыпятъ; не скажете ли, что онъ внимаетъ гласу *невидимыхъ!* Но кто эти

невидимые? Какой это магическій голосъ? Конечно Геній тюремщика, топотъ ключей тюремныхъ, привѣтствія оковъ *Бедлама* (*). У ногъ его пресмыкаются пустой парикъ, опустѣвшій кошелекъ, оторванная коса; передъ нимъ поверженъ стулъ, служащій трибуною мохнатому Цицерону изъ Ковентгердена (слова изображенныя на ошейникѣ) — меланхолическое рычаніе сего Ритора есть, безъ сомнѣнія, надгробный панегирикъ покойному кошельку.

Прошу замѣтить въ правѣ другаго Рыцаря печальной фигуры: наскучивъ смотрѣть щастію въ спину, онъ самъ рѣшился оборотиться къ нему спиною. Онъ въ трáурѣ, съ плерезами; вѣроятно, что, будучи огорченъ потерею какой нибудь тетушки, пришелъ онъ сюда искать утѣщенія съ наслѣдствомъ въ карманѣ, хотѣлъ на минуту забыться, но вдругъ принужденъ оплакивать и тетушку, и наслѣдство, которое, какъ видите, погребено подъ тучною рукою Паладина, оставшагося побѣдителемъ на турнирѣ.

По правую и по лѣвую сторону этой группы видите двѣ другія — онѣ спокой-

(*) Домъ сумасшедшихъ въ Лондонѣ.

ніе, по крайней мѣрѣ тише. На ряду съ чернымъ кафтаномъ, за круглымъ столомъ, сидитъ доброхотный ростовщикъ, который въ угодность Лорду Cogg — Лорду *Голоуму* — (его узнаете по широкимъ, вышитымъ золотомъ рукавамъ) уступаетъ, за обыкновенные проценты 50ти на 100, 500 фунтовъ стерлинговъ, разумѣется, обезпечивъ себя напередъ какимъ нибудь дружескимъ залогомъ, который со временемъ можно бы было продать за 1000. Позади осиротѣвшаго парика размышляетъ практическій *Философъ* — ночный разбойникъ; онъ не имѣетъ желанія ни занимать денегъ, ни отдавать деньги въ займы; но изъ кармана его выглядываютъ обыкновенные посредники *принужденныхъ* займовъ, дѣлаемыхъ на улицѣ или въ густотѣ лѣса — пистолетъ и маска. Одинъ изъ этихъ господъ есть *Кредиторъ* разбойниковъ, другой ихъ расходчикъ и лице *Кредитора* прекрасно: вокругъ него треволненіе и буря, кричатъ *разбой, пожаръ*! падаютъ стулья, шатаются столы, собаки лаютъ — онъ сидитъ спокойно, съ раскрытою книгою, передъ учебною лампадою, отсчиталъ деньги и записываетъ ихъ четкими буквами въ разходъ. Въ самомъ дѣлѣ должникъ, съ такимъ лягушечьимъ лицемъ, каковъ Лордъ Cogg, можетъ по-

честься находкою: посмотрите на эти щеки въ два этажа, на эти пухлыя губы, на эти сонные глаза — не правда ли, что ему весело быть обманутымъ?

Вѣроятно, что Практикъ (разбойникъ) потерялъ за круглымъ столомъ все то, что выслужилъ съ пистолетомъ въ рукѣ на большой дорогѣ, и теперь разсчитывается съ совѣстїю, которая подвела ужасный *итогъ* подъ его суммою. Его бесѣда съ самимъ собою не иное что, какъ совѣстная разправа. Надобно знать, что преспектива со стороны висѣлицы не перемѣнилась — преступленїе сдѣлано, и никакимъ средствомъ не можетъ быть раздѣлано: узнаютъ меня, отведутъ мнѣ квартиру въ *воздушномъ замкѣ*! Съ другой стороны такїе же печальные виды: прїобрѣтенное преступленїемъ потеряно, въ одну минуту, навѣки! мы такъ же бѣдны, какъ и прежде; но прежде (можетъ быть!) имѣли мы нѣкоторую собственность: спокойную совѣсть! теперь — страшное Греческое П (эмблема висѣлицы) служитъ вмѣстилищемъ каждому плану ума нашего, каждой картинѣ нашего воображенїя! не удивительно, что такая перспектива не разглаживаетъ нашего лица и принуждаетъ насъ нѣсколько хмурить брови. — Онъ ничего не видитъ, ничего не чувствуетъ; не слышитъ при-

глашенїй мальчика, стоящаго передъ нимъ съ полнымъ стаканомъ — все забыто: и вино, предлагаемое ему на подносѣ, и пистолетъ и маска, которыхъ по щастїю мальчикъ не замѣчаетъ, въ противномъ случаѣ Греческое П могло бы служить вмѣстилищемъ не однимъ идеямъ героя, но вмѣстѣ и самому герою. Каминъ, передъ которымъ онъ грѣется, не чувствуя теплоты, закрытъ рѣшеткою! Для чего она? Для сбереженїя париковъ, перчатокъ, шляпъ и платковъ, которые моглибъ залетѣть въ огонь — натуральное дѣйствїе пророческихъ изрѣченїй Пиѳїи! Буфетъ, находящїйся наряду съ каминомъ, закрытъ такою же рѣшеткою — предосторожность благоразумная! Бутылки, стаканы и рюмки могли бы слишкомъ много потерпѣть отъ нападенїя париковъ, перчатокъ, шляпъ и тому подобнаго. Говорятъ, что каждая замочная скважина есть пасквиль на человѣка — желаю знать, какое имя дадутъ этимъ рѣшеткамъ, спасающимъ парики и бутылки?

Позади мальчика представляется вамъ раненный Рыцарь. Надобно думать, что онъ пораженъ въ самое чувствительное мѣсто! Видите ли, съ какою отчаянною досадою грызетъ онъ пальцы; но внутренняя операцїя мучительнѣе: онъ ви-

дитЪ, сЪ какимЪ равнодушнымЪ спокойствїемЪ застольный побѣдитель сгребаетЪ рукою гинеи, видитЪ и мучится завистїю: собственная потеря и чужой выигрышь, которымЪ пользуются сЪ такимЪ равнодушїемЪ, которымЪ оживилось бы его умерщвленное сердце: вотЪ Фурїи, грызущїя сердце этаго Ореста — убїйцу не родной матери, но кошелька роднаго.

ЛицемЪ кЪ траурному кафтану сидитЪ существо, которому нѣтЪ имени — Боже сохрани васЪ отЪ встрѣчи сЪ подобною восковою фигурою! Не знаю, какимЪ средствомЪ зашло сюда это безымянное созданїе, сЪ своими невидящими глазами, сЪ своимЪ лицемЪ, разпустившимся вЪ воздухЪ! Смѣло можно сказать, что оно есть бѣднѣйшее изЪ всего собранїя, и вѣроятно по всѣмЪ отношенїямЪ — ГогартЪ изобразилЪ его для противоположности. Можно подумать, что оно принадлежитЪ кЪ тѣмЪ бездушнымЪ, безличнымЪ тварямЪ, которыя, не имѣя довольно отважности и силы для того, чтобЪ быть дѣятельными вЪ развращенїи, втираются вЪ толпу развратныхЪ и думаютЪ, что могутЪ придать себѣ нѣсколько вѣсу вЪ свѣтЪ, говоря: *вчера мы были въ Вайтѣ! Какая жаркая происходила у насъ сшибка!* ОнЪ хочетЪ только разсказы-

вать! можетъ быть и теперь разсказываетъ уже въ воображенїи!

За спиною Практика происходитъ дѣлежъ. На устахъ щастливца, котораго видите съ непокрытою головою, царствуетъ радость — но я желалъ бы сказать ему: берегись, товарищъ твой слишкомъ поспѣшенъ; въ движенїяхъ его слишкомъ много риторства; онъ нарочно звучитъ монетою, чтобъ звономъ замѣнить количество! По платью обоихъ можно догадаться, что одинъ — знатный, другой — простолюдинъ, и первый, вѣроятно, въ уплату недоимки, включаетъ и всякое благосклонное слово и тотъ снисходительный тактъ, который сїятельная рука его бьетъ на спинѣ товарища.

Въ прямой линїи отъ этой спокойной и дружеской группы, у дверей, видите другую! И здѣсь замѣтна недоимка — слетѣлъ съ головы парикъ, а съ нимъ кажется улетѣло и что-то бывшее въ головѣ подъ парикомъ. Не правда ли, что этотъ непокровенный имѣетъ великое сходство съ нашимъ *Ранвелемъ* — и тамъ и тутъ одинакое опустѣнїе кошельковъ. Одна разница: первый вздумалъ упрекать небо своимъ нещастїемъ, а послѣднїй хочетъ обрушиться на бѣдное и можетъ быть невинное созданїе, которое привѣтствуетъ именемъ плута. По щастїю шпага, въ

рукахъ его, такъ же ненадежна, какъ и корнетъ; сверхъ того, судьба посадила его подлѣ одного доброхота, который ссужаетъ его безъ процентовъ частицею собственнаго разсудка.

Остальное почти не требуетъ изъясненія. Читатель слышитъ громозвучное: *пожаръ! пожаръ!* Ночный сторожъ, котораго видите съ фонаремъ, впускаетъ очень кстати свѣжій воздухъ въ палату — въ противномъ случаѣ и огонь и общество могли бы задохнуться въ одно время. Двое только - Маркеръ и одинъ изъ членовъ ложи — замѣчаютъ пламя. Первый есть совершенно Гамлетъ, которому представляется привидѣніе. Другой (Маркеръ) съ своимъ молоткомъ и свѣчами, которыя можетъ теперь затушить, потому что солнце всходитъ за карнизомъ, представленъ въ первую минуту открытія. Онъ духомъ и глазами назади, но туловищемъ, молоткомъ и свѣчами служитъ еще карточному собранію.

На стѣнкѣ прибито обьявленіе: *Р. Юстіанъ, придворный карточный фабрикантъ живетъ* въ . . . . — Сальный огарокъ стоитъ на часахъ у этаго важнаго поста.

Лихтенбергъ.

ПОЛИТИКА.

VIII.

О народномъ характерѣ Испанцевъ.

(Съ Французскаго.)

Испанцы имѣютъ отъ природы острый умъ, одарены весьма живымъ воображенїемъ. Они могли бы успѣть и въ наукахъ, и въ искуствахъ столь же много, сколько и знаменитые предки ихъ; но до сего времени разпространенїю между ими всѣхъ полезныхъ знанїй, служащихъ къ просвѣщенїю ума и образованїю вкуса, препятствовали безпрерывно строгая Ценсура и подозрительность самовластной Инквизицїи.

Воспитанїе молодыхъ людей весьма недостаточно. Со стороны родителей излишняя любовь, а со стороны наставниковъ несоотвѣтствующая цѣли метода, затрудняютъ прїобрѣтенїе знанїй въ полезныхъ наукахъ и искуствахъ. — Молодой Испанецъ пускается въ поприще учености всегда охотно; но едва успѣетъ онъ сдѣлать

нѣсколько шаговъ, какъ безразсудная любовь родителей почитаетъ уже его чудомъ учености, первымъ Генїемъ въ свѣтѣ. — Наставникъ, истинной науки воспитанїя незнающїй, утомляетъ питомца своего четыре или пять лѣтъ преподаванїемъ Латинской Грамматики, потомъ шесть или восемь лѣтъ схоластическими тонкостями Богословїи, матерїями отвлеченными и тому подобнымъ. Отъ всего этаго — страсть къ ученїю хладѣетъ, наконецъ заступаетъ мѣсто ея отвращенїе. Исторїя, Географїя, Математика, Философїя, науки изящныя и иностранные языки позабыты совершенно, и ежели бы кому нибудь вздумалось преподавать ихъ, то, вѣроятно, весьма немногїе захотѣли бы слушать его уроки. Есть и такїе отцы и учители, которые, почитая всѣ науки, всѣ новыя системы воспитанїя открытымъ путемъ къ разврату и невѣрїю, отъ всего сердца ихъ проклинаютъ (*); и на-

(*) Князь Мира учредилъ въ 1807 году Училище въ своемъ домѣ, въ которомъ было назначено слѣдовать методѣ Песталлоцїя. Жители Мадрита тотчасъ начали роптать, называли это училище еретическимъ (потому что Протестантъ былъ его начальникомъ), и Министръ, покорясь необходимости, велѣлъ его уничтожить.

учась единственно тому, что для ремесла ихъ или званїя необходимо, признаютъ себя довольными. Великїя творенїя иностранныхъ Писателей доходятъ въ Испанїю рѣдко; а ежели и доходятъ, то почти ни одинъ изъ Испанцовъ не читаетъ ихъ, по незнанїю чужихъ языковъ. Одно могущественное и возвышенное дарованїе, собственное наблюденїе и сила разсудка производили иногда въ Испанїи мужей ученыхъ и писателей: заслуги ихъ тѣмъ важнѣе и почтеннѣе — шествуя къ великой цѣли, они сражались со множествомъ препятствїй, и вовсе не имѣли тѣхъ пособїй, которыми ученые мужи Германїи, Францїи, и Англїи всегда, можно сказать, окружаемы.

Впрочемъ, разсматривая Испанцевъ со стороны нравственной, вы найдете вообще, что нравы ихъ хороши и нѣкоторыя черты характера превосходны. Они гораздо благороднѣе Португальцовъ и Италїянцовъ. На первыхъ они похожи только оливковымъ цвѣтомъ тѣла, худощавостїю и средственнымъ ростомъ; со всѣмъ тѣмъ сложенїе ихъ красивѣе и крѣпче. Ихъ черные прекрасные глаза изполнены огня и выразительны; ихъ черные волосы несравненно лучше, нежели

у Италїянцовъ. Испанцы важны; но не вялы, и будучи живы, не имѣютъ той вѣтрености и легкомыслїя, которыя свойственны Французамъ. Приступая къ дѣлу, они медленны и осторожны; постоянны и быстры, рѣшившись оное изполнить. Характеръ ихъ есть спокойное равновѣсїе пылкости и хладнокровїя. Они великодушны, услужливы, весьма привержены къ друзьямъ своимъ и щедры. Касательно послѣдняго качества, совсемъ не таковы корыстолюбивые Португальцы и скупые Итальянцы. Сверхъ того Испанцы умѣренны, скромны, вѣрны и честны: Послѣднюю добродѣтель находятъ между ими даже у простолюдиновъ.

Пороки ихъ произтекаютъ не изъ характера, напротивъ они имѣютъ източникомъ воспитанїе, о которомъ уже упомянуто, и чрезмѣрное влїянїе духовенства, которое и понынѣ дѣйствовало на народъ весьма сильно. Главные изъ сихъ пороковъ — мстительность и ревность; превращающїяся не рѣдко въ совершенное безчеловѣчїе; далѣе — суевѣрство и гордость, или напыщенное мнѣнїе о своихъ правахъ и преимуществахъ, мнѣнїе, изъявляемое — знатными въ надутыхъ и смѣшныхъ обрядахъ и въ надменномъ тонѣ, такъ называемомъ Grandezza, а просто-

лкюдинами въ лѣни и странной спеси, неразлучныхъ съ неопрятностію и нищетою.

Впрочемъ нѣкоторые изъ народовъ, Испанію населяющихъ, не имѣютъ почти совсемъ означенныхъ пороковъ. Изъ числа ихъ — жители Галлиціи трудолюбивы чрезвычайно и къ работамъ всякаго рода привычны. Они тысячами ходятъ для промысловъ въ Португаллію и другія Испанскія провинціи. Каталонцы также весьма дѣятельны и способны ко всѣмъ рукодѣліямъ и промышленности. Аррагонцы Старо-Кастильцы не менѣе любятъ работу, сверхъ того храбры, искренни, привержены къ древнимъ, простымъ обычаямъ своимъ и нравамъ. Напротивъ Ново-Кастильцы, слѣдственно и жители Мадрита, въ новой Кастиліи лежащаго, изнѣжены и недѣятельны; потому-то изображенія Испанцевъ, писанныя путешественниками и Посланниками Дворовъ чужестранныхъ, даютъ понятіе объ одной только столицѣ и собственно принадлежащей къ ней провинціи. Андалузцы худшій народъ во всей Испаніи. Кромѣ тѣхъ пороковъ, о которыхъ мы сказали, они лукавы, лживы и большіе хвастуны. Наконецъ находится въ Испаніи народъ, совсѣмъ особливый и весьма похожій на Британцевъ — жители Бискайи. Они веселы, остроумны,

прилѣжны, откровенны, и любятъ свободу болѣе всего на свѣтѣ (*).

IX.

О Персіи.

Персія въ длину имѣетъ тысячу три ста, въ ширину тысячу сто миль. Къ сѣверу граничитъ она съ землею Черкасскою и моремъ Каспійскимъ, къ востоку съ владѣніями Могола; къ югу съ заливами Персидскимъ, съ заливомъ Ормусскимъ и моремъ Индійскимъ; къ западу съ Азіатскою Турціею.

Въ Персидской Монархіи считается тринадцать провинцій. Шесть изъ нихъ лежатъ къ востоку: *Зендъ*, *Макеранъ*, *Ситзистань*, *Хоразань* и *Эстабаратъ*; четыре къ сѣверу: *Мазандеранъ*, *Шириванъ*, *Адиръ-Бейтзамъ*, и *Иракъ-Аземъ*; наконецъ три къ югу: *Худзистанъ*, *Фарсистанъ* и *Кирмань*.

(*) Извѣстіе о семъ необыкновенномъ и достойномъ вниманія народѣ помѣщено въ No 6 Вѣстника Европы на 1808й годъ.

Переводчикъ.

Вѣ Персіи три главныхѣ города: *Таврисъ*, *Испагань* и *Ширасъ*. Первой вѣ провинціи Адирѣ-Бейтзамѣ, второй вѣ Иракѣ-Аземѣ, и третій вѣ Фарсистанѣ. Городѣ Эриванѣ находится вѣ Персидской Арменіи.

Таврисѣ весьма знатный Персидской городѣ. Вѣ разсужденіи богатства, великолѣпія, торговли и населенія, Персы считаютѣ его вторымѣ по Испагани. Одна часть Тавриса простирается по равнинѣ, другая лежитѣ при подошвѣ горы, нынѣшними нѣкоторыми писателями почитаемой Оронтомѣ. Около Тавриса нѣтѣ никакихѣ укрѣпленій, ни стѣнѣ, ни земляныхѣ валовѣ. Протекающая чрезѣ сей городѣ рѣка причиняетѣ чрезвычайныя разоренія. Она часто быстротою своею у жителей сноситѣ самые домы. Здѣсь, кромѣ сей рѣки, есть еще другая, которая сначала весны широтою своею равняется Сенѣ, когда протекаетѣ она чрезѣ Парижѣ вѣ зимнее время. Персы называютѣ ее Ажи, т. е. соленою рѣкою: это потому, что вѣ ней вѣ самомѣ дѣлѣ вода чрезѣ шесть мѣсяцовѣ бываетѣ весьма соленою, по причинѣ источниковѣ, входящихѣ вѣ Ажи, и прежде протекающихѣ по землѣ, наполненной солью.

Въ Таврисѣ увидишь великое множество базаровъ и мечетей (молитвенныхъ домовъ). — Въ семъ городѣ достойна особеннаго примѣчанія одна площадь, которая можетъ быть, по необыкновенному пространству своему, есть единственная во всемъ свѣтѣ. — Турки не однократно ставили на ней въ боевой порядокъ до тридцати тысячь человѣкъ. Персы на сію площадь ежедневно по вечерамъ ходятъ прогуливаться. Таврисъ весьма важный торговой городъ: на фабрикахъ его дѣлаются и продаются различныя бумажныя и шелковыя матеріи; также всякія парчи и лучшія шали. Сей городъ, отстоящій къ сѣверо-западу отъ Испагани на сто тридцать миль, лежитъ подъ 64, 25 долготы, и подъ 38, 2 широты. Многіе почитаютъ его древнею Экбатаною.

Испагань, столичный городъ Персіи, выстроенъ на равнинѣ обширной, съ трехъ сторонъ простирающейся на пятнадцать или на двадцать миль. Сія равнина вообще весьма плодоносна; но въ тѣхъ мѣстахъ, которыя могутъ быть орошаемы водою, находишь неописанное во всемъ изобиліе. Съ южной стороны, не болѣе какъ въ двухъ миляхъ отъ Испагани, возвышается превысокая гора.

Шарденъ полагаетъ, что Испагань есть одинъ изъ общирнѣйшихъ городовъ на свѣтѣ: онъ пишетъ, что въ немъ, съ предмѣстїями, въ окружности около двенадцати миль. Персы, по гордости, или, можетъ быть, по невѣжеству, называютъ его половиною вселенной. О населенїи города сего думаютъ различно: одни число его жителей простираютъ до 1 миллїона 100 тысячь, другїе — не болѣе какъ до 600 тысячь человѣкъ. Въ Испагани у каждаго семейства есть свой отдѣльный домъ, и почти при каждомъ домѣ видишь садъ. — Персидская столица, по такому чрезвычайному своему пространству, представляетъ изъ себя почти необъемлемую глазами картину. Съ какой стороны ни подъѣзжайте къ Испагани, вы ничего не встрѣтите, кромѣ мечетей съ блестящими куполами, или построенныхъ при нихъ минаретовъ (высокихъ башенъ). Смотря на Испагань издали, и не видавъ ее прежде, подумаешь, что это не городъ, но великїй дремучїй лѣсъ.

Испагань лежитъ при рѣкѣ Сендерудѣ, на которой три прекрасныхъ моста, одинъ среди самаго города, а два другїе по его концамъ. Сендерудъ вытекаетъ изъ горъ съ сѣверной стороны, отъ Испагани отстоящихъ на три дни ѣзды.

Сїя рѣка сама по себѣ очень мала, но искуство, прорытїе горъ, находящихся отъ столицы въ тридцати миляхъ, и соединенїе съ нею другой рѣки, сдѣлали ее довольно знатною и довольно великою рѣкою. — Отъ сего Сендерудъ въ весеннее время широтою своею бываетъ подобенъ Сенѣ. Рѣка сїя наполняется водою отъ растаявшихъ снѣговъ. Это бываетъ весною. Въ прочее время года Персы спускаютъ его въ каналы, для поливанїя садовыхъ своихъ плодовъ или огородныхъ овощей. Между Испаганью и Кирманомъ Сендерудъ вдругъ изчезаетъ, идетъ подъ землею, но въ Кирманѣ опять появляется, и наконецъ впадаетъ въ Индїйское море: она весьма тиха, и вода въ ней самая прекрасная.

Въ окружности Испаганскихъ стѣнъ считается около двадцати тысячь шаговъ. Сїи стѣны всѣ земляныя; онѣ домами и садами такъ усѣяны, что ихъ во многихъ мѣстахъ почти совсѣмъ не льзя видѣть.

Главное украшенїе Испагани состоитъ во множествѣ великолѣпныхъ палатъ и красивыхъ домовъ, въ каравансараяхъ, въ обширныхъ базарахъ, въ каналахъ и улицахъ, осѣняемыхъ развѣсистыми

чиноровыми деревьями. Но должно замѣтить, что въ Испагани множество улицъ кривыхъ и тѣсныхъ. Въ семъ городѣ нѣтъ мостовыхъ, однако въ немъ мало пыли и мало грязи; ибо Персы каждый передъ своими домами поливаютъ улицы. Чтожь касается до грязи, то ее выпариваетъ здѣшній сухой воздухъ въ самомъ скорѣйшемъ времени.

Испагань раздѣляется на два квартала: первый, по ея положенію, идетъ къ восточной, а вторый къ противулежащей западной сторонѣ. Въ семъ городѣ восемь воротъ; но ихъ никогда не запираютъ, хотя впрочемъ онѣ обиты желѣзомъ, весьма крѣпки и надежны. Прежде въ Испагани было ихъ двенадцать; но Персы, по суевѣрію своему, четыре заклали кирпичемъ: осталось только восемь; изъ числа сихъ осьми четыре находятся на востокѣ и югѣ, прочія же четыре лицемъ обращены на западъ и сѣверъ. Между послѣдними однѣ называются Императорскими и Царскими. Здѣсь еще есть около шести проходовъ или отверстій — Персы ихъ не называютъ никакимъ именемъ. Въ Испагани, въ мѣстахъ, къ симъ двумъ ея кварталамъ принадлежащихъ, живутъ, такъ сказать, два народа разныхъ сектъ, хотя

впрочемъ одного произхожденія, — и тотъ и другой занимаютъ предмѣстія города и всю прилежащую къ нему землю. Они одинъ отъ другаго отличаются именами двухъ Государей, нѣкогда раздѣлившихъ Персію на двѣ части. Одинъ называется Нехаметъ-Олахи, другой Гейдеръ-Ами. Въ Персіи всѣ города раздѣлены подобнымъ образомъ.

Майданъ-Ха, Королевская Испаганьская площадь, весьма достойна того, чтобы сказать объ ней нѣсколько словъ съ нѣкоторою подробностію. Сія площадь видъ имѣетъ четыреугольный; она въ длину простирается на четыре ста сорокъ, а въ щирину на сто шестьдесять шаговъ; вокругъ нея обведенъ каналъ, обложенный кирпичемъ, связаннымъ гипсомъ или черною известью, которая тверже самаго камня: внутреннее пространство сего канала заключаетъ въ себѣ шесть футовъ; по краямъ его сдѣланы изъ чернаго гладкаго камня намосты, по которымъ очень удобно могутъ ходить четыре человѣка въ рядъ; между симъ каналомъ и домами, окружающими площадь, представляется глазамъ вашимъ пустое мѣсто, въ щирину простирающееся на двадцать шаговъ, усаженное лучшими вѣтьвистыми чикаро-

выми деревьями. Здѣсь всѣ домы выстроены по одинаковому плану, и къ каждому дому придѣлано по двѣ купеческія лавки, изъ которыхъ по обыкновенію одна обращена къ площади, а другая на базаръ, бывающій вокругъ сей же самой площади. Сей базаръ есть одинъ изъ величайшихъ во всей Испагани. Надъ помянутыми лавками обыкновенно строются жилыя комнаты, двѣ напереди и двѣ назади. Къ первымъ придѣлываютъ небольшой балконъ, разными красками расписанный. Здѣсь на всѣхъ домахъ, вмѣсто кровель, видишь однѣ только террасы, по которымъ Персы всегда прогуливаются въ лѣтнее время.

На сей площади возвышается башня, окруженная обширными зданіями, открывающими съ западной стороны входъ въ Государевы палаты и въ Гаремъ или Сераль. Напротивъ башни стоитъ мечеть, вся изъ кедра, и еще строеніе для храненія машинъ, Персами называемое фабрикою часовъ. Отъ башни къ югу находится Королевская мечеть, а къ сѣверу Королевской базаръ.

Для входа *въ Майданъ-Ха* сдѣлано двенадцать воротъ и множество другихъ небольшихъ проходовъ. Въ самой среди-

нѣ его поставлено огромное мачтовое дерево, вышиною во сто двадцать футовъ.

Королевская мечеть и базаръ положенїемъ своимъ представляютъ великїй полуциркуль, предъ которымъ находится бассейнъ, имѣющїй въ окружности семьдесять шаговъ и глубиною въ десять футовъ. Видъ сего бассейна угловатый и края его обложены порфиромъ. Персы безпрестанно наполняютъ его водою, тѣмъ болѣе, что свѣжесть, отъ воды разливающаяся въ воздухѣ, доставляетъ имъ самое величайщее удовольствїе.

Предъ крыльцомъ Ханскихъ палатъ, разстоянїемъ отъ нихъ на сто десять шаговъ, со всѣхъ четырехъ сторонъ сдѣланы деревянныя, выкрашенныя перилы; внутри перилъ стоитъ сто десять литыхъ пушекъ, которыя почти всѣ малаго разбора; предъ самымъ крыльцомъ Ханскихъ палатъ выставлено нѣсколько огромныхъ мортиръ, называемыхъ у Персовъ, по величинѣ ихъ, верблюдами. Всѣ сїи орудїя Испанскїя, захваченныя Персами въ Ормусской крѣпости, и, какъ говорятъ они сами, перевезенныя ими оттуда въ разныя части ихъ Государства. Къ Серальскимъ воротамъ приставлены два мраморные столпа, прекрасной работы, найден-

ные, по словамъ Персовъ, въ развалинахъ Персеполя.

Ханскїя палаты самое обширнѣйшее зданїе: въ ихъ окружности почти около полуторы мили. Ведущїя къ нимъ большїя ворота стоятъ прямо противъ Королевской площади. Персы сїи ворота называютъ *Али-Капи*, священными воротами. Онѣ довольно высоки и всѣ обложены порфиромъ: порогъ ихъ, отъ земли возвышающїйся на пять или шесть дюймовъ, сдѣланный въ видѣ полукружїя, также весь украшенъ порфиромъ. Персы предъ нимъ благоговѣютъ, какъ предъ Божествомъ. Ступившїй на него ногою, бываетъ наказанъ строго за сїю дерзость — обыкновенно долженъ лишиться головы. Непремѣнно надобно перешагнуть черезъ сей порогъ. Любимцы Государя прикладываются къ Царскимъ воротамъ, какъ будто къ святынѣ достойной всякаго почтенїя. И самый Ханъ — владыка всей Персидской земли — проѣзжая мимо ихъ верьхомъ, не можетъ не слѣзть съ лошади. Передъ крыльцомъ Ханскихъ палатъ, не болѣе какъ въ пяти или въ шести шагахъ, построены двѣ большїя залы, изъ которыхъ въ одной даетъ судъ и расправу первенствующїй Членъ Дивана, а въ другой находится канцелярїя Высокаго Государственнаго

Чиновника; имѣющаго званіе Дворцоваго Правителя. Къ симъ палатамъ пристроены двѣ небольшія залы, назначенныя для пребыванія Ханской стражи и называемыя караульнями. Днемъ въ нихъ совсѣмъ не бываетъ солдатъ; что же касается до ночи, то посылаемые туда стражи спятъ тамъ покойнымъ, глубокимъ сномъ, какъ будто бы въ собственномъ своемъ домѣ: даже не запираютъ большаго крыльца, не смотря на то, что можетъ на него всякой всходить по произволенію. Особа Персидскаго Властителя есть Особа священная, и Персы думаютъ, что для защиты и охраненія его не нужны никакія предосторожности. Крыльцо Ханскихъ палатъ есть неприкосновенное и ненарушимое убѣжище: одинъ только Государь имѣетъ право и силу повелѣть взять подъ стражу укрывающагося на немъ человѣка.

Палаты Персидскаго Хана окружены многими зданіями, назначенными для различныхъ употребленій. Изъ нихъ самымъ лучшимъ и самымъ величественнымъ почитается такъ называемая галлерея сорока столбовъ, которыхъ въ самомъ дѣлѣ не болѣе осьмнадцати; Персы умножаютъ количество ихъ по одной только привычкѣ. Сіе отдѣленіе покоевъ, подобно

всѣмъ другимъ, выстроено посреди сада. Первая или главная часть его есть зала, въ ширину простирающаяся на пятьдесятъ два и въ длину на сто восемь футовъ; потолокъ ея весь украшенъ живописью и мозаическою работою, и поддерживается осьмнадцатью точеными и позолочеными столбами; стѣны въ ней до самаго верьху обложены бѣлымъ разкрашеннымъ и вызолоченнымъ мраморомъ: стекла, вставленныя въ окошки, всѣ хрустальныя и разныхъ цвѣтовъ. Посреди сей залы стоятъ, одинъ надъ другимъ и одинъ меньше другаго, три мраморные бассейна. Первый въ діаметрѣ имѣетъ десять футовъ, виду четвероугольнаго, прочіе два осьмиугольные. Здѣсь находится и Королевскій тронъ, возвышающійся на двенадцать футовъ и въ ширину имѣющій восемь. Тронъ сей не что иное, какъ нѣкотораго роду постель, убранная четырью подушками, вышитыми золотомъ и украшенными множествомъ дорогихъ каменьевъ.

Гаремъ — жилище Ханскихъ женъ — имѣетъ въ окружности около мили. Въ Европѣ нѣтъ ни одного монастыря, окруженнаго столь высокими стѣнами, какъ это зданіе. Въ Гаремѣ очень много небольшихъ комнатъ, которыя всѣ украшены весьма великолѣпно.

Испагань лежитъ подъ 70, 30 долготы, и подъ 32, 23 широты.

Ширасъ выстроенъ на равнинѣ, отъ сѣвера къ югу простирающейся почти на четыре, отъ востока же къ западу почти на пять миль. Сїю занимаемую имъ равнину со всѣхъ сторонъ окружаютъ высокїя горы, на которыхъ нѣтъ никакихъ растенїй: онѣ голы, какъ дикїя, каменистыя скалы. Въ Ширасѣ пошва земли весьма удобная для разведенїя винограду. Сей городъ глазамъ путешественника не представляетъ никакой прїятной картины: видна только одна огромная мечеть, которой грозитъ скорое разрушенїе. Ширасъ отстоитъ отъ Испагани на 90 миль къ юго-востоку. Онъ лежитъ подъ 73, 3 долготы, подъ 29, 36 широты. Сей городъ почитаютъ отечествомъ *Садїя*.

Персидской городъ Эриванъ, съ Турецкой стороны, лежитъ подъ 62, 20 долготы и подъ 40, 20 градусомъ широты. Въ немъ земля плодоносна и такъ же производитъ много хорошаго вина. Эриванъ довольно обширный, довольно важный, но весьма нечистый городъ. Виноградные сады отнимаютъ у него всю правильность; онъ простирается по долинѣ, и со всѣхъ сторонъ окруженъ горами. Мимо

его текутъ двѣ рѣки: одна Сенгюи, другая Куеръ-Буланъ. Имя послѣдней означаетъ сорокъ ключей: Персы увѣрены, что эта рѣка точно имѣетъ сорокъ источниковъ.

При Эриванѣ выстроена крѣпость, видомъ и обширностїю своею похожая на городокъ, довольно изрядной. Сїя крѣпость, въ окружности имѣющая четыре тысячи шаговъ, заключаетъ въ себѣ почти до осьми сотъ зданїй. Вокругъ ея обведены въ три ряда стѣны, сдѣланныя изъ земли или изъ кирпича, съ зубцами; на сихъ стѣнахъ, по мѣстамъ, возвышаются башни. Эриванская крѣпость къ сѣверозападу стоитъ надъ весьма обширною и утесистою пропастью, въ глубину простирающеюся болѣе, нежели на сто сажень. Въ пропасть ввергается рѣка. Съ сѣверной стороны въ тысячѣ шагахъ сдѣлано укрѣпленное возвышенїе, съ котораго Персы во время военныхъ дѣйствїй стрѣляютъ по приближающемуся къ городу непрїятелю.

Къ сѣверо-западу, на три дни ѣзды отъ Эривана, представляется глазамъ вашимъ *Дерїаширинъ, т. е. сладкое озеро.* Эриванскїе жители такъ называютъ его потому, что въ немъ вода совершенно ничѣмъ не отличается отъ самой лучшей,

чистой рѣчной воды. Озеро сїе, чрезвычайно глубокое, имѣетъ въ окружности своей 25 миль. Персы въ немъ ловятъ множество рыбы всякаго роду.

Не болѣе какъ въ двухъ миляхъ отъ Эривана, находится славный Христїанскїй монастырь, съ тремя церквями. Христїанскїе Армяне имѣютъ къ нему великое уваженїе, и ходятъ большими толпамя въ него молиться.

Персїя лежитъ въ умѣренномъ поясѣ. Гора Тавръ, подобно Аппенинамъ, раздѣляющимъ на двѣ половины Италїю, разсѣкаетъ ее по самой срединѣ, и разными отраслями извиваяся по провинцїямъ, называется, по своему положенїю, различными именами. Одна цѣпь горы Тавра идетъ отъ сѣвера къ югу: тамъ свирѣпствуетъ самой несносной жаръ; но далѣе къ сѣверу, Персы наслаждаются воздухомъ умѣреннымъ. Древнїе Персидскїе Государи, по причинѣ такого различїя температуры въ ихъ владѣнїяхъ, въ разныя времена года обыкновенно перемѣняли свои мѣстопребыванїя. Лѣтомъ они жили въ Экбатанѣ, нынѣшнемъ Таврисѣ; зимою въ Сузѣ, а весною и осенью жилищемъ ихъ были Персеполь и Вавилонъ.

На равнинахъ Персіи вообще земля песчаная и безплодная; почти вездѣ она усѣена маленькими красными камушками; вездѣ почти производитъ одинъ волчецъ и терновникъ, употребляемый вмѣсто дровъ въ безлѣсныхъ провинціяхъ; но Гилянская провинція богата всѣми произведеніями натуры; также богаты ими и всѣ тѣ земли, въ которыхъ между горами находятся глубокія долины. Персы сады свои поливаютъ посредствомъ каналовъ, дѣлаемыхъ шириною въ четыре фута и наполняемыхъ горною водою. Пашни поливаютъ симъ же самымъ образомъ: для удовлетворенія нивъ, которыя разбиваютъ на четвероугольники изъ пятнадцати или двадцати квадратныхъ саженъ состоящія, дѣлаютъ окопы вышиною около фута; ввечеру, когда должно поливать землю, отворяютъ проведенные къ симъ окопамъ каналы, а на другой день поутру выпускаютъ воду. Такимъ образомъ земля, при содѣйствіи благодѣтельныхъ лучей солнца, не смотря на свое натуральное безплодіе, дѣлается плодотворною и всѣми произведеніями натуры богатою. Въ Персіи, вообще, рѣкъ очень мало, а еще меньше въ ней такихъ, которыя были бы вездѣ по теченію своему судоходны. Здѣсь самою величайшею рѣкою почитается Ара; не смотря однако на величину

ея, по ней ходитъ барокъ очень мало. Сія рѣка протекаетъ чрезъ Арменію. Рѣки, обыкновенно, чѣмъ текутъ далѣе, тѣмъ становятся больше и обширнѣе; но въ Персіи напротивъ: здѣшнія рѣки чѣмъ болѣе удаляются отъ своихъ истоковъ, тѣмъ время отъ времени мѣлѣютъ, и наконецъ совсѣмъ изчезаютъ въ частыхъ каналахъ, отъ нихъ на поля проводимыхъ.

Цвѣты, растущіе въ Персіи, не имѣютъ ни той красоты, ни той пріятной, очаровательной разнообразности, какую имѣютъ наши Европейскіе. Проѣхавъ рѣку Тигръ, на пути, ведущемъ къ сему Государству, увидишь однѣ только розы и лиліи, и еще другіе мѣлкіе цвѣточки. Персы выгоняютъ изъ розъ чрезъ кубы много воды, которую для продажи развозятъ по всей восточной Азіи. Въ Персидской Монархіи родится много плодовъ, и именно яблокъ, грушъ, гренатъ, померанцевъ, сливъ, вишенъ, абрикосовъ, айвъ, каштановъ, ароній, персиковъ, дынь, арбузовъ, фисташекъ, миндалю, смоквъ, наконецъ чимаровыхъ и Грецкихъ орѣховъ. Деревяннымъ масломъ изобильны только двѣ провинціи: Гиланьская и Мазандеранская; но хлопчатая бумага родится вездѣ. Персидской климатъ особенно удобенъ для разведенія винограду: между про-

чими виноградными винами особенно хорошими почитаются три рода: первое Ширасское, которое, какъ самое лучшее, пьетъ одинъ Персидскій Государь съ своими придворными; другое — для вкуса весьма пріятное — Изедское, которое вывозятъ въ Ларъ и Ормусъ; третіе наконецъ — весьма сладкое вино — Испаганьское, дѣлаемое изъ однѣхъ виноградныхъ ягодъ. Чтобъ менѣе тратилось вина, Персы сливаютъ его въ большіе глиняные сосуды, внутри муравленые, или обмазанные бараньимъ саломъ. Иногда сіи сосуды такъ велики, что могутъ помѣщать въ себѣ вина не менѣе нашихъ сороковыхъ бочекъ.

У Персовъ почти всѣ сады наполнены черною и бѣлою шелковицею. Деревья шелковицы сажаютъ такъ близко одно отъ другаго, что человѣку сквозь нихъ пройти весьма трудно: имъ не даютъ въ вышину рости болѣе пяти футовъ съ половиною. Сіе дѣлаютъ для того, чтобы удобнѣе можно было обрывать съ нихъ и ягоды и листья. Когда весною шелковица покрывается зеленью, тогда и Персы начинаютъ разводить своихъ шелковыхъ червей. Шелкъ почти по всему Востоку составляетъ первый и единственный торгъ. Многіе полагаютъ, что въ Персіи ежегодно собирается его до двадцати тысячъ

кипъ, изъ которыхъ въ каждой вѣсу до 216 фунтовъ. Въ самой Персїи издерживаютъ на разныя издѣлїя не болѣе тысячи кипъ шелку; прочїя всѣ продаютъ иностранцамъ, въ Турцїи, въ Индїи, въ Италїи, Англичанамъ и Голландцамъ, прїѣзжающимъ въ Ормусъ.

Въ Персїи кореньевъ очень много; но огородныхъ овощей почти совсѣмъ нѣтъ.

Персы добываютъ свою бирюзу на одной горѣ, называемой Пируску и отстоящей не далѣе, какъ на три или на четыре дня ѣзды отъ Мещеда. Изъ нихъ такъ называемую *старую гору* берегутъ для дому Государей; но бирюзы, доставаемыя въ *новой*, продаютъ всѣмъ, кто только имѣетъ въ нихъ надобность. Жемчугъ добываютъ въ Персидскомъ заливѣ, при островѣ Баренѣ или Барейнѣ; крупный, имѣющїй извѣстную величину и доброту, отсылаютъ къ Государю; мѣлкой идетъ въ продажу. Въ Персїи недавно открыли въ горахъ мѣдную руду, изъ которой дѣлаютъ довольно искусно всякую домашнюю посуду. Олова совсемъ нѣтъ. Персы для луженїя мѣдной посуды вывозятъ металлъ сей изъ другихъ Государствъ. Свинцу имѣютъ они весьма много: его добываютъ въ Кирманѣ; желѣзо же и сталь, въ маломъ количествѣ, достаютъ въ Казбинѣ и Хоразанѣ.

У Персовъ обыкновенный домашній скотъ: лошади, мулы, ослы и верблюды. Лошади ихъ имѣютъ ростъ средній: онѣ меньше и тоньше нашихъ Европейскихъ; но сей недостатокъ вознаграждаютъ другими свойствами, какихъ мы не находимъ въ нашихъ: онѣ несравненно быстрѣе и легче Европейскихъ. — Здѣшніе ослы двухъ родовъ, и имѣютъ два назначенія: на однихъ возятъ тяжести; на другихъ (Арабскихъ) ѣздятъ верьхомъ. Въ Персіи водятся и дикіе звѣри: здѣсь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ находятъ львовъ, медвѣдей, леопардовъ и дикобразовъ. Въ рѣкѣ Арѣ много ловятъ карповъ, щукъ и прекрасной форели; но въ другихъ вы не найдете никакой рыбы, кромѣ лещей. Въ Персіи, кромѣ перепеловъ, водятся всѣ тѣ птицы, какія свойственны климату Франціи. Здѣсь много всякаго роду и дичи и хищныхъ птицъ. У Персовъ есть животное, называемое ими *Онсъ* (бобръ), на которомъ какъ у тигра шерсть пестрая, но которое между тѣмъ есть животное смирное и ручное. Охотники его возятъ съ собою, когда отправляются на охоту, и сажаютъ позади себя на спину лошади. Замѣтивъ бѣгущую мимо ихъ дикую козу, они въ самомъ скорѣйшемъ времени спускаютъ съ лошади своего *Онса*, который такъ

легокъ и быстръ, что въ два или три прыжка уже видите вы его на шеѣ дикой козы, грызущаго ее зубами.

Въ Персіи, по причинѣ недостатку въ строевомъ лѣсѣ и дикомъ камнѣ, всѣ домы, кромѣ нѣкоторыхъ, строятъ изъ земли и глины. Ихъ стѣны до извѣстной высоты выводятъ слоями. Между каждыми двумя слоями глины или земли, отстоящими одинъ отъ другаго на три фута, кладутъ по два или по три ряда кирпичей, высушенныхъ на солнцѣ. Такія зданія довольно чисты. Когда уже выведены стѣны, то обмазываютъ ихъ глиною, перемѣшанною съ рубленою соломою, отъ чего бываютъ онѣ столь крѣпки, что на нихъ не увидишь ни одной трещины; сверхъ глины покрываютъ ихъ известью зеленаго цвѣта, растертою съ замедью; наконецъ послѣ всего этаго трутъ ихъ щеткою: отъ сего стѣны Персидскихъ домовъ бываютъ столь чисты и гладки, что при первомъ взглядѣ почтешь ихъ мраморными. Въ Персіи среди каждаго дома строятъ портики, имѣющіе каждый двадцать или тридцать футовъ въ четвероугольникѣ; въ самой срединѣ портика вырывается бассейнъ, наполняемый водою; по угламъ для прохлажденія пристроиваютъ по одно-

му небольшому покою; а позади дѣлаютъ особливый покой, котораго полъ устилается коврами — съ обѣихъ сторонъ примыкаетъ къ нему множество комнатъ, сообщающихся одна съ другою. Домы Вельможей еще обширнѣе: въ нихъ бываетъ по четыре портика, и при нихъ съ каждой стороны по два покоя: такимъ образомъ большую залу окружаетъ восемь покоевъ довольно обширныхъ. Въ Персїи вообще всѣ домы низкїе и безъ кровель, вмѣсто которыхъ употребляются террасы. Домы Персовъ снаружи не имѣютъ почти ничего прїятнаго, но внутри довольно великолѣпны: стѣны всѣ украшены живописью. Персы очень любятъ свѣтъ; но не любятъ имъ пользоваться: они въ домахъ своихъ прорубаютъ множество оконъ, въ которыя всегда вставляютъ окончины съ стеклами разноцвѣтными. У Персовъ главный корпусъ дома убирается самою лучшею мебелью; но въ Гаремѣ мебель самая обыкновенная. Сїе, думаю, происходитъ отъ того, что туда не впускается никто изъ постороннихъ. Персы, подобно всѣмъ другимъ восточнымъ народамъ, совсѣмъ не имѣютъ кроватей: они стелятъ на полу матрасы, и спятъ обыкновенно подъ стегаными покрывалами. Лѣтомъ они всегда проводятъ

ночи подъ открытымъ небомъ, на своихъ террасахъ.

Персы имѣютъ ростъ средній. Древній Историкъ Ксенофонтъ повѣствуетъ, что они большею частію очень толсты; но Амміенъ-Марселлинъ объ нихъ свидѣтельствуетъ совсемъ противное: онъ пишетъ, что въ его время Персы были высоки ростомъ, тонки, сухощавы. Я ихъ нашелъ сходными съ описаніемъ Амміеня; но при всей сухощавости замѣтилъ въ нихъ силу и крѣпость. Персы имѣютъ цвѣтъ лица оливковый, волосы черные, носъ орлиный. Древніе жители Персіи отращивали себѣ волосы, подобно нынѣшнимъ Зеидамъ, потомкамъ Магомета, имѣвшаго, по словамъ ихъ, долгіе волосы; нынѣшніе Персы, вопреки сему обыкновенію, чрезъ каждые восемь дней брѣютъ себѣ голову, также и бороду, но усы оставляютъ. Съ бородами ходятъ здѣсь только одни духовныя особы, называемыя *Фирами*. Симъ Фирамъ, за наружную ихъ святость, состоящую въ обманьчивой воздержности, Персы оказываютъ великое уваженіе. Чорные волосы Персамъ нравятся болѣе всякихъ другихъ: свѣтлые для нихъ нѣкоторымъ образомъ сносны, а рыжихъ они терпѣть не могутъ; и тѣ изъ нихъ, которые имѣютъ

волосы не чернаго цвѣту, поддѣлываютъ ихъ подъ черный. Они красятъ себѣ руки и ногти краскою шафраннаго или померанцеваго цвѣта; платье себѣ шьютъ совсѣмъ не по мѣрѣ своего роста; носятъ камзолы и полные широкїе кафтаны, похожїе на одѣянїе женское, а на головѣ бумажныя или цвѣтныя полосатыя шелковыя чалмы. На священникахъ Персовъ и чалма и платье изъ бѣлой матерїи. Вельможи, для отличенїя себя отъ простыхъ людей, на головѣ носятъ подбитыя мѣхомъ шапки, всѣ краснаго цвѣта; почему Турки называютъ ихъ Кизильбашами, т. е. красными головами.

Персы чрезвычайно любятъ чистоту; они не могутъ терпѣть на мебеляхъ или платьѣ ни малѣйшаго пятнышка. Отъ природы имѣютъ они воображенїе пылкое, разсудокъ здравый; къ наукамъ прилѣжны; но не смотря на охотное въ нихъ упражненїе, менѣе успѣваютъ въ нихъ, нежели въ Поэзїи. Они имѣютъ умъ изобрѣтательный, мысли высокїя, тонкїя, даже блистательныя. Увѣряютъ, будто они не охотно говорятъ правду. Естьли сїе справедливо, то они совсемъ уже не походятъ на тѣхъ Персовъ, о которыхъ Геродотъ пишетъ въ своей Исторїи, гдѣ сказано, что предки нынѣшнихъ Персовъ тщатель-

но старались учить молодыхъ людей ѣздить верьхомъ, стрѣлять изъ лука и говорить правду. Дружба между Персами продолжительна и неизмѣнна. Они предпочитаютъ ее самымъ тѣснымъ связямъ крови. Естьли судить объ нихъ по нѣкоторымъ поступкамъ, то почтешь ихъ истинными друзьями цѣломудрія: но это одна наружность; въ Персіи, выключая Ардебита, нѣтъ ни одного такого города, въ которомъ не было бы домовъ разврата, покровительствуемыхъ самимъ Правительствомъ.

У Персовъ столъ бываетъ всегда посредственной и неизобильной. Кто не пьетъ одной воды, тотъ примѣшиваетъ въ нее уксусъ. Магометанскій законъ имъ строго запрещаетъ употребленіе вина: нѣкоторые, не смотря на то, пьютъ его безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, думая, что сей грѣхъ имъ простится, естьли только они не будутъ дѣлать вина сами. Между Персами употребленіе опіума самое обыкновенное, также и табаку, которой всѣ или курятъ, или нюхаютъ.

Здѣсь всякой молодой человѣкъ, желающій вступить въ бракъ, долженъ напередъ черезъ другихъ освѣдомиться о душевныхъ и тѣлесныхъ качествахъ из-

бираемой имъ невѣсты. Самъ женихъ никакъ не можетъ ее видѣть. Узнавъ о достоинствахъ ея, онъ тотчасъ чрезъ друзей открываетъ ей свое желанїе, и проситъ ея руки. Естьли женихъ невѣстѣ нравится, то, не теряя времени, начинаютъ договариваться о приданомъ, даваемомъ со стороны отца и матери жениховыхъ. Сїе приданое состоитъ въ серебрѣ, которое за нѣсколько дней предъ свадьбою отсылаютъ къ невѣстинымъ родителямъ, въ награду за попечительность, съ какою они воспитывали дочь свою. Въ это же время уговариваются объ извѣстной суммѣ денегъ, или извѣстномъ количествѣ шелку, принадлежащемъ женѣ въ случаѣ развода.

Персы теперь уже не поручаютъ женьщинамъ воспитанїя своихъ дѣтей. Отцы не отлучаютъ ихъ отъ себя до четырехъ или до пяти лѣтъ, какъ бывало прежде. Теперь не учатъ молодыхъ людей ни стрѣлять изъ лука, ни ѣздить верьхомъ; но вмѣсто того посылаютъ ихъ въ школы, гдѣ учатся они читать и писать. Въ Персїи не найдете вы человѣка, который не зналъ бы и того и другаго. Здѣшнїя мечети служатъ въ одно время и молитвенными домами и школами. Въ Персїи всѣ вообще пишутъ на колѣнѣ.

Сїе происходитъ отъ того, что здѣсь не знаютъ употребленїя ни стульевъ, ни столовъ. Персидская бумага дѣлается обыкновенно изъ шелковыхъ или бумажныхъ лоскутьевъ — чернила употребляются самыя густыя.

Персы говорятъ на своемъ собственномъ языкѣ, который имѣетъ великое сходство съ языкомъ Арабскимъ, но совсѣмъ не походитъ на Турецкое нарѣчїе. Въ Персидскомъ языкѣ много словъ иностранныхъ, какъ-то Нѣмецкихъ и Латинскихъ, отъ чего ему очень легко можно научиться — тѣмъ болѣе, что въ немъ почти совсѣмъ нѣтъ неправильныхъ глаголовъ; но произношенїе чрезвычайно трудно, ибо всѣ почти слова произносятся горломъ. Весьма многїе изъ Персовъ, вмѣстѣ съ своимъ языкомъ, учатся Турецкому, который при здѣшнемъ Дворѣ въ столь великомъ употребленїи, что рѣдкаго можно услышать царедворца, который бы говорилъ языкомъ своей страны. Персы занимаются Философїею, учатся Медицынѣ, Ариѳметикѣ, Геометрїи, Краснорѣчїю, Поэзїи, Физикѣ, нравственной Философїи, Астрономїи, Астрологїи и Правовѣденїю. Гимназїи или Университеты, въ которыхъ преподаютъ сїи науки, называются Медресками.

Персы исповѣдаютъ законъ Магомета. Не смотря на то, нѣкоторые послѣдователи сего Пророка называютъ ихъ еретиками. Главное несогласїе состоитъ въ признанїи Магометова преемника. Персы почитаютъ имъ *Алїя ;* Турки *Омара.* Отъ сего и тѣ и другїе различно толкуютъ Алкоранъ, священную книгу Магометову ; отъ сего равнымъ образомъ и въ томъ и въ другомъ народѣ обряды богослуженїя различны. Персы всегда смѣются надъ тѣмъ суевѣрнымъ почтенїемъ, какое Турки оказываютъ зеленому цвѣту.

И нынѣ въ Персїи находятся потомки древнихъ ея народовъ, которые, отвергнувъ Магомета, соблюли вѣру отцевъ своихъ. Но сїи бѣдные нещастливцы, сохранивъ древнїй прародительскїй законъ, не сохранили ни древнихъ познанїй, ни древней силы. Теперь они стенаютъ подъ игомъ рабства. Имъ всѣмъ вообще запрещено учиться свободнымъ наукамъ. Поздные потомки славныхъ предковъ говорятъ стариннымъ Персидскимъ языкомъ — почеркъ ихъ письма тотъ же, каковъ былъ у ихъ отцевъ ; нынѣшнїе Персы ихъ называютъ Гьебрами — идолопоклонниками. Сей упрекъ на нихъ падаетъ потому, что они кланяются солнцу и огню ; впрочемъ у Гвебровъ нѣтъ никакихъ идоловъ : они гнушаются тѣми,

кто воздаетъ имъ Божеское поклоненїе. Гвебры благоговѣютъ предъ солнцемъ потому, что послѣ человѣка почитаютъ его совершеннѣйшимъ творенїемъ, и еще потому, что Богъ, по словамъ ихъ, на немъ основалъ непомрачаемый престолъ Своего могущества. Гвебры воздаютъ также почтенїе огню: сїе дѣлаютъ отъ того, что считаютъ его чистѣйшею стихїею.

Въ Персидскомъ Государствѣ правленїе деспотическо-Монархическое; воля Монарха принимается здѣсь за священный, непремѣнный законъ. Нѣкоторые Писатели послѣднихъ Государей Персїи называютъ *Софїями.* Здѣсь верховная власть наслѣдственная. Преемниками Государя бываютъ обыкновенно законные его дѣти. За неимѣнїемъ ихъ возводятъ на престолъ сыновей, прижитыхъ имъ отъ наложницъ. Но естьли Государь не оставляетъ по себѣ совершенно ни одного наслѣдника, то выборъ падаетъ на ближайшаго родственника съ отцовской стороны. Здѣшнїе Принцы крови самые бѣдные и самые нещастные люди; но сыновья Государей еще нещастнѣе. Они живутъ въ Сералѣ, какъ въ ужасной темницѣ, и при жизни отца своего никогда, ни куда не выходятъ. Всякой Государь, всходя на престолъ, лишаетъ зрѣнїя своихъ братьевъ, опасаясь найти въ нихъ соперниковъ.

При Персидскомъ Дворѣ знатныя духовныя Особы въ самомъ великомъ уваженіи. Они бываютъ главными Государственными Чиновниками, первенствуютъ въ Совѣтѣ, въ публичныхъ торжествахъ и при аудіенціяхъ, Монархомъ даваемыхъ Министрамъ иностранныхъ Государей.

Въ Персіи шесть Государственныхъ Министровъ; ихъ называютъ *Рона Дувлетами* — столпами, поддерживающими Имперію. Первый есть не что иное, какъ Великій Турецкій Визирь, называемый *Атема-Дувлетомъ* — опорою Государевой власти. *Атема-Дувлетъ* по сану своему предсѣдательствуетъ въ Верьховномъ Совѣтѣ, даетъ всѣмъ судъ и расправу, разпоряжаетъ Государственными доходами, иностранными дѣлами и торговлею; пенсіоны и другія Царскія милости раздаются единственно по его предписанію. *Атема-Дувлету* подчинены шесть Визирей, его Совѣтниковъ, которые съ нимъ присудствуютъ на всѣхъ торжествахъ и на всѣхъ публичныхъ аудіенціяхъ. Второй — главный военный Чиновникъ, который почитается такимъ не потому, чтобы предводительствовалъ войскомъ противъ непріятеля: Персидскій Монархъ для сего назначаетъ всегда другаго Полководца; но потому, что начальствуетъ кавалерійски-

ми полками, охраняющими предѣлы Государства. Его называютъ *Кюрчи-Баши*. Третій Министръ начальствуетъ надъ придворными невольниками, или, лучше сказать, надъ тѣми знатными людьми, которые окружаютъ Государя и называютъ себя его рабами; ему имя *Кулеръ-Агаси*. Четвертый — Начальникъ пѣхоты, управляющій стражею, охраняющею особу верховнаго Властителя; его называютъ *Туфектчи-Агаси*. Пятый — главный Смотритель артиллеріи; у сего во власти четыре тысячи человѣкъ, управляемыхъ четырьмя Полковниками, которые всегда сопутствуютъ въ торжественные дни Государю; его называютъ *Толчи-Баши*. Шестой и послѣдній Министръ юстиціи. Въ Персидскомъ Государствѣ всѣ его повелѣнія исполняются въ самой точности. Сей Министръ имѣетъ столь великую силу, что можетъ перевершать тѣ самыя дѣла, которыя за нѣсколько времени были уже рѣшены Губернаторами. — Здѣсь при Дворѣ еще много другихъ Чиновниковъ; но я объ нихъ не упоминаю — скажу только то, что вся Персія у Государя въ такой полной и неограниченной власти, какъ бы она была его непричастная собственность. Ежели Вельможи владѣютъ землями, то сіе зависитъ единственно отъ ихъ Властителя,

который можетЪ ихЪ жаловать, и отнимать, когда захочетЪ. ДѢти послѢ отцевЪ своихЪ имѢнїемЪ наслѢдуютЪ по одному благоволѣнїю Монарха. Персидскїй Государь доходы свои получаетЪ изЪ трехЪ источниковЪ: сЪ подданныхЪ, сЪ земель и сЪ товаровЪ.

Персидскїй МонархЪ содержитЪ большее число войска, нежели нѢкоторые нынѢшнїе Короли Европы. Сего требуетЪ обширность его владѢнїй, и необходимость укрощать сосѢдственные народы Магометанскаго исповѢданїя, но противной сЪ Персами секты. Не считая гарнизоновЪ, разставленныхЪ во внутренности Государства, вЪ Персїи сила кавалерїйскаго войска сЪ Королевскою стражею простирается до ста пятидесяти тысячь. Войско содержится доходами, получаемыми сЪ приписанныхЪ кЪ нему земель и владѢнїй. Я не говорю ни слова о пѢхотномЪ войскѢ: здѢсь его не содержатЪ, потому что, по словамЪ ПерсовЪ, оно не можетЪ вынести тѢхЪ трудностей, какїя могутЪ встрѢтиться вЪ здѢшнихЪ дикихЪ степяхЪ и высокихЪ горахЪ. ВЪ Персїи артиллерїя по сей же причинѢ не вЪ употребленїи. Она ненужна для защищенїя городовЪ, неимѢющихЪ вокругЪ себя стѢнЪ или земляныхЪ валовЪ: равнымЪ

ѡбразомъ не нужна и для защищенія нѣкоторыхъ пограничныхъ крѣпостей, немогущихъ непріятелю сдѣлать сопротивленія. Персидскій Государь имѣетъ флотъ, но весьма неважный: онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ кораблей на заливѣ Ормскомъ и на моряхъ Арабскомъ и Каспійскомъ. Персы не любятъ мореплаванія; они боятся его такъ много, что почитаютъ тѣхъ безбожниками, которые пускаются въ море и подвергаютъ жизнь свою столь невѣрной стихіѣ.

Персидское Государство было подвержено великимъ переворотамъ. Въ 632 году Калифъ Омаръ покорилъ его подъ власть Сарациновъ. Сіе рабство продолжалось до 1258 лѣтъ, въ которое время страна сія начала процвѣтать подъ скипетромъ собственныхъ своихъ Властителей.

Тамерланъ завоевалъ ее около 1396 году.

Тахмасъ-Кули-Ханъ, овладѣвъ престоломъ, сдѣлался Персидскимъ Государемъ въ 1736 году, подъименемъ *Надиръ-Шаха*.

X.

Извѣстія.

Планъ новаго политическаго образованія Испаніи готовъ, и печатные экземпляры его розданы Членамъ Государственной Юнты. Онъ состоитъ изо 128 пунктовъ, раздѣленныхъ на 12 титуловъ. Сообщаемъ важнѣйшіе. Царствующая Религія въ Испанія должна быть Римско-Католическая. Вмѣстѣ съ нею не можетъ быть терпима никакая другая. — Принцъ Іосифъ Наполеонъ, Король Неаполитанскій, признанъ Королемъ Испаніи и обѣихъ Индій; корона остается въ его Домѣ по тѣхъ поръ, пока будутъ находиться въ немъ наслѣдники мужескаго пола: женскій навсегда исключается изъ наслѣдства. Въ противномъ случаѣ она достается мужеской линіи Императора Наполеона; потомъ мужеской линіи Короля Голландскаго; потомъ Короля Вестфальскаго; потомъ владѣетъ ею старшій сынъ старшей дочери Короля, рожденный при его жизни. Послѣднее можетъ случиться только тогда, когда Король, имѣющій право назначать наслѣдниками и другихъ своихъ внуковъ, не сдѣлаетъ другаго расположенія въ своей духовной. Сіе опредѣленіе Короля должно быть подтверждено *Кортесами* (Cortez , Государ-

ственные Чины). — Корона Испанїи не можетъ быть соединена ни съ какою другою. Король, вступая на престолъ, клянется на Евангелїи, въ присутствїи Кортесовъ, сохранять *Религїю, собственность и свободу Испанцевъ, и всегда имѣть въ виду одно благо Испанїи.* — Несовершеннолѣтїе Короля простирается до 18 лѣтъ: до сего возраста управляетъ Государствомъ Регентъ, который долженъ быть не моложе 25 лѣтъ. Король *самъ* назначаетъ послѣ себя Регента, избираемаго изъ Инфантовъ, или изъ отдаленныхъ родственниковъ Королевскихъ. — Регентъ пользуется 4 ю долею Королевской власти: въ Совѣтѣ его рѣшенїе дѣлъ происходитъ по большинству голосовъ. — Регентъ не имѣетъ никакого влїянїя надъ Особою Короля, который долженъ находиться подъ опекою матери своей, или одного изъ Принцевъ, избираемыхъ для сего самимъ Королемъ. — Министры составляютъ Совѣтъ опеки, и смотрятъ за воспитанїемъ Государя. — Всѣ принадлежавшїе доселѣ Королю Замки остаются подъ его владѣнїемъ; но естьли годовой доходъ, собираемый съ нихъ, не составляетъ полнаго милїона пїастровъ, то къ нимъ должны быть причислены другїя помѣстья для дополненїя сей суммы; сверхъ того Король получаетъ изъ Государст-

венной казны два милліона піастровъ. Принцы Королевскаго Дома, вступивъ на 12-лѣтній возрастъ, получаютъ: Кронъ-Принцъ 200,000, Инфанты 100,000 а Инфантины 50,000 піастровъ ежегоднаго доходу. Вдовствующей Королевѣ назначается 400,000 піастровъ. — При Дворѣ должны находиться 6 Великихъ Офицеровъ; сверхъ того 8 Министровъ, именно: юстиціи, духовныхъ, иностранныхъ и внутреннихъ дѣлъ, морской, военный, обѣихъ Индій и и всеобщей Полиціи. — Сенатъ составляютъ всѣ Инфанты, и еще 24 Чиновника, назначаемые Королемъ. — Подъ вѣденіемъ Сената находятся двѣ Сенатскія Юнты, состоящія каждая изъ 5 Членовъ, которыхъ главная обязанность, хранить личную независимость народа и наблюдать за свободнымъ печатаніемъ книгъ. Но сіи двѣ Юнты будутъ учреждены только тогда, когда совершится два года по утвержденіи новой конституціи. — Король есть Президентъ Государственнаго Совѣта, который долженъ состоять не менѣе какъ изъ 30, и не болѣе какъ изъ 60 Членовъ. — *Кортесы* или Государственная Юнта состоитъ изъ 150 Членовъ, имянно изъ 25 Архіепископовъ и Епископовъ, 25 Дворянъ, называемыхъ *Грандами Кортесовъ*, и изъ 100 Депутатовъ народныхъ, изъ которыхъ 40 избираются провинціями, 30ю знат-

нѣйшими городами, 15ю Учеными и 15ю изъ Купечества. — Ни одинъ изъ Дворянъ не можетъ быть наименованъ Грандомъ, не имѣвъ 20,000 піастровъ доходу и не отличивъ себя напередъ важными услугами Государству. — 300,000 человѣкъ составляютъ Избирательный Округъ, и назначаютъ Депутата Провинціи. — Кортесы собираются по повелѣнію Короля; не имѣютъ однако публичныхъ засѣданій, и не должны открывать того, что происходитъ въ продолженіе оныхъ: такое открытіе почитается возмущеніемъ, или измѣною. — Кортесы имѣютъ право подавать Королю, черезъ Депутатовъ, жалобы на Министровъ; жалобы сіи разсматриваются Коммисіею, состоящею изъ Государствен. Совѣтниковъ и 6 Членовъ Кастильскаго Совѣта. — Колоніи какъ Азіатскія, такъ и Южно-Американскія получаютъ *всѣ права отечественной земли*, и имѣютъ въ Государственной Юнтѣ 20 Депутатовъ, отправляющихъ 8 лѣтъ свое званіе. — Вся Испанія должна быть управляема *одинакими гражданскими законами* — всѣ тяжбы сначала должны быть предлагаемы на разсмотрѣніе *Судьѣ мира*, который старается примирить соперниковъ; въ случаѣ неуспѣшнаго посредничества, дѣло идетъ сперва въ Инструкціонный Сенатъ, потомъ въ Апелляціонный, потомъ въ

Ревизорїумъ, который одинъ какъ для Испанїи, такъ и для обѣихъ Индїй. — Уголовныя дѣла рѣшатся публично Присяжными: одинъ Король имѣетъ право прощать. — Между Испанїею и Францїею заключается наступательный и оборонительный союзъ, какъ на сухомъ пути, такъ и на морѣ. — Иностранцы, оказавшїе Государству важныя услуги, или отличные какимъ нибудь полезнымъ дарованїемъ, или покупающїе въ Испанїи помѣстья, получаютъ право гражданства. — Ни одинъ изъ жителей Испанїи не можетъ быть взятъ подъ стражу безъ повелѣнїя Правительства: въ темницѣ имѣетъ онъ право допускать къ себѣ и родственниковъ и знакомыхъ; но и Судилище имѣетъ такое же право прекратить сїи свиданїя, или воспрепятствовать имъ въ случаѣ нужды. — Однимъ природнымъ Испанцамъ могутъ быть поручаемы гражданскїя или духовныя должности. — Новая конституцїя должна быть приведена въ дѣйствїе *мало помалу*, но такъ, чтобы къ 1812 году была она въ полной уже силѣ. Черезъ *два года потомъ* Кортесы издадутъ законъ о введенїи свободнаго печатанїя книгъ. Кортесы должны имѣть первое собранїе свое 1820 года, и тогда рѣшено будетъ, какїя перемѣны потребно сдѣлать въ сей новой, вводимой въ Испа-

нїю конституцїи. — Сь 27 Іюня начались между Членами Государственной Юнты разсужденїя о пунктахь предложеннаго плана: скоро узнаемь рѣшительное ихь слѣдствїе.

*

Слухи носятся, что Австрїйскїй Императорь, вь замѣну Трїэста, Фїума и всѣхь своихь пристаней на Адрїатическомь морѣ, должень получить тѣ провинцїи, которыя принадлежали древней Македонїи. Курьеры безпрестанно ѣздять изь Вѣны вь Парижь и изь Парижа вь Вѣну. Говорять, что Австрїйская армїя раздѣлена будеть на 5 лагерей, и что вся Австрїя вооружается поголовно. Быстрый отьѣздь Эрцгерцога Іоанна кь Императору вь Линць, явленїе Французскихь лагерей вь Фрїулѣ, и Вицероя Италїйскаго вь сѣверныхь департаментахь Италїи; отбытїе Австрїйскаго Посланника изь Минхена вь Вѣну, и Баварскаго изь Вѣны вь Минхень, подають поводь кь размышленїямь и разнымь догадкамь.

*

Посланникь Персидскаго Шаха Фетали, ѣдущїй во Францїю, останавливался вь Вѣнѣ, и обѣдаль у Французскаго Посланника, у котораго тогда находился весь Дипломатическїй Корпусь. Онь родственникь Шаха, и между прочими подар-

ками везетъ къ Наполеону двѣ *Тамерлановы* сабли. Передъ обѣдомъ и послѣ обѣда курилъ онъ табакъ и пилъ кофе. Руской Посланникъ, Князь *Куракинъ*, сидѣлъ за столомъ съ нимъ рядомъ: и Его Персидское Высочество, въ знакъ вниманія, положилъ своеручно на тарелку Князя нѣсколько макароновъ. Во время обѣда играла Персидская музыка. Посланникъ очень много занимался женщинами, и съ любопытствомъ разсматривалъ ихъ головные уборы, до которыхъ дотрогивался руками; вдругъ у одного изъ предстоявщихъ онъ выдернулъ шпагу, посмотрѣлъ на ея клинокъ, и потомъ возвратилъ ее назадъ. Чиновники его *ползали* по саду, нюхали цвѣты, и морщились, когда въ иныхъ находился непріятный запахъ. На другой день Посланникъ оставилъ Вѣну.

31 *Іюля*.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

АВГУСТЪ, 1803.

№ 16.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Отрывокъ изъ рукописи.

(О Французскихъ Проповѣдникахъ.)

До царствованія Лудовика XIV во Франціи не имѣли понятія объ истинномъ краснорѣчіи. Проповѣдники ссылались на Овидія и Сенеку; судебные ораторы выписывали мѣста изъ твореній Св. Іеронима и Св. Августина. Шутовскія нелѣпости, соблазнительныя описанія, дурачества всякаго рода, безъ разбору помѣщаемы были въ церковныхъ поученіяхъ, и Французы въ пятнадцатомъ и шестнадцатомъ столѣтіяхъ отличались не одними только праздниками дураковъ, но и страннымъ своимъ витійствомъ. Доминиканской монахъ Барлетъ, въ пятнадцатомъ столѣтіи процвѣтавшій, начиналъ періоды свои Французскими словами,

продолжалъ Латинскими, оканчивалъ Греческими. За текстомъ, изъ книгъ Моисеевыхъ почерпнутымъ, тотчасъ у него слѣдуетъ стихъ изъ Виргилія. Давида ставитъ онъ подлѣ Геркулеса. Желая, на примѣръ, изъяснить, почему Духъ Святый умедлилъ снити на землю, проповѣдникъ говоритъ: сіе сдѣлано отъ опасенія, чтобы и съ нимъ также не поступили, какъ съ Сыномъ Божіимъ, и проч. И Езоповы басни попадаются часто въ духовныхъ его поученіяхъ. Не смотря на то, сей мнимый витія почитался украшеніемъ своего вѣка. Вошло въ обычай говорить: nescit praedicare, qui nescit barletare, *кто проповѣдуетъ не такъ какъ Барлетъ, тотъ проповѣдывать не умѣетъ*, и поучительныя слова его болѣе двадцати разъ были напечатаны. Мальяръ, Докторъ Богословіи (*), также славный проповѣдникъ и любимецъ многихъ Особъ вѣнчанныхъ, кажется, превзошелъ и самаго отца Барлета. Онъ поминутно предаетъ слушателей своихъ всѣмъ діаволамъ. Jnvito vos ad omnes diabolos . . . ad omnes diabolos talis modus agendi. Надобно думать, что современники его утопали въ развратѣ; ибо проповѣдникъ сей весьма часто говоритъ о тѣлесной нечи-

(*) Умершій 1502 года въ Тулузѣ.

стотѣ, укоряетъ ею служителей олтаря и употребляетъ при томъ слова самыя неблагопристойныя. Есть печатная проповѣдь его гдѣ на краю строчекъ во многихъ мѣстахъ написано: *гемъ, гемъ!* это значитъ, оратору тутъ надлежало кашлять. Хотите ли еще узнать объ отцѣ Мено (*)? Охотники берегутъ проповѣди его какъ рѣдкое ума человѣческаго произведенїе. Въ нихъ господствуетъ странная смѣсь важнаго съ забавнымъ, священнаго съ мїрскимъ, высокихъ истинъ Евангельскихъ съ отвратительными нелѣпостями. „Кардинальская шапка — говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ — нашпикована епископствами; епископства нашпикованы аббатствами и прїорствами; все же сїе нашпиковано дїаволами." Самымъ лучшимъ изъ всѣхъ словъ его почитается проповѣдь *о спасенїи*. Вотъ ея начало: Honorable, et à mon ſens, dévot auditoire! Si desideramus omnes salvare animas noſtras, debemus esse imitatores ecclesiae, quae prolando facit les obsèques primorum parentum noſtrorum Adae et Evae, qui fuerunt privati et banniti ex paradiso terreſtri и проч. Видите, что было бы очень трудно перевести сїе краснорѣчивое начало, не исказивъ подлинника. Пропо-

(*) Францисканской монахъ, умершїй 1518 года.

вѣди мятежныхъ временъ при Генрихѣ III ознаменованы грубостїю и кровавою жестокостїю, которыя наконецъ исчезли, когда законная власть возстановила порядокъ въ обществѣ, и когда успѣхи просвѣщенїя распространились.

Въ словахъ Ленжанда и Сенольта, проповѣданныхъ въ царствованїе Лудовика XIII, появились признаки хорошаго вкуса и краснорѣчїя. Уже не было въ нихъ ни хвастливой учености, ни безполезныхъ ссылокъ на свѣтскихъ писателей, ни странной расточительности пїитическаго воображенїя, ни шуточныхъ нелѣпостей, ни грубыхъ описанїй, словомъ, церковное краснорѣчїе приближилось къ той степени важности, которая прилична Евангельскому ученїю. Ленжанду подражали знаменитые Ораторы, и превзошли его въ своихъ творенїяхъ. Надгробное слово, произнесенное надъ Савойскимъ Дюкомъ, Карломъ Еммануиломъ, содержитъ въ себѣ красоты столь разительныя, что Флешье осмѣлился взять изъ него цѣлой приступъ и многїя мѣста, которыми украсилъ знаменитое свое надгробное слово Тюренню. Ленжандова рѣчь давно уже забыта; сочиненїе Нимскаго Епископа признано за образцовое.

Iезуитъ Бурдалу прежде всѣхъ установилъ ровной ходъ краснорѣчїя, или, какъ Лагарпъ говоритъ поправляя Вольтера, онъ первой проповѣдывалъ въ церкви гласомъ разума всегда краснорѣчиваго, и погрѣшности своихъ современниковъ замѣнилъ истиннымъ витїйствомъ; научилъ ихъ важности, приличной священному служенїю, и постоянно выдерживалъ ее во всѣхъ проповѣдяхъ своихъ; не любилъ ссылаться на языческихъ писателей, и не гонялся за блестящими мѣлочами. Будучи напитанъ духомъ Евангелїя и ученїемъ книгъ церковныхъ, онъ предлагаетъ слово свое основательно, въ расположенїи частей наблюдаетъ строгой порядокъ, и проникаетъ въ самую глубину Христїянскаго закона. Его доказательства сильны, ходъ правильной и смѣлой, выводимыя слѣдствїя всегда ясны, всегда поучительны. Недостаетъ только движущей силы, убѣдительности и красиваго выраженїя. Бурдалу единственно заботится о доказательствахъ, и не думаетъ о возбужденїи страстей, о тѣхъ движенїяхъ, которыя внезапно потрясаютъ слушателя. Правильной, однообразной порядокъ разсужденїй течетъ какъ величественная рѣка, но течетъ медленно и тихо.

Бурдалу покоряетъ разумъ, слабо дѣйствуя на сердце и воображенїе. Онъ за

служиваетъ титло болѣе превосходнаго богослова, ученаго наставника, нежели сильнаго витїи. Не буду приводить здѣсь пышныхъ, и можетъ быть излишне приписываемыхъ, похвалъ сему знаменитому проповѣднику; но также не сошлюсь и на Вольтера, которой, вопреки всѣмъ, доводы его называетъ слабыми: легко можетъ статься, что доводы, слабые для Вольтера, весьма сильны для людей, почитающихъ вѣру своихъ предковъ. Лудовикъ XIV любилъ отца Бурдалу, и охотнѣе слушалъ его повторенїя, нежели новыя мысли кого-либо другаго; почему и называли сего Iезуита *Королемъ проповѣдниковъ* и *проповѣдникомъ Королей.* Изъ множества хорошихъ его поученїй лучшими признаны слова о *Зачатїи*, о *Страсти* и о *Воскресенїи.* Есть краснорѣчивыя проповѣди, которыхъ главное достоинство состоитъ въ искусномъ расположенїи цѣлаго состава, и которыхъ слѣдственно въ отрывкахъ предлагать не можно. Таковы проповѣди сего Iезуита. Желающїе получить отъ нихъ пользу да посвятятъ нѣсколько часовъ на прочтенїе упомянутыхъ.

Въ поученїяхъ отца Шемине, другаго Iезуита, по свидѣтельству Лагарпа, есть много прїятнаго. Искусное произне-

шенїе помогло ему прославиться на нѣсколько времени; по напечатанїи сочиненїй его, любители словесности перемѣнили свое мнѣнїе, и проповѣди отца Шемине, отца Бретонно и другихъ современниковъ ихъ преданы забвенїю. Боссюэтъ и Флешье, знаменитые надгробными словами, далеко отстали отъ Бурдалу и еще далѣе отъ Массильйона, который помрачилъ всѣхъ своихъ предшественниковъ.

Боссюэтъ выступилъ на поприще прежде Iезуита Бурдалу. Въ первыхъ проповѣдяхъ его уже оказалось то паренїе, которымъ сей церковный витїя напослѣдокъ прославился въ *Словахъ надгробныхъ* и въ *Разсужденіи о всемірной Исторіи.* Явился Бурдалу: Боссюэта перестали называть первымъ проповѣдникомъ; но ему предлежалъ другой путь ко славѣ. Боссюэтъ, оставивъ проповѣди, единственно занялся надгробными словами. Сей родъ краснорѣчїя, требующїй почти стихотворнаго величїя и важности, богатаго и пылкаго воображенїя, гораздо болѣе соотвѣтствовалъ дарованїю Боссюэта. Приведемъ однакожъ нѣсколько примѣровъ, чтобы показать, какую пользу извлечетъ для себя любитель словесности, читая даже посредственныя сочиненїя знаменитыхъ писателей.

Вотъ нѣкоторыя мѣста изъ поученія о смерти. *Пріиди и виждь!* Симъ Евангельскимъ изреченіемъ начинается проповѣдь. Іисуса Христа приглашаютъ ко гробу, въ которомъ положено Лазарево тѣло. Два начальныя слова даютъ поводъ Боссюэту говорить о нравоучительной истинѣ всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ, объ истинѣ, которою столько занимались Платоны, Сократы и Цицероны, сколько Христіянскіе Златоусты. Какія мысли должны родиться въ читателѣ при самомъ началѣ приступа!

,,Странная слабость человѣческаго разума! онъ никогда не видитъ смерти, между тѣмъ какъ смерть со всѣхъ сторонъ и въ многоразличныхъ видахъ ему представляется. При погребеніи обыкновенно слышимъ слова удивляющихся, что смертный человѣкъ умеръ. Каждой воспоминаетъ, какъ давно говорилъ съ покойникомъ, о чемъ именно съ нимъ бесѣдовалъ; и вотъ онъ уже во гробѣ! Таковъ жребій человѣка! возглашаютъ присутствующіе. И тотъ, кто сіе произноситъ, есть также человѣкъ; и сей человѣкъ ни о чемъ не печется, забываетъ о концѣ своемъ. Если же въ немъ иногда раждается минутное желаніе приготовить себя къ смерти; онъ тотчасъ разгоняетъ мрачныя мысли,

ю, что смертные не съ мень- ...шностїю подавляютъ мысли ...ичинѣ, какъ и тѣла умершихъ ...иъ погребенїю.“

Самое, говорю, начало приступа уже ...окоряетъ душу, располагаетъ ее къ благочестивому вниманїю, и наполняетъ почтительнымъ страхомъ къ грозному слову. Скажутъ, что въ слѣдующемъ предложенїи затѣйливая натяжка не у мѣста: „При погребенїи обыкновенно слышимъ слова удивляющихся, что *смертный человѣкъ умеръ*.“ Еслибъ мы въ самомъ дѣлѣ не изъявляли сего удивленїя; то подборъ словъ *смертный умеръ*, и противоположность между удивленїемъ и тѣмъ что не заслуживаетъ удивленїя по справедливости причислить надлежало бы къ тѣмъ блесткамъ, которыя у остряковъ почитаются украшенїемъ, и которыя въ поучительныхъ словахъ не должны быть терпимы. Но здѣсь противныя вещи, такъ сказать, сближились сами.

Первая часть начинается слѣдующимъ образомъ: „Сказать людямъ, что они очень мало значатъ, есть отважное предпрїятїе.“ Кто были слушатели Боссюэтовы? Какимъ людямъ проповѣдникъ намѣренъ изъяснить, что они значатъ очень

мало? Всему Двору Лудовика XIV, и самому Королю Французскому — людямъ неутомимо ищущимъ славы и привыкшимъ высоко цѣнить всѣ выгоды житейскія, а особливо породу и знатность.

„Что значитъ сто лѣтъ? — продолжаетъ витія — что значитъ тысяча лѣтъ, когда одно мгновеніе уничтожитъ ихъ? Пусть жизнь ваша уподобится долготою жизни еленей и вороновъ, которыхъ Баснословіе и Естественная Исторія заставляютъ жить по нѣскольку столѣтій; пусть долгота дней вашихъ сравнится съ вѣкомъ сихъ дубовъ высокихъ, подъ коими предки наши почиваютъ, и которые подъ тѣнью своею будутъ прохлаждать нашихъ потомковъ; соберите для сего обширнаго промежутка времени всѣ почести, всѣ богатства, всѣ утѣхи: къ чему послужитъ вамъ сіе, когда отъ послѣдняго вздоха смертнаго, сего вздоха слабаго и уже изнемогшаго, все пышное зданіе мгновенно упадетъ, какъ падаетъ бумажной домикъ, суетная утѣха младенцевъ? Къ чему послужитъ, что вы такъ много писали въ книгѣ сей, и страницы ея покрыли красивыми буквами, когда однимъ почеркомъ всѣ труды ваши изгладятся? Что я говорю? Въ книгѣ по крайней мѣрѣ останутся нѣкоторые слѣды

бытїя, по крайней мѣрѣ признакъ самаго почерка; а сїя послѣдняя минута, которая мгновенно изгладитъ всю жизнь вашу, съ добычею своею погрузится въ бездонной пучинѣ ничтожества; никакихъ слѣдовъ, никакихъ признаковъ на землѣ послѣ насъ не останется. Плоть превратится въ вещество другаго рода; тѣло получитъ другое наименованїе; даже и трупомъ оно будетъ называться не долго. Оно превратится, говоритъ Тертуллїанъ, въ нѣчто такое, чего назвать не умѣю, и для чего ни на какомъ языкѣ нѣтъ имени. Такъ, слушатели! все умретъ съ нимъ, даже и тѣ слова похоронныя, которыми назывались бѣдные сїи остатки.“

Въ проповѣдяхъ Боссюэтовыхъ, по свидѣтельству самыхъ критиковъ Французскихъ, есть много неисправностей. Странно, что сочинитель одной Французской Риторики удивляется нѣкоторому, по его мнѣнїю, красивому выраженїю, а именно, гдѣ Боссюэтъ называетъ рожденїе младенцовъ *безпрерывнымъ рекрутскимъ наборомъ человѣческаго рода.*

Каждой писатель получаетъ свою долю; и витїи и стихотворцы не бываютъ знамениты по всѣмъ родамъ сочиненїй. Боссюэтъ былъ посредственнымъ проповѣд-

никомъ; Массильйонъ былъ посредственнымъ панигиристомъ. Французы сравнивая Бурдалу съ Массильйономъ, называютъ одного Корнелемъ, другаго Расиномъ; одного Димосѳеномъ, другаго Цицерономъ. Оставляя безполезныя усилїя охотниковъ до сравненїй, скажемъ вмѣстѣ съ Лагарпомъ, что Массильйонъ и по числу, и по разнообразїю, и по превосходству своихъ сочиненїй стоитъ выше всѣхъ проповѣдниковъ Французскихъ, какъ прежде, такъ и послѣ его жившихъ. Прекрасной слогъ, плѣняющее доброгласїе, отборныя слова, проникающїя въ самое сердце, или печатлѣющїяся въ воображенїи; сила и кротость, важность и нѣжная прїятность, гроза и утѣшительное умиленїе; чудесное обилїе въ изъясненїи неизвѣстныхъ истинъ; искуство достигать до сокровеннѣйщихъ сгибовъ сердца человѣческаго, удивлять его, приводить въ недоумѣнїе; подробно описывать самыя обыкновенныя слабости сердца, но описывать новымъ способомъ; ужасать его и утѣшать попеременно; бросать громовыя стрѣлы и ободрять устращенныхъ; Евангельскую строгость смягчать всѣмъ что добродѣтель ни имѣетъ въ себѣ самаго любезнаго; весьма удачныя ссылки на Священное Писанїе и Отцовъ церковныхъ; убѣдительность увлекающая сердца, самовластно го-

сподствующая надъ ними, но такимъ образомъ, что слушатель безъ прекословія дозволяетъ управлять собою: вотъ причины, по которымъ ставятъ Массильйона въ числѣ весьма немногихъ, великихъ ораторовъ; вотъ почему, даже люди неимѣющіе довѣрія къ его ученію, уважаютъ въ немъ даръ витійства. Когда Массильйонъ, еще будучи священникомъ Ораторіи, въ первую чреду свою Филиппова поста, проповѣдывалъ въ Версальи при Дворѣ Лудовика XIV, сей государь сказалъ въ похвалу ему слѣдующее: „Честный отецъ! я слушалъ великихъ проповѣдниковъ, и былъ весьма доволенъ ими; слушая васъ каждой разъ бываю весьма недоволенъ собою.“

Поученія, въ Филипповъ постъ и въ Четыредесятницу проповѣданныя, и содержащіяся въ пяти томахъ, почти всѣ принадлежатъ къ образцовымъ твореніямъ. Въ одной изъ первыхъ витія удивительно описываетъ смерть грѣшника. Посмотримъ на сію картину величественную и ужасную.

„Тогда умирающій грѣшникъ, находя въ воспоминаніи о прошедшемъ только мучительное раскаяніе, во всемъ, что взорамъ его ни представляется, только печальные предметы, въ мысли о будущемъ

только ужасы; не зная къ кому прибѣгнуть, къ тварямъ ли, которыя оставляютъ его, къ мiру ли, которой исчезаетъ предъ нимъ, къ людямъ ли, которые не могутъ избавить его отъ смерти, къ Творцу ли, Котораго почитаетъ явнымъ врагомъ своимъ, и отъ Котораго не надѣется помилованiя, онъ предается ужасамъ собственной души своей, терзается муками, усиливается бѣжать отъ смерти, уже держащей его въ хладныхъ своихъ объятiяхъ, или по крайней мѣрѣ усиливается бѣжать отъ самаго себя, отъ своей совѣсти. На умирающихъ очахъ его написано нѣчто угрюмое и дикое, означающее страсть изступленiя; изъ глубины томящагося сердца вылетаютъ слова, прерываемыя воздыханiями, почти невразумительныя слова, о которыхъ достовѣрно сказать не можно, отчаянiе ли высылаетъ ихъ, или чувство раскаянiя. Онъ бросаетъ ужасные взоры на Распятаго Бога, и никто угадать не можетъ, страхъ или надежда, любовь или ненависть въ нихъ являются; настаютъ смертныя судороги, и присѣдящiе одру невѣдаютъ, отъ того ли происходитъ сiе, что составъ тѣлесный разрушается, или что духъ чувствуетъ приближенiе свое къ Судiи Неумытному; грѣшникъ тяжко воздыхаетъ, и никому не извѣстно, воспоми-

нанїе ли о злодѣйствахъ исторгаетъ сїи вздохи, или горесть о разлукѣ съ жизнїю. Наконецъ при сихъ тягостныхъ движенїяхъ зѣницы его стоятъ неподвижно, черты измѣняются, лице становится безобразнымъ, блѣдныя уста открываются сами собою, весь жизненной составъ трепещетъ, и симъ послѣднимъ усилїемъ злополучная душа отдѣляется отъ бреннаго тѣла, вопреки, такъ сказать, его желанїю, предается въ руки Бога, и является обнаженная у подножїя грознаго сѵдилища.“

Какая сила! какая разительность! Утверждаютъ, что въ описанїяхъ явленїй величественныхъ и ужасныхъ не можно сохранить постоянной исправности слога; Французскїй подлинникъ пусть служитъ отвѣтомъ: такїе отрывки переводить трудно.

Недавно видѣли мы ужасную картину; посмотримъ теперь, умѣетъ ли Массильйонъ употреблять другїя краски. Возьмемъ мѣсто изъ великопостныхъ его поученїй (*), произнесенныхъ въ присут-

(*) Избранныя проповѣди Массильйоновы переведены на Россїйской языкъ г-мъ Ястребцовымъ. Первая часть, содержащая

ствіи осмилѣтняго Короля Лудовика XV и знатнѣйшихъ Двора его чиновниковъ. Въ сихъ проповѣдяхъ господствуетъ совершенно другой тонъ; содержаніе и слогъ принаровлены къ обстоятельствамъ. Витія разсуждая объ удовольствіи, которое знатные люди находить могутъ въ благотвореніи ближнему, сравниваетъ оное съ другими выгодами ихъ состоянія:

„На какое дѣло употребите знатность вашу и богатство для собственнаго удовольствія? На то ли, чтобы заставить другихъ благоговѣть предъ вами? но тщеславіе скоро утомляется, изнемогаетъ. На то ли, чтобъ управлять людьми и предписывать имъ законы? но въ семъ состоитъ тягостный долгъ, а не забава начальства. На то ли, чтобъ безконечно умножать вокругъ себя число рабовъ и служителей? но сихъ людей скорѣе назвать можно досадными свидѣтелями вашихъ поступковъ, нежели пышнымъ украшеніемъ знатности. На то ли, чтобы жить въ великолѣпныхъ чертогахъ? но созидаемые вами чертоги, по словамъ

въ себѣ великопостныя поученія, уже напечатана, достальныя двѣ печатаются въ С. Петербургѣ по Высочайшему повелѣнію. *К.*

Іова, суть не что иное, какъ пустыня, въ которой заботы и мрачная скорбь вмѣстѣ съ вами поселятся. На то ли, чтобъ выискивать разныхъ родовъ утѣхи? но легко статься можетъ, что пространные чертоги наполнены будутъ утѣхами, изъ коихъ ни одна не займетъ пустоты вашего сердца. На то ли, чтобъ въ избыткѣ богатства ежедневно находить новые способы для удовлетворенія своихъ прихотей? но разнообразіе сихъ способовъ скоро истощается. Надобно начинать снова, и приниматься за то, что скука дѣлаетъ несноснымъ, и что праздность сдѣлала необходимымъ. Употребляйте, сколько угодно, все ваше богатство, всѣ средства власти для наслажденія всѣмъ тѣмъ что ни изобрѣтаютъ гордость и сладострастіе; онѣ покажутъ вамъ радость, но не впустятъ ее въ сердце ваше. Употребитежъ ихъ на содѣланіе счастливыми ближнихъ своихъ; облегчите жизнь тѣхъ несчастныхъ, кои отъ крайняго бѣдствія, можетъ быть, тысячу разъ, подобно Іову, желать принуждены были, чтобы день рожденія ихъ превратился лучше въ вѣчную ночь могилы: тогда почувствуете, сколь выгодно родиться въ знатномъ состояніи; тогда насладитесь истиннымъ удовольствіемъ вашего сана: и сіе-то одно преимущество

заставляетъ ему завидовать. Вся пышность суетная, васъ окружающая, служитъ для другихъ; но удовольствїе отъ благотворительности единственно вамъ принадлежитъ. Все прочее растворено горечью; одно только удовольствїе отъ благотворительности услаждаетъ всякую горечь. Сердечное удовольствїе благотворителя совсѣмъ отлично отъ той радости, какую чувствуетъ получающїй благодѣянїе. Начинайте снова: утѣха сїя неистощима; чѣмъ болѣе находите въ ней сладости, тѣмъ достойнѣе бываете ею воспользоваться. Можно привыкнуть къ своему собственному счастїю, даже можно сдѣлаться нечувствительнымъ къ нему: напротивъ того, виновникъ чужаго счастїя всегда чувствуетъ радость; каждой разъ являемое благодѣянїе наполняетъ душу тихимъ, но сладостнымъ веселїемъ, и сердце, которое твердѣетъ для всѣхъ удовольствїй отъ долговременнаго ихъ употребленїя, здѣсь со дня на день становится болѣе чувствительнымъ.“

Всѣ слова сїи вытекаютъ изъ глубины сердца. Какъ еще любезнѣе представить истину и добродѣтель!

Въ великопостныхъ проповѣдяхъ, произнесенныхъ 1718 году передъ Лудовикомъ XV, Массильйонъ говорилъ о добро-

дѣтеляхъ и порокахъ единственно въ отношеніи къ знатнымъ людямъ, которыхъ судьба поставила управлять другими. Витія тогда имѣлъ уже достоинство Епископа Клермонтскаго. Съ одной стороны Святительской санъ и важность Евангельскаго служителя, съ другой малолѣтство Государя, благопріятствовали той смѣлости, съ которою проповѣдникъ не обинуяся вѣщалъ великія истины предъ лицемъ сильныхъ.

Церковной витія идетъ путемъ, по которому прежде его многіе уже ходили; онъ долженъ говорить о томъ, о чемъ много разъ говорили другіе. Важныя истины сдѣлались отъ того общими мѣстами. Какого же искуства, какого дарованія требуется, чтобы общимъ мѣстамъ симъ дать достоинство новости, чтобы мысли всѣмъ извѣстныя показать въ незнакомой одеждѣ, и чтобы посредствомъ особливаго краснорѣчія, такъ сказать, обмануть внимательность слушателя! Надобно ли говорить о честолюбіи? Массильйонъ проповѣдуетъ отвращеніе отъ сей гибельной страсти своимъ способомъ. Тогда еще помнили во Франціи, какихъ бѣдствій виною были жадность къ завоеваніямъ и тщеславіе Лудовика XIV. Массильйонъ захотѣлъ юному Королю Французскому, преемнику Лудовика XIV, дать

понятїе о честолюбїи государей и славѣ завоевателей. Послушаемъ.

„Таково честолюбїе въ большей части людей подвластныхъ: оно безпокойно, постыдно, несовмѣстно съ правотою. Но, Государь, когда ядъ сей дойдетъ до сердца монарха и заразитъ его; когда самодержецъ, забывъ долгъ свой охранять покой общественный, личную славу предпочитаетъ любви и безопасности ввѣреннаго ему народа; когда желаетъ лучше покорять области, нежели господствовать надъ сердцами; когда онъ мнитъ, что славнѣе истреблять сосѣдовъ, нежели быть отцемъ своего народа; когда горесть и отчаянїе подданныхъ кажутся ему единственною пѣснїю радости, пѣснїю побѣды надъ врагами; когда власть, врученную ему только на тотъ конецъ, чтобы управляемыхъ содѣлать счастливыми, онъ употребляетъ для себя одного, для собственныхъ своихъ выгодъ; словомъ, когда царствуетъ для несчастїя людей и, подобно Царю Вавилонскому, не иначе желаетъ воздвигнуть истуканъ нечестїя, идолъ своего величїя, какъ на слезахъ, на развалинахъ племенъ и народовъ: тогда, о Боже Великїй! тогда посылаешь Ты бичь свой на землю! Сколь злополученъ народъ, надъ коимъ Ты во гнѣвѣ своемъ ставишь такого владыку!“

„Его слава, Государь! всегда будетъ обагрена кровїю. Можетъ быть какой-нибудь безумецъ воспоетъ его побѣды; но области, города и поля оплачутъ оныя: воздвигнутъ огромные памятники, чтобы передать вѣкамъ подвиги его; но дымящїйся пепелъ многихъ городовъ, нѣкогда процвѣтавшихъ, но опустошенїе полей, прежней красоты своей лишенныхъ, но развалины многихъ стѣнъ, подъ коими погребены мирные граждане, но бѣдствїя, которыя переживутъ завоевателя, останутся плачевными памятниками, и засвидѣтельствуютъ передъ потомствомъ о безумномъ его тщеславїи. Онъ протечетъ подобно водамъ, стремящимся на опустошенїе земли, а не такъ какъ величественная рѣка, обилїе и радость несущая; имя его поставлено будетъ между завоевателями въ лѣтописяхъ потомства, но не найдутъ его между добрыми владыками, и на подвиги его ссылаться будутъ только для того, чтобы воспомянуть о бѣдствїяхъ человѣчества, бѣдствїяхъ, коихъ былъ онъ виновникомъ. И такъ гордость его, говоритъ Духъ Святый, вознесется до небесъ (*), глава его досягнетъ до

(*) Si afcenderit usque ad coelum fuperbia ejus et caput ejus nubes tetigerit, quasi fterquilinium in fine perdetur. *Job.* c. 20. v. 6. 7. Сей текстъ въ Греческой Библїи и нашей

облаковъ, успѣхи его равны будутъ желанїямъ: но вся слава сїя наконецъ превратится въ кучу грязи, отъ которой ничего, кромѣ смрада и безчестїя, не останется.“

Одну мысль можно выразить десятью разными способами, и всѣ они будутъ правильны; но одинъ способъ всѣхъ лучше, всѣхъ сильнѣе дѣйствуетъ на душу читателя. Обыкновенный писатель не знаетъ между ними различїя; великїй писатель беретъ перо, и отборныя слова ложатся въ наилучшемъ порядкѣ изъ всѣхъ возможныхъ. *Какой нибудь безумецъ* сказано весьма просто, но удачно; одно слово унижаетъ и побѣды, и того, кто прославлять ихъ вознамѣрится.

Весьма часто ласкательство претитъ важнѣйшимъ истинамъ приближиться къ Монаршему престолу, и даже не рѣдко отваживается причислять ихъ къ замысламъ пагубнымъ, нечестивымъ. Достойный Епископъ почитаетъ своею должностїю подать юному Королю спасительные совѣты, показать ему начало верховной власти, и научить его точному

Славянской переведенъ иначе: „Аще взыдутъ на небо дары его, жертва же его облаковъ коснется: егда бо мнится уже утвержденъ быти, тогда въ конецъ погибнетъ. Видѣвшїи же его рекутъ: гдѣ есть?

исполненію непреложныхъ обязанностей высокаго сана.

„Государь не для самаго себя родится на свѣтъ сей; нѣтъ, онъ долженъ всего себя посвятить благу подданныхъ. Народы, ввѣряя ему могущество и власть надъ собою, въ замѣну требуютъ отъ него заботъ и бдѣнія. Не образъ изваянный они поставили надъ собою, чтобы только покланяться ему, но охранителя своей безопасности. Безполезные истуканы боговъ языческихъ имѣютъ очи и не видятъ, языкъ и не глаголютъ, руки и не дѣйствуютъ; но земные боги предъидутъ народамъ, какъ говоритъ Писаніе, для того чтобъ водить ихъ, чтобъ защищать отъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ. Народы по Божіему велѣнію возводятъ Царей на степень высочайшую; слѣдственно Цари должны неусыпно пещися о благѣ народовъ. Такъ, Всемилостивѣйшій Государь! единодушное желаніе народа сначала подало скипетръ въ руку твоихъ предковъ; народъ поднималъ ихъ на щитѣ военномъ и провозглашалъ самодержцами. Государство содѣлалось потомъ наслѣдственнымъ достояніемъ ихъ потомковъ; но сперва произвольное согласіе подданныхъ поставило ихъ владыками надъ собою. Единое право рожденія въ по-

слѣдствіи времени возводило ихъ на высоту престола; но сперва согласное желаніе народа соединило сіе право съ рожденіемъ. Однимъ словомъ, монархи начало власти своей получивъ отъ насъ, должны употреблять ее на пользу нашу. Льстецы, Всемилостивѣйшій Государь! станутъ безпрерывно твердить тебѣ, что ты владыка самовластный, и что никому неповиненъ давать отчета въ своихъ поступкахъ. Весьма справедливо, что никто не имѣетъ права требовать отъ тебя отчета; но ты долженъ отдать его самъ себѣ, долженъ — да не вмѣнится мнѣ въ дерзость слово сіе — цѣлой Франціи, ожидающей твоего правленія, долженъ цѣлой Европѣ, устремившей на тебя взоры. Ты самовластный владыка подданныхъ; но безъ доблестей, владыкѣ приличныхъ, будешь имъ только по единому имени. Ты можешь все дѣлать по своему произволу; но сія свобода не есть выгода господства, а камень претыканія. Ты властенъ вознерадѣть о своей должности; но, не исполняя священнѣйшихъ своихъ обязанностей, будешь носить на себѣ только суетное титло, подобно тѣмъ Царямъ празднолюбивымъ, о коихъ вѣщаютъ историческія наши преданія." Массильйонъ говорилъ предъ лицемъ Короля малолѣтнаго. Добрые Государи во всякомъ возрастѣ

охотно слушаютъ подобныя истины, а великіе Государи сами торжественно объявляютъ ихъ народу, и должностей своихъ ни отъ кого не скрываютъ. Екатерина Великая начертала въ безсмертномъ своемъ Наказѣ: „По вся дни всѣмъ земнымъ обладателямъ говорятъ, что народы ихъ для нихъ сотворены: однакожь Мы думаемъ, и за славу себѣ вмѣняемъ сказать, что Мы сотворены для нашего народа."

Возвратимся къ Массильйону. Замѣтить не трудно, что онъ растягиваетъ одну мысль на цѣлую страницу; со всѣмъ тѣмъ проповѣди его не кажутся долгими, отъ того что красоты слога и средства господствовать надъ сердцами закрываютъ всѣ несовершенства. Встрѣчаются мѣста, гдѣ иногда онъ повторяетъ одну и ту же мысль; но и тутъ, по мнѣнію опытныхъ людей, не примѣтно слабости; а въ семъ-то и состоитъ верхъ искуства ораторскаго. Жалко смотрѣть, когда сочинитель, не зная другаго способа разпространить слово свое, невольно возвращается къ прежней мысли. Массильйонъ не таковъ; онъ, подобно Цицерону, показываетъ разныя стороны своего предмета, и тѣмъ самимъ усиливаетъ дѣйствіе, точно какъ блескъ свѣтящагося алмаза увеличивается отъ движенія. Пускай

Тациты и Монтескій въ своихъ историческихъ и политическихъ сочиненіяхъ бросаютъ мысли короткія, сильныя, обширный смыслъ въ себѣ заключающія, предоставляя разуму судить, догадываться и выводить заключенія: витія держится одного главнаго содержанія, истощаетъ весь запасъ свой для убѣжденія сердца; а сердце не дорожитъ замысловатою краткостью, столь пріятною для разума. Притомъ же есть идеи, впрочемъ самыя обыкновенныя, которыми воображеніе наше любитъ долго заниматься; мысли, на примѣръ, о времени и перемѣнахъ имъ производимыхъ, о скоротечности жизни человѣческой, о ходѣ вѣковъ, одинъ за другимъ слѣдующихъ, потому пріятны для воображенія, что предметы сіи, такъ сказать, безконечны, непостижимы, слѣдственно никогда не могутъ удовлетворить его, не говорю уже возбудить въ немъ скуку отъ пресыщенія. Философъ скажетъ коротко, что все въ мірѣ семъ быстро проходитъ и погибаетъ; напротивъ того Христіянскій витія, которому сею мыслію надобно поразить своихъ слушателей и перенести ихъ за предѣлы здѣшней жизни, останавливается надъ нею; показываетъ ее въ различныхъ видахъ, къ каждому обстоятельству привязываетъ или приличное чувствіе, или

разительную картину, разгорячается по мѣрѣ наращенія мыслей, и наконецъ достигаетъ той степени восторга, откуда приводитъ въ движеніе сердца всѣхъ слушателей. Тогда витія получаетъ въ награду общее удивленіе. И кто откажется заплатить дань сію Массильйону? Мы видѣли образецъ сильнаго Боссюэтова краснорѣчія въ отрывкѣ изъ слова его о смерти; посмотримъ теперь на чудесное обиліе Массильйона въ выраженіи одной мысли въ разныхъ видахъ. Выписываю отрывокъ изъ поученія *о смерти*, произнесеннаго при Дворѣ Лудовика XIV, въ послѣдніе годы жизни сего Государя. Витія укоряетъ слушателей своихъ, что они мало заботятся о кончинѣ.

„И на что вы уповаете? на крѣпкое сложеніе тѣла? Но что значитъ самое лучшее здравіе? искра, единымъ дуновеніемъ погашаемая; ибо немощь единаго дня разслабляетъ самой крѣпкой составъ нашего тѣла. Слушатели! не спрашиваю васъ, надѣетесь ли на крѣпость своего здравія? не слышите ли гласа разрушенія внутри своего тѣла, невоздержнымъ житіемъ въ юности поврежденнаго? обыкновенные припадки не ведутъ ли васъ къ отверстію могилы? не замѣчаете ли страшныхъ признаковъ, грозящихъ вамъ незапною кончи-

ною? Положимъ, что дни ваши продолжатся сверхъ самаго чаянія; но, увы, братія моя! можно ли то почитать долгимъ, что рано или поздно должно окончиться? Обратите взоры на прошедшее: гдѣ прежніе годы ваши? осталось ли что-либо вещественное въ памяти вашей? столько же, какъ отъ ночнаго сновидѣнія. Вы представляете въ умѣ своемъ, что жили — вотъ все, что осталось вамъ отъ прошедшаго. Все время отъ вашего рожденія протекшее до нынѣ есть не что иное, какъ быстрая черта, едва замѣченная вами. Еслибъ жизнь ваша началась вмѣстѣ съ бытіемъ міра; и тогда прошедшее казалось бы вамъ столько же краткимъ и ничтожнымъ; всѣ вѣки минувшіе казались бы вамъ быстролетящими мгновеніями; всѣ народы, которые являлись и исчезали въ мірѣ, всѣ перемѣны великихъ царствъ и малыхъ, всѣ знаменитые случаи, коими украшаются наши лѣтописи, показались бы вамъ разными явленіями позорища, въ продолженіе одного дня видѣнными. Воспомните побѣды, покореніе городовъ, славные договоры, великолѣпіе и пышныя торжества первыхъ лѣтъ нынѣшняго царствованія. Все сіе отъ васъ еще весьма близко; многіе изъ васъ не только были очевидными свидѣтелями, но сами участвовали въ подвигахъ и сла-

ахъ, которые сохранятся въ лѣтописяхъ для позднаго потомства: но теперь все сїе не что есть иное какъ сновидѣнїе, какъ погасшая молнїя; ежедневно черты сїи въ памяти вашей мало по малу стираются. Разсудитежь, каковъ тотъ путь, которой вамъ пройти остается! Не уже ли станемъ думать, что въ будущемъ времени найдемъ болѣе прочнаго для себя, нежели въ прошедшемъ? Годы, еще далекїе отъ насъ, кажутся долгими; наставши же мгновенно исчезаютъ. Мы, какъ бы по дѣйствїю волшебной силы, быстро очутимся у роковаго срока, которой кажется намъ весьма отдаленнымъ, и которой, по мнѣнїю нашему, никогда къ намъ не приближится. Какимъ видѣли вы свѣтъ въ первые годы вашей жизни, и какимъ видите его нынѣ? Новые люди при дворѣ заступили мѣсто прежнихъ; появились новыя лица; важныя должности государственныя другими отправляются; настали новыя произшествїя, новые происки, новыя страсти, новые герои добродѣтелей и пороковъ, осыпаемые хвалами, или обременяемые укоризнами; вы не успѣли примѣтить, какъ новое общество нечувствительно вознеслось на развалинахъ прежняго. Все проходитъ вмѣстѣ съ вами; ничѣмъ неостановляемая быстрота увлекаетъ все въ бездну вѣчности; пред-

ки проложили дорогу, которую мы въ свою чреду прокладываемъ для потомковъ. Настаютъ новые вѣки, образъ міра измѣняется безпрестанно, умирающіе уступаютъ мѣсто раждающимся, которые также будутъ лежать въ могилѣ; все теряется, все тлѣетъ, все изчезаетъ. Единый Богъ вѣчно себѣ подобенъ. Рѣка вѣковъ, увлекающая людей, течетъ предъ Нимъ; Онъ съ негодованіемъ взираетъ на слабыхъ смертныхъ, кои, уносимы будучи быстрыми волнами, въ краткое время своего странствованія оскорбляютъ благость Его, хотятъ изъ одного мгновенія содѣлать все свое счастіе, и падаютъ наконецъ въ руки гнѣва Его и мщенія.“

Согласимся, что Массильйонъ часто повторяетъ свои мысли: ибо окончаніе отрывка сего находимъ и въ другомъ словѣ, по случаю освященія знаменъ произнесенномъ; согласимся, что весь отрывокъ сей есть не иное что какъ распространеніе; однакожъ признаемся, что оно вытекло изъ пера витіи искуснаго, вѣдающаго таинства сердца человѣческаго. Сколько возбуждаетъ оно мыслей, чувствованій, воспоминаній! Въ каждомъ предложеніи видѣли мы повторяемый блескъ молніи, которая окончилась громовымъ ударомъ. Замѣтимъ, какъ искусно проповѣдникъ ука-

зываетъ на счастливые годы царствованїя Лудовика XIV, столь несходные съ послѣдними годами его жизни; можно подумать, что онъ приписываетъ всѣ перемѣны непреодолимой силѣ времени, и болѣе ничего сказать не хочетъ. Вообще, Массильйонъ осторожнѣе Боссюэта въ расточенїи похвалъ, которыми осыпали государя; однакожь и онъ не совсѣмъ предостерегъ себя отъ заразительнаго соблазна, и долженъ былъ иногда идти тропою придворныхъ проповѣдниковъ. Говоря, на примѣръ, о духѣ вражды и честолюбїя, заставляющемъ государей поднимать оружїе одинъ противъ другаго, Массильйонъ прибавляетъ: „Смѣло вѣщаю предъ Монархомъ, который тысячу разъ предпочиталъ миръ побѣдѣ." Походитъ ли это на правду? прилично ли такъ говорить о Лудовикѣ XIV? Прочтите его исторїю.

Теперь посмотримъ еще, какъ Массильйонъ разбираетъ тѣ истины, которыя равно важны для людей всѣхъ исповѣданїй; какъ предлагаетъ онъ доказательство безсмертїя души нашей, доказательство, повторенное многими Философами древними и новыми, и основанное на томъ, что человѣкъ, сколь ни былъ бы счастливъ въ сей жизни, всегда ищетъ какого-то другаго большаго счастїя, всегда

гда стремится къ какой-то неизвѣстной цѣли, которой въ здѣшнемъ свѣтѣ достигнуть не возможно. Витія клонитъ рѣчь свою къ аѳеистамъ и матеріалистамъ, и едва ли кто другой краснорѣчивѣе оспоривалъ ихъ мнѣнія:

„Ежели все должно прекратиться вмѣстѣ съ нами; ежели человѣкъ послѣ сей жизни не долженъ ничего надѣяться, и ежели въ здѣшнемъ мірѣ наше отечество, наше происхожденіе и все счастіе, какимъ только можемъ наслаждаться; то почему же не бываемъ здѣсь совершенно счастливыми? Ежели мы раждаемся только для чувственныхъ наслажденій; то для чегожъ наслажденія сіи не удовлетворяютъ насъ, для чего оставляютъ по себѣ скуку и печаль въ нашемъ сердцѣ? Ежели человѣкъ ни чѣмъ не превосходнѣе безсловеснаго животнаго; то для чего не живетъ, подобно ему, въ совершенной безпечности, безъ заботъ, безъ пресыщенія, безъ горести, въ безпрерывныхъ удовольствіяхъ чувствъ и плоти? Ежели человѣкъ не долженъ надѣяться другаго счастія, кромѣ здѣшняго временнаго; то почему нигдѣ на землѣ не находитъ онаго? Отъ чего богатство безпокоитъ его, почести обременяютъ, забавы утомляютъ, знанія не только совершенно не удовлетворяютъ его, но при-

водятъ въ недоумѣнїе, и возбуждаютъ въ немъ ненасытное любопытство; слава дѣлается наконецъ тягостною и скучною; словомъ, отъ чего все сїе не можетъ наполнить обширной пустоты сердца его, но безпрерывно производитъ новыя желанїя Всѣ другїя существа, довольныя своимъ жребїемъ, по видимому, живутъ счастливо въ томъ состоянїи, какое Творецъ природы для нихъ предназначилъ. Свѣтила, спокойно пребывая на тверди небесной, не удаляются для освѣщенїя другой земли; земля, повинуясь законамъ своего движенїя, не устремляется вверхъ, чтобы заступить ихъ мѣсто; животныя обитаютъ на поляхъ, не завидуя участи человѣка, въ городахъ и пышныхъ чертогахъ живущаго; птицы наслаждаются бытїемъ своимъ въ пространствахъ воздушныхъ, не заботясь, есть ли на землѣ другїя, счастливѣйшїя ихъ твари. Все въ мїрѣ семъ, такъ сказать, благоденствуетъ, все поставлено на своемъ мѣстѣ въ природѣ: одинъ человѣкъ безпокоится и томится; одинъ человѣкъ раздирается вожделѣнїями, угнѣтается страхомъ терпитъ муку въ самыхъ надеждахъ своихъ, живетъ въ горести, въ несчастїи среди всѣхъ удовольствїй; одинъ человѣкъ ничего въ мїрѣ семъ не находитъ такого, что могло бы совершенно успокоить его сердце. —

Отъ чего же все сіе произходитъ? о человѣкъ! не отъ того ли, что не здѣсь предназначено тебѣ мѣсто, что ты сотворенъ для неба, что весь міръ тѣсенъ для твоего сердца, что земля не есть твое отечество, и что кромѣ Бога ничто удовлетворить тебя не можетъ?"

Выбросьте только два предложенія *о свѣтилахъ спокойно пребывающихъ на тверди небесной*, и о *землѣ не устремляющейся вверхъ на мѣсто свѣтилъ* — ибо въ нихъ открывается явная натяжка — и вы получите прекрасное доказательство безсмертія души человѣческой. Очень понятно, что проповѣдникъ, увлеченный силою воображенія, не замѣтилъ здѣсь излишества; но удивительно, какъ Лагарпъ, строгій и проницательный критикъ, простилъ ему сдѣланную ошибку. Впрочемъ, и самъ Лагарпъ ошибался, и тѣмъ неизвинительнѣе, что иногда ошибался *умышленно*. Ему хочется, на примѣръ, вѣрить и увѣрить другихъ, что нѣкоторые проповѣдники потому были краснорѣчивы, что жили при Лудовикѣ XIV, то есть, во времена истиннаго благочестія; что Франція тогда была образцомъ набожности и благонравія для всей Европы, и что слушатели Боссюэтовъ и Массильйоновъ наблюдали святыню и всѣ

церковныя постановленїя не только по совѣсти, но и потому что боялись нарушить приличности общежитїя; онъ доказываетъ мнѣнїе свое между прочимъ и тѣмъ еще, что Конде, Рецъ и Принцесса Палатинская ходили на исповѣдь, что госпожа Лавальеръ затворилась въ монастырѣ, что самъ Король часто посѣщалъ церковь, и что Дюкъ Бургоньскїй нарушивъ должное уваженїе къ своему дѣду, отрекся идти на вечернее пиршество, которое казалось ему мїрскою забавою. Теперь послушаемъ самаго Массильйона. Беру мѣсто изъ проповѣди на вторую недѣлю великаго поста, которое можетъ послужить опроверженїемъ на Лагарпа и вмѣстѣ хорошимъ примѣромъ краснорѣчїя.

,,И прежде были нечестивые: но свѣтъ съ ужасомъ взиралъ на нихъ. Сїи враги Божїи появлялись на землѣ только для того, чтобъ нести на себѣ поношенїе и проклятїе народовъ. А нынѣ, увы! нечестїе содѣлалось признакомъ отличїя и славы; теперь нечестїе вмѣняется въ почтенное титло; теперь часто для безумнаго хвастовства хотятъ слыть вольнодумцами, между тѣмъ какъ совѣсть еще не дерзаетъ свергнуть съ себя долгъ, вѣрою возложенный; теперь нечестїе вмѣняется въ заслугу, открываетъ доступъ

къ вельможамъ, незнатнаго, такъ сказать, дѣлаетъ знатнымъ, людямъ ничтожнымъ даетъ право на пріятельское со знаменитѣйшими особами знакомство, постыдное для нравовъ нашего времени, сколь впрочемъ нравы сіи ни развращены суть. Теперь нечестіе возводитъ простолюдимовъ на степень благородства, вмѣсто того что оно долженствовало бы самую породу и знаменитость чернить безславіемъ. Вельможи ввели въ обычай невѣріе; вельможи должны и унизить, истребить его. Въ какомъ поношеніи вѣра! о братія моя! Великіе люди временъ языческихъ не иначе какъ съ уваженіемъ отзывались о суевѣрномъ ученіи идолопоклонства, хотя и знали, сколь оно глупо" и проч. Съ однимъ кѣмъ нибудь согласиться должно, или съ Массильйономъ, описывающимъ нравы своего времени, или съ Лагарпомъ, которому вздумалось представить земляковъ своихъ набожными.

. . .

Вольтеръ много читалъ Массильйона, и даже охотно бралъ изъ проповѣдей его хорошія мысли, которыя помѣщалъ въ своихъ стихотвореніяхъ. Зная, какъ Вольтеръ уважалъ Христіянскую вѣру, можемъ заключить, что прекрасной слогъ церковнаго Витіи весьма полюбился Поэту. Слѣдующій отрывокъ выставленъ въ Эн-

циклопедіи за образецъ витійства, подъ статьею *краснорѣчіе*, написанною Вольтеромъ. Всего же удивительнѣе, что сей поборникъ и столпъ вольнодумства выбралъ такое мѣсто, въ которомъ говорится объ одномъ Христіянскомъ догматѣ, приводящемъ въ недоумѣніе разумъ, свѣтомъ Евангелія неозаренный. Отрывокъ сей изъ проповѣди *о маломъ числѣ избранныхъ Божіихъ*, вообще признанный краснорѣчивѣйшимъ произведеніемъ пера Массильйонова, сдѣлалъ чрезвычайное впечатлѣніе въ слушателяхъ. Переведемъ собственныя слова Вольтеровы.

„Читателю не противно будетъ „узнать, что случилось, когда Массильйонъ, „бывшій потомъ Клермонтскимъ Еписко„помъ, сказывалъ славную свою пропо„вѣдь о маломъ числѣ избранныхъ. Не„запный ужасъ объялъ всѣхъ слушате„лей; почти всѣ поднялись по неволь„ному движенію съ мѣстъ своихъ. Изум„леніе и крикъ привели въ смятеніе „самаго проповѣдника; отъ того дѣйствіе „страсти еще болѣе усилилось. Вотъ от„рывокъ:

„Я предполагаю, что насталъ послѣдній часъ и конецъ вселенныя; что небеса отверзаются надъ нами; что Іисусъ

Христосъ является во славѣ своей среди храма сего; предполагаю, что вы собрались въ семъ мѣстѣ единственно для того чтобы дождаться его пришествія; предполагаю, что вы трепещущіе преступники, которымъ объявится или помилованіе, или приговоръ вѣчнаго осужденія. Сколько ни обольщайте себя суетною надеждою, вы умрете такими, каками теперь стоите въ семъ храмѣ; вы только *желаете* перемѣны, и желанія ваши будутъ забавлять васъ до одра смертнаго; истина сія доказана опытами вѣковъ. Все приобрѣтеніе тогда, можетъ быть, къ тому только послужитъ, что вы должны будете отдать большій отчетъ въ дѣлахъ своихъ, нежели нынѣ. Зная, въ какомъ состояніи нашелъ бы васъ Праведный Судія въ сію минуту, вы можете почти достовѣрно опредѣлить, какой жребій постигнетъ васъ по разлукѣ души съ тѣломъ.

„И такъ вопрошаю, ужасомъ пораженный вопрошаю васъ, ибо участь моя съ вашею сопряжена неразлучно, и я вмѣстѣ съ вами долженъ нѣкогда предстать Богу, общему Судіи нашему; вопрошаю васъ, слушатели: если бы Іисусъ Христосъ явился здѣсь во храмѣ среди сего величественнаго собранія, чтобъ су-

дить насъ, и чтобы отдѣлить овецъ отъ козлицъ, не думаете ли, что большая часть изъ насъ станетъ одесную? не думаете ли, что обѣ стороны будутъ равны? не думаете ли, что здѣсь найдется десять праведниковъ, которыхъ нѣкогда и въ пяти городахъ не отыскалось? спрашиваю васъ; вы не вѣдаете, — и я также. Ты единъ, о Боже Великїй! Ты единъ вѣдаешь, кто Тебѣ принадлежитъ. Но ежели мы не знаемъ, слушатели, кто принадлежитъ Богу; по крайней мѣрѣ знаемъ, что грѣшники не Ему принадлежатъ. И такъ, кто изъ васъ будетъ сопричтенъ сонму избранныхъ? Слушатели! титла и достоинства ни во что вмѣнятся; вы лишитесь ихъ предъ лицемъ Іисуса Христа. Гдѣ избранные? Много грѣшниковъ, нехотящихъ обратиться; еще болѣе такихъ, кои хотѣли бы, но отлагаютъ часъ обращенїя; множество и такихъ, кои обращаются только для того, чтобы снова уклоняться на путь грѣховный; наконецъ великое множество такихъ, кои думаютъ, что нѣтъ имъ никакой нужды въ обращенїи. Се сборище отверженныхъ! Отдѣлите всѣхъ сихъ грѣшниковъ, подобно какъ отдѣлятъ ихъ въ день судный. . . . Теперь явись избранный остатокъ Израиля! гдѣ ты? прейди на страну десную! жатва Іисуса

Христа! отдѣлись отъ сихъ плевелъ, осужденныхъ на сожженіе . . . . Боже! гдѣ суть избранные Твои, и что на часть Твою осталось?"

„Это самая смѣлая фигура — про„должаетъ Вольтеръ — и употреблена „здѣсь очень къ стати; она принадлежитъ „къ прекраснѣйшимъ мѣстамъ витійства, „какія только можемъ находить въ древ„нихъ и новыхъ писателяхъ Конецъ про„повѣди достоинъ сего отрывка: такіе „образцы весьма рѣдки."

Кромѣ проповѣдей и надгробныхъ словъ, Массильйонъ оставилъ по себѣ Поученія для церковнослужителей и Толкованія Псалмовъ Давидовыхъ, въ которыхъ щедрою рукою разсыпано богатство образцоваго краснорѣчія даже приказанія, писанныя симъ знаменитымъ Епископомъ, о самыхъ обыкновенныхъ дѣлахъ, на примѣръ объ отправленіи благодарныхъ молебновъ и тому подобнаго, собраны во Франціи, и читаются какъ драгоцѣнныя произведенія. Всего же болѣе послѣ проповѣдей уважаются такъ называемыя *Конференціи*, или слова, произнесенныя имъ въ наставленіе молодыхъ людей, учившихся въ Семинаріи и приготовлявшихся заступить духовныя должности. Въ словѣ

объ употребленіи церковныхъ доходовъ Массильйонъ предсказалъ Католическому духовенству послѣ съ нимъ случившееся непріятное событіе, а именно, что тщеславіе, роскошь и расточительность служителей церкви подадутъ поводъ къ отнятію у нихъ недвижимаго имѣнія.

Массильйонъ съ 1723 года жилъ въ своей Епархіи, и съ того времени уже не былъ въ Парижѣ. Онъ умеръ 1742 года, имѣя 79 лѣтъ отъ рожденія.

М. Каченовскій.

II.

Рысь и Кротъ.

Басня.

Когда-то рысь нашедъ лежащаго крота,
Изъ жалости ему посвойски говорила:
„Увы! мой бѣдный кротъ, несчастье слѣпота!
И рощица и лугъ съ цвѣтами — всѣ мѣста
Тебѣ какъ темная могила!
Какая жизнь твоя!
Съ утра до вечера ты спишь, или зѣваешь,
И ни о чемъ не разсуждаешь.
А я
Теперь же будто на ладонѣ
Все вижу на версту вокругъ,

И все пересказать готова — слушай, другъ:
Вотъ коршунъ въ облакахъ за жаворнкомъ въ погонѣ;
Здѣсь ласточка своихъ птенцовъ
Питаетъ мухами, добычей пауковой;
Тамъ хитрая лиса цыпленку строитъ ковъ;
Тамъ кролика постигъ ружья ударъ громовой;
Вотъ кошка давитъ мышь; а тамъ
Змѣя впилась въ корову;
А далѣе медвѣдь разинувъ пасть багрову —
Реветъ, и гонится за серной по скаламъ;
А вотъ и лютый волкъ ягненочка терзаетъ" —
Ахъ, полно, полно! кротъ болтунью прерываетъ:
Утѣшноль зрячимъ быть для ужасовъ такихъ?
Довольно и того, что слышалъ я о нихъ.

. . . . въ.

III.

Историческія замѣчанія о древностяхъ великаго Новагорода.

Въ духовныхъ Академїяхъ и Семинарїяхъ въ Россїи ведется обычай во время открытыхъ испытанїй, также Богословскихъ и Философскихъ диспутовъ читать разсужденїя, стихи и разговоры о предметахъ, до учености касающихся.

нынѣ извѣстные въ государствѣ по заслугамъ своимъ люди въ сихъ училищахъ приобрѣли ежели не всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя необходимо нужны для ученаго, по крайней мѣрѣ навыкъ постояннаго упражненія въ наукахъ и особенно знаніе древнихъ языковъ. Однакожъ съ прискорбіемъ должно признаться, что Греческая и Латинская словесность у насъ до сихъ поръ все еще остается въ крайнемъ небреженіи, вопреки неоспоримой истинѣ, очевидными опытами подтверждаемой, что безъ упражненія въ древнихъ языкахъ мы никогда не наживемъ той славы, которая досталась въ удѣлъ знаменитѣйшимъ писателямъ иностраннымъ. Видимъ, что добрые соотечественники наши уже чувствуютъ необходимую потребность просвѣщенія, хотятъ наслаждаться зрѣлыми плодами здравой словесности, хотятъ учиться или учить дѣтей своихъ, не жалѣя для того ни трудовъ, ни издержекъ; но, къ сожалѣнію, весьма немногіе понимаютъ, что не говоря ни на одномъ изъ нынѣшнихъ иностранныхъ языковъ можно имѣть обширныя въ наукахъ знанія и заслужить безсмертное имя, и что напротивъ того донынѣ еще не было такого счастливца, которой бы не упражнявшись въ древней словесности, получилъ *неувядаемый* вѣнецъ отъ Аполлона. Музы от-

крываютъ всѣ таинства свои только тому, кто одаренъ будучи способностями, разумѣетъ ихъ языкъ природный, и сей языкъ не былъ чуждымъ для великихъ писателей временъ новѣйшихъ. Намъ Русскимъ, а особливо тѣмъ изъ насъ, которые желаютъ что нибудь достовѣрно знать о произшествïяхъ старинныхъ, онъ нужнѣе всякаго другаго; ибо лѣтописей нашихъ во многихъ мѣстахъ разумѣть не можно безъ помощи Византïйскихъ Историковъ, изъ которыхъ отъ слова до слова переводилъ Несторъ, или послѣдователи его и переписчики. Кедринъ, Скилитцъ, Ксифилинъ и Зонаръ жили въ его время, и конечно ежели не всѣ, то по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ были ему извѣстны. Образцы его не Өукидиды, но честные и правдолюбивые лѣтописатели, а не сказочники, не Кадлубки и не Стурлузоны. Притомъ же Византïйская словесность среднихъ вѣковъ содержитъ въ себѣ весьма обильный запасъ почти для всѣхъ отраслей учености, а особливо для Исторïи и Политики. Тогда Русскïе перенимали все у Грековъ: обряды вѣры, обычаи, науки, искуства, законы, нравы и самые пороки. Ученые, художники и купцы Греческïе прiѣзжали въ Россïю, а Русскïе посѣщали Грецïю, и пока продолжались частыя сношенïя между Кïевомъ и

Константинополемъ, до тѣхъ поръ надъ Русскою землею сїяли благотворные лучи умственнаго просвѣщенїя. Кажется, сїи однѣ причины должны бы вдохнуть въ насъ охоту заниматься Греческимъ языкомъ. Не скажу теперь ни слова о достоинствѣ и важности Латинскаго: съ перваго взгляду читатель замѣтилъ, что я имѣю другое намѣренїе; нѣтъ нужды изъяснять, какимъ образомъ духовныя училища подали мнѣ поводъ къ сему короткому, слѣдственно извинительному, отступленїю.

Все дѣло въ томъ состоитъ, что прочитавши *Историческїе разговоры о древностяхъ Великаго Новагорода* (*), я захотѣлъ познакомить съ ними читателей Вѣстника Европы, и сообщить имъ любопытныя извѣстїя о старинѣ отечественной. Ученики Русскаго духовнаго училища, при Новгородскомъ Митрополичьемъ домѣ учрежденнаго, также студенты Новгородской Симинарїи, въ Декабрѣ мѣсяцѣ истекшаго года разговаривали между собою въ присутствїи посѣтителей во время открытыхъ испытанїй и диспутовъ. Разумѣется, что раз-

(*) Напечатанные въ Москвѣ въ Губ. типогр. 1808 года.

говоры сіи предварительно были затвержены. Судя по слогу и содержанію, всѣ они принадлежатъ одному сочинителю, стяжавшему обширныя свѣдѣнія въ отечественной исторіи. Почти всѣ его мнѣнія и сказанія, гдѣ нужно, подтверждены доводами, изъ Россійскихъ и чужестранныхъ писателей почерпнутыми.

Описанныя въ первомъ разговорѣ о *многолюдствѣ древняго Великаго Новагорода* подробности о постепенномъ распространеніи сей первобытной столицы Князей Русскихъ имѣютъ великую цѣну, особливо для тѣхъ, которымъ извѣстно мѣстоположеніе нынѣшняго Новагорода. Я выпишу только нѣкоторыя замѣчанія, достойныя любопытства всѣхъ читателей. Теперь въ Новѣгородѣ считается 1663 дома и около 6000 душъ обоего пола. По городовой описи 1607 года видно, что не было въ то время и полуторы тысячи дворовъ, а жителей, кромѣ стрѣльцовъ, находилось не много чѣмъ болѣе 2000. По описи 1623 года открывается, что людей еще до цѣлой трети убыло. Чтожь должно заключить о многолюдствѣ древняго Новагорода и о непостоянствѣ земнаго величія, когда представимъ себѣ, что отъ моровой язвы, по свидѣтельству лѣтописателей, въ 1467 году умерло въ одномъ Новѣгородѣ

мїрскихъ и духовныхъ 48,784 человѣка· что въ 1489 Великїй Князь Іоаннъ Васильевичь болѣе *тысячи* семей бояръ и житыхъ людей изъ Новагорода переселилъ въ Москву, Владимїръ, Нижнїй Новгородъ, Переславль, Юрьевъ, Ростовъ, Кострому и другїе города; что въ 1508 году опять отъ моровой язвы въ одномъ Новѣгородѣ умерло 15,396 человѣкъ, да въ пожарѣ, истребившемъ того же года торговую сторону, сгорѣло ихъ 3315; что въ 1553 году также отъ моровой язвы въ одномъ Новѣгородѣ умерло болѣе 70 тысячь, и что въ слѣдующемъ 1554 году въ одномъ Неровскомъ концѣ выгорѣло дворовъ *полторы тысячи*! Видно, въ старину говорили не безъ причины: *Кто можетъ противъ Бога и противъ Великаго Новагорода!*

Древнїй Новгородъ раздѣлялся на пять частей, или *концовъ*, а именно: *Славенскїй*, *Плотенскїй* или *Плотничїй*, *Неровской*, *Загородской* и *Гончарской*; послѣ, когда городъ распространился за валовой большой окопъ, еще прибавилось три конца: *Неровской за городомъ*, *Петровской* и *Людинъ*. Загородскїя слободы во всѣхъ концахъ города назывались *запольями*. Въ грамматахъ, писавшихся отъ имени цѣлаго какого-нибудь конца, именовался конецъ *господиномъ*, а Сла-

вянскій, самый древній и большій, сверхъ того назывался *Великимъ концемъ.* По числу древнихъ пяти концовъ раздѣлялась и вся Новгородская область на *пятины*: *Бѣжецкую*, *Обонежскую*, *Водскую*, *Шелонскую* и *Деревскую*; достойно примѣчанія, что каждая пятина начиналась отъ особаго конца, къ которому принадлежала. Каждой конецъ имѣлъ свою ратушу, свою общественную печать и своего старосту или бургомистра, которой вѣдалъ всѣ полицейскія и гражданскія частныя дѣла конца и всей пятины, относясь къ главному городовому магистрату или къ общенародной вечѣ о дѣлахъ важнѣйшихъ и до общей пользы касающихся. Каждая улица имѣла своего старосту, которой наблюдалъ за благочиніемъ и относился къ главному старостѣ. Граждане раздѣлялись: 1) на *Посадниковъ*. дѣйствительно исправлявшій сію должность назывался *степеннымъ посадникомъ*, а предмѣстники его во всю жизнь именовались *старшими посадниками*; 2) на *Тысяцкихъ*, то есть предводителей полковъ; они также именовались *степенными* и *старыми*; 3) на *Бояръ*, составлявшихъ Совѣтъ при посадникѣ, и раздѣлявшихся на *степенныхъ* же и *старыхъ*; 4) на *Житыхъ*, то есть зажиточныхъ *людей*, и 5) просто на *людей.* Такое раздѣленіе города и граж-

данъ показываетъ уже, что Великій Новгородъ былъ позорищемъ дѣяній, достойныхъ пера Ливіева, или Θукидидова.

Во второмъ разговорѣ *о богопочитаніи Славянъ Новгородскихъ, о ихъ обращеніи въ Христіянскую вѣру и о Новгородской Іерархіи*, открывается мнѣніе Сочинителево, что Новгородцы признавали единаго Бога а не многихъ, и ему только одному покланялись подъ именемъ Перуна. Правда, что Владиміръ Великій незадолго до обращенія своего въ Христіянство поставилъ въ Кіевѣ кумиры *Перуна*, *Хорса*, *Дажды*, *Стрибы*, *Семарглы* и *Мокоша*; но при семъ Князѣ въ Кіевѣ жили, кромѣ Славянъ, и другіе Варяжскіе народы; сверхъ того и самыя имена упомянутыхъ боговъ не Славянскія, а Варяжскія или Сарматскія, по Татищева замѣчанію. *Триглавъ*, *Святовидъ*, *Бѣл-богъ*, *Редегастъ*, *Сива*, *Погода*, *Черно-богъ*, *Леля*, *Лада*, *Позвиздъ*, *Волосъ* и многіе другіе переняты у другихъ народовъ и наименованы Славянскими названіями; однакожъ сіи боги въ чести были у Задунайскихъ Славянъ, Вандаловъ и другихъ племенъ, а не у Кіевскихъ Славянъ и Новгородскихъ, которые въ древнѣйшія времена не знали ни именъ ихъ, ни кумировъ. Писатели неосторожно поступаютъ, смѣшивая всѣхъ

боговъ Славянскихъ; и это началось не прежде 1679 года, то есть когда изданъ въ свѣтъ Синопсисъ Кїевскїй. Съ того времени начали боговъ чуждыхъ присвоять Славеноруссамъ; г-нъ Поповъ увеличилъ сонмъ ихъ въ *Досугахъ* своихъ, а г-нъ Чулковъ, выписавъ изъ него свою *Абевегу Русскихъ* суевѣрїй, прибавилъ еще всѣхъ боговъ Сибирскихъ. Несторъ упоминаетъ только о шести кумирахъ, и то въ Кїевѣ бывшихъ; въ Новѣгородѣ жъ, кромѣ одного Перуна, другихъ боговъ не признавали.

Почему же Іоакимъ, первый Новгородскїй Епископъ, въ лѣтописи своей говоритъ, что Гостомыслъ ходилъ въ Колмоградъ спрашивать *боговъ* о будущихъ своихъ наслѣдникахъ, и что Добрыня, дядя Владимїра Великаго, сокрушилъ въ Новѣгородѣ *идоловъ*? — Лѣтопись Іоакимова, или лучше сказать, небольшой отрывокъ изъ нея, столько сомнителенъ, что самъ Татищевъ, нашедшїй сїю мнимую драгоцѣнность, не осмѣлился, какъ пишетъ господинъ Сочинитель разговора, вмѣстить ее въ составъ своей Исторїи. Правда, что Татищевъ сочинялъ, руководствуясь Несторомъ, или тѣмъ, что почиталъ онъ за Несторову лѣтопись, ибо до сихъ поръ еще не извѣстно, сохранилось ли гдѣ-нибудь творенїе сего лѣтописателя точно въ та-

комъ видѣ, въ какомъ оно было написано; однакожъ самъ Татищевъ не только не сомнѣвался въ достовѣрности лѣтописи Іоакимовой, но еще называетъ сего Епископа *болѣе свѣдущимъ*, нежели Несторъ, и какъ въ Греческомъ языкѣ, такъ и въ *Исторіи искуснымъ* (*); не помѣстилъ же ее въ составъ своей Исторїи можетъ быть потому, что досталъ отрывокъ рукописи уже при окончанїи своего труда (**). Какъ бы то ни было, лѣтопись Іоакимова дѣйствительно имѣетъ на себѣ явные признаки подлога, и судя по именамъ Князей *Славяна*, *Вандала*, *Вастарна*, *Гардарика*, *Гунигара*, изъ именъ земель и народовъ превращеннымъ, Г. Шлецеръ справедливо заключаетъ, что ее сочинилъ какой-нибудь монахъ 16 столѣтїя, читавшїй Польскїя книги, въ которыхъ множество есть подобныхъ нелѣпостей. Но еслибъ и справедливо было сказанное выше о Гостомыслѣ въ Іоакимовой лѣтописи; то всё еще многобожїе Новгородцевъ остается недоказаннымъ; ибо капище въ Колмогардѣ было не Славянское; притомъ же Гостомыслъ не повѣрилъ прорицанїямъ боговъ, но послалъ въ Семигаллїю къ другимъ приморскимъ вѣщунамъ спрашиваться.

(*) Исторіи Россійской Татищева Часть 1, стр. 29. (**) Тамъ же.

Второе возраженїе· До принятїя Христїянской вѣры, по свидѣтельству Нестора (*), Владимїрѣ посылалѣ Добрыню вѣ Новгородѣ ставить кумировѣ. — Не о многихѣ кумирахѣ, а обѣ одномѣ только Перунѣ упоминаетѣ Несторѣ: *Володимїрѣ же посади Добрыню, вуя своего, вѣ Новѣгородѣ; и пришедѣ Добрыня, постави кумира надѣ рѣкою Волховомѣ, и жряху ему людїе Новгородстїи аки Богу.* А Новгородская лѣтопись Їоаннова именно говоритѣ, что Добрыня поставилѣ *кумира Перуна.*

Третїе возраженїе: Шестаго вѣка Историкѣ Прокопїй, сказавѣ, что Славяне Перуна признаютѣ за единаго Бога, еще прибавилѣ, что они почитаютѣ рѣки, Нимфѣ и духовѣ, коимѣ приносятѣ жертвы. — И по словамѣ Прокопїя Славяне только почитали рѣки, Нимфѣ и духовѣ, а не за боговѣ признавали. По Новгородскимѣ же лѣтописямѣ и этого не видно.

Четвертое возраженїе: Извѣстная по лѣтописямѣ улица *Волосова* вѣ Новѣгородѣ, на Софїйской сторонѣ вѣ Гончарскомѣ

(*) Здѣсь и вѣ другихѣ мѣстахѣ, гдѣ о Несторѣ говорится, должно разумѣть Лѣтопись, напечатанную вѣ С. Петербургѣ 1767 года.

концѣ, не по кумиру ли *Волоса*, бога скотовъ, называлась? — Нѣтъ; но по церкви Св. Власія, построенной первоначально въ 1177 году, и до нынѣ тамъ существующей.

Пятое возраженїе: Олегъ, заключая договоръ съ Греками, клялся богомъ *Волосомъ*, котораго кумиръ почитаемъ былъ въ Ростовѣ. — О клятвѣ Олеговой у Нестора написано: *Ольга водиша на роту* и мужи его, *и по Рускому закону кляшася оружїемъ и Перуномъ богомъ своимъ, и Волосомъ скотьимъ богомъ, и утвердиша миръ*. Отсюда еще не видно, чтобы Олегъ клялся и оружїемъ и Перуномъ и Волосомъ; ибо войско Олегово, по свидѣтельству Лѣтописца, въ семъ походѣ состояло изъ Варягъ, Славянъ, Чуди, Кривичь, Мери, Древлянъ, Радимичь, Полянъ, Сѣверянъ, Вятичь, Хорватъ, Дулебъ и Тиверцовъ. Статься могло, да и быть тому надлежало, что каждое племя приеягало по своей вѣрѣ: Варяги клялись *оружїемъ*, Славянскїя племена *Перуномъ*, Меря, то есть Ростовцы, *Волосомъ*, котораго они почитали.

Шестое возраженїе: Въ Пѣсни о походѣ Князя Игоря на Половцевъ Боянъ, древнѣйшїй пѣвецъ Славянскїй, названъ

внукомъ Велесовымъ. — Во первыхъ, не извѣстно, имя *Велеса* значитъ ли здѣсь бога *Волоса*, или предка Боянова; потомъ, утвердительно сказать не можно, что Боянъ былъ пѣвецъ Славянскій; ибо въ лѣтописяхъ упоминаются Татарскіе послы, именовавшіеся *Боянами* и *Боянъдами*. И такъ Боянъ Татаринъ? кому пріятно было бы сіе открытіе! Нѣтъ; слѣды бытія его хранятся въ Новѣгородѣ, въ улицѣ, которая издревле до нынѣ именуется *Буяна*, а по Новгородскому лѣтописцу, *Бояна*. Ежели многія улицы въ Новѣгородѣ издревле прозваны по именамъ людей знаменитыхъ, на примѣръ: *Добрынина*, *Янева*, *Рядедина*, *Воркова* и проч; то для чегожъ не думать, что и *Бояна* прозвана отъ *Бояна*-пѣснопѣвца? Но дѣло въ томъ, что въ Новѣгородѣ кумира *Волоса*, бога скотовъ, не было и быть не могло; ибо тамошній климатъ не благопріятствуетъ скотоводству. Такимъ образомъ доказано, что въ древнемъ великомъ Новѣгородѣ только единаго Бога признавали, и только одному кумиру покланялись.

Епископъ Іоакимъ Корсунянинъ, спустя четыре года по обращеніи Кіевскихъ Славянъ присланный въ Новгородъ, построилъ тамъ первую церковь во имя Свя-

тыхъ Іоакима и Анны, потомъ деревянную о 13 верхахъ во имя Софїи, Премудрости Божїей, въ подражанїе Константинопольской соборной церкви. Нынѣшній Софїйскій соборъ построенъ въ половинѣ XI столѣтія, и освященъ вторымъ Епископомъ Лукою въ 1051 году. Болѣе десяти церквей приходскихъ и монастырскихъ, до нынѣ уцѣлѣло отъ XI и XII столѣтій; есть много церквей XIII и XIV столѣтій, и ни одной нѣтъ позже XVI вѣка. Сколь священными древностями Новгородъ можетъ хвалиться передъ прочими городами Россійскими!

Лѣтописи повѣствуютъ, что во время нашествія Великаго Князя Дмитрія Іоанновича Донскаго въ 1386 году на Новгородъ вдругъ превращено въ пепелъ 20 монастырей. При Царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ опустошено ихъ еще болѣе. Всѣ драгоцѣнности церковныя при такихъ случаяхъ вывозимы были въ Москву. Великій Князь Іоаннъ Васильевичь снялъ у церквей лучшіе колокола, сверхъ *вечеваго* Новгородскаго, у богатѣйшихъ монастырей *Юрьева, Благовѣщенскаго Аркажа, Антоніева, Николаевскаго и Сковородскаго*, отобралъ половинную часть вотчинъ, у самаго Архїепископа взялъ десять волостей, и

сверхъ того еще наложилъ тяжкую подать ежегодную на всѣ духовныя вотчины.

Новгородскій гражданинъ *Өедоръ Сыроковъ* одинъ своимъ иждивеніемъ построилъ двенадцать монастырей, и снабдилъ ихъ доходами. Многіе монастыри имѣли у себя данныя имъ отъ Великихъ Князей *несудимыя грамматы*, то есть изключительное право по вотчиннымъ дѣламъ не быть подъ вѣдѣніемъ властей гражданскихъ, и даже своихъ Епископовъ.

Со времени учрежденія въ Новѣгородѣ *Архіепископіи*, то есть съ половины XII вѣка, выборъ кого-либо въ Архіереи зависѣлъ отъ самихъ гражданъ Новгородскихъ, и происходилъ на *Вечѣ* при дворцѣ Ярославлѣ, или на площади при Софійскомъ соборѣ. Новгородцы выбирали изъ однихъ только своихъ духовныхъ, и притомъ не по старшинству сана. Іоаннъ вторый, Григорій и Василій Калека произведены въ Архіепископы изъ приходскихъ бѣлыхъ священниковъ; Климентъ и Давидъ изъ Архіепископскихъ духовниковъ; Антоній, Арсеній, Симеонъ, Евфимій вторый и Іона изъ простыхъ монаховъ; Өеофилъ изъ бѣлыхъ діаконовъ. Къ новоизбранному тотчасъ посылались изъ

Вечи депутаты, которые торжественно приводили его на дворЪ Архїепископскїй, *возводили на сѣни*, то есть вЪ палаты, гдѢ подносили ему хлѣбЪ, соль и разные подарки. СЪ тѣхЪ порЪ новоизбранный управлялЪ всѣми дѣлами; а между тѣмЪ Новгородцы отправляли депутатовЪ ко Всероссїйскому Митрополиту сЪ извѣщенїемЪ и сЪ прошенїемЪ о хиротонисанїи. ПолучивЪ согласїе отЪ верховнаго Первосвященника Всероссїйскаго, отправляли кЪ нему сЪ депутатами и подарками будущаго своего пастыря, которой по хиротонисанїи возвращался вЪ Епархїю сЪ настольною грамматою отЪ Митрополита. Иногда, по желанїю НовгородцовЪ, при посвященїи перемѣняли имя избраннаго вЪ Архїепископы. Случалось, что между избранїемЪ и посвященїемЪ проходило по одному и по два года. Арсенїй и Ѳеодосїй управляли Епархїею около двухЪ лѣтЪ безЪ посвященїя, и потомЪ сведены сЪ престола самими Новгородцами. Евфимїй вторый около пяти лѣтЪ правительствовалЪ безЪ посвященїя. Великїй Князь ІоаннЪ Васильевичь отнялЪ у НовгородцевЪ право избирать и низлагать АрхїепископовЪ, которые уже присылаемы были кЪ нимЪ изЪ Москвы.

Нѣкоторые Архїепископы были вЪ чрезвычайной довѣренности и силѣ; мно-

тїе изъ нихъ отправлялись депутатами къ Князьямъ отъ имени всего Новагорода. Архїепископъ Ѳеофилъ, пишетъ Герберштейнъ, управлялъ Новгородомъ и всею областїю, какъ Посадникъ. Всероссїйскїе Митрополиты и даже восточные Императоры и Патрїархи оказывали отличное уваженїе Архїепископамъ Новгородскимъ; такъ на примѣръ: Василїю въ 1346 году пожаловалъ Всероссїйскїй Митрополитъ *полиставрїю*, то есть ризы крестчатыя, а послѣ въ 1352 году ему же присланъ изъ Константинополя отъ Патрїарха Филоѳея *бѣлый клобукъ*, который съ тѣхъ поръ долго имѣли особенное право носить одни только Новгородскїе Архїепископы. Моисею, преемнику Василїеву, Императоръ Кантакузинъ и Константинопольскїй Патрїархъ Филоѳей въ 1355 году прислали граммату объ умѣренной платѣ церковныхъ подашей Митрополиту Всероссїйскому, и сверхъ того пожаловали ему *полиставрїю*. Бѣлый клобукъ и объ полиставрїи до нынѣ хранятся въ соборной Софїйской ризницѣ. Въ 1385 году Новгородцы опредѣлили впредь ни въ чемъ не относиться къ Митрополиту, и всѣ духовныя дѣла предоставить рѣшенїю своего Архїепископа. Митрополитъ Кипрїанъ не благословилъ было за сїе Новгородцевъ; но они жалова-

лись Константинопольскому Патріарху, и получили отъ него благословеніе. Однакожъ послѣ и съ Митрополитомъ помирились.

Продолженіе выписки о знаменитыхъ древностяхъ Великаго Новагорода откладываю до другаго времени.

М. К.

Приложенная при концѣ Нумера картинка есть изобрѣтеніе художника *Изабе*, которой здѣсь представилъ самаго себя, жену и дѣтей своихъ. Подлинникъ любителямъ живописи извѣстенъ подъ названіемъ *Изабеевой лодки*.

ПОЛИТИКА.

IV.

Размышленія о совершенномъ бездѣйствіи морской торговли въ Европѣ.

Еще недавно сдѣлалась остановка въ морской торговлѣ между Европейскими народами, и уже слѣдствія зла сего весьма тягостны. Цѣны Асійскихъ и Американскихъ произведеній, служащихъ къ удовлетворенію какъ истинныхъ, такъ и мнимыхъ потребностей, часъ отъ часу поднимаются выше, тогда какъ опустошительная война лишь только прекратилась, когда всѣ источники изсякли или закрыты, когда бѣдствіе является во всѣхъ ужасныхъ своихъ видахъ, когда во всѣхъ государствахъ жалуются на недостатокъ въ деньгахъ, и когда надежда, сія послѣдняя подпора несчастныхъ, исчезать начинаетъ. Такія обстоятельства весьма непріятны, и нѣтъ никакой причины ожидать скорой перемѣны. Имя Бриттовъ нѣкогда почтенное, скоро всѣми произносимо будетъ не иначе, какъ съ

омерзѣнїемъ; ибо ихъ неизлѣчимая, ужасная страсть господствованїя на моряхъ есть всему виною.

Нѣтъ; нынѣшнїе ведемудрые правители Англїи не разочли, какїя слѣдствїя должны быть отъ ихъ пагубныхъ намѣренїй, отъ ихъ насильственныхъ распоряженїй. Весьма было бы смѣшно думать — и этого можно ожидать только отъ тупыхъ головъ Бриттанскихъ, незаботящихся узнать положенїе народовъ Европейскихъ — будто безъ ихъ мануфактурныхъ издѣлїй обойтись никакъ не льзя; а еще смѣшнѣе мечтать, будто новая торговля съ Бразилїею, положимъ даже и съ Америкою Испанскою — землями, гдѣ великое множество разныхъ произведенїй, которыхъ покупать не кому — можетъ замѣнить торговлю Европы, гдѣ почти каждой житель, богатой и бѣдной, большой и малой, всѣ напрерывъ до сихъ поръ старались питать Англинскую торговлю, мореплаванїе и промыслы. Ежели дадутъ намъ время отвыкнуть отъ вещей, доселѣ нужными почитаемыхъ, или открыть другїя средства производить торговлю, или у себя дома найти замѣну произведенїямъ, изъ-за морей вывозимымъ: то мореплаванїе Англичанъ рушится, доходы ихъ чрезвычайно уменьшатся, безчисленное множество

ихъ матросовъ оскудѣетъ, и нынѣ страшная морская сила превратится въ ничтожный призракъ. Къ чему жь тогда послужатъ острова западной Индїи, за которые кровь лилась рѣками? Ни къ чему; ибо плавать къ нимъ и удержать ихъ за собою уже будетъ не возможно, и сїи острова достанутся въ добычу или Французамъ, или Американцамъ. Такимъ образомъ богатства Англїи въ ничто обратятся.

Ежели смотрѣть на Великобританїю, какъ на одно изъ первостепенныхъ государствъ Европы; то она, имѣя владѣнїя разсѣянныя по всему земному шару, и слѣдственно силу не въ одной точкѣ соединенную, отнюдь не принадлежитъ къ числу державъ истинно великихъ и прочныхъ; она могла держаться не другимъ чѣмъ какъ торговлею, мореплаванїемъ, промыслами, благоразумнымъ управленїемъ. Но министры не уважили сихъ твердыхъ подпоръ государства, и въ высокомѣрїи своемъ помышляя только о суетныхъ дѣлахъ и частныхъ выгодахъ своихъ, рѣшились играть благомъ своего отечества и политическимъ бытїемъ своимъ. Всякой мыслящїй читатель по вышепредложеннымъ замѣчанiямъ разсудитъ и догадается, чѣмъ все сїе можетъ и должно окончиться.

Паденїе государства Англїйскаго сопричислено будетъ къ слѣдствїямъ Французской войны революцїонной.

При столь худомъ положенїи дѣлъ, при столь несперпимой остановкѣ въ торговлѣ, при столь мучительной неизвѣстности скоро ли послѣдуетъ желаемая перемѣна, весьма нужно обратить намъ все свое вниманїе на то, какимъ бы образомъ отказаться отъ тѣхъ вещей, безъ коихъ обойтись можемъ, и рѣшительно опредѣлить различїе между вещами потребными и совершенно излишними. Оставляя другимъ назначить сїю статистическую и дїэтетическую черту, предложу слѣдующїя замѣчанїя:

Ежели только мы откажемся отъ Англїйскихъ и прочихъ заморскихъ издѣлїй и произведенїй, угождающихъ роскоши и лакомству, но не такихъ, безъ коихъ уже никакъ бы нельзя прожить на свѣтѣ; ежели богатые люди, желающїе по прежнему пить кофе, постараются доставать его прямо изъ Леванта и посредствомъ каравановъ, въ чемъ безъ сомнѣнїя успѣть не трудно; то останутся *врачебные припасы* и *сахаръ* въ числѣ истинныхъ потребностей. Славный Гуфландъ недавно объявилъ уже, чемъ замѣнить можно пер-

вые. Чтожь касается до сахару, сей общей всѣхъ Европейскихъ народовъ и главнѣйшей, послѣ хлѣба, потребности; то дѣйствительно предстоятъ здѣсь великія затрудненія. Кромѣ того что онъ пріятенъ для вкуса, многіе опыты подтвердили полезнѣйшія дѣйствія его въ лѣченіи болѣзней; напротивъ до сихъ поръ не слыхано, чтобы онъ вреденъ былъ для человѣческаго тѣла. Одинъ почтенный и опытный врачь Французскій, съ которымъ я о семъ еще въ 1779 году разговаривалъ, сказалъ между прочимъ: Le sucre ne fait du mal, qu' à la bourse; т. е. сахаръ вреденъ только для кошелька. Гофманъ, знаменитѣйшій врачь, въ послѣдніе годы жизни, работая въ кабинетѣ, обыкновенно имѣлъ подлѣ себя тарелку съ сахаромъ.

Славный Астрономъ Гелль, посыланный въ 1763 году отъ Вѣнскаго Двора въ Англію для наблюденія тамъ прохожденія Венеры черезъ Солнце, въ Географо-историческихъ своихъ извѣстіяхъ, читанныхъ тогда съ немалымъ любопытствомъ, подтверждаетъ чрезвычайно полезныя дѣйствія сахару. Онъ дѣлалъ опытъ въ Торнеѣ надъ однимъ умирающимъ мальчикомъ, отъ котораго врачи рѣшительно отказались, не зная чѣмъ помочь ему; сахаръ

чудеснымЪ образомЪ спасЪ больнаго отЪ смерти.

Такїе примѣры должны бы возбудить вЪ насЪ ревностное старанїе поискать способовЪ кЪ замѣнѣ чѣмЪ-нибудь сахару западной Индїи, чтобы намЪ избавиться зависимости отЪ купцовЪ и промышленниковЪ заграничныхЪ, а еще болѣе освободиться отЪ деспотическихЪ прихотей БриттанскихЪ министровЪ. Не смотря однакожЪ на то, о добыванїи сахару изЪ свеклы и изЪ виноградныхЪ зеренЪ до сихЪ порЪ мало заботятся. Безпечность наша столь велика, что еще вЪ Январѣ мѣсяцѣ обЪявленное вЪ Германїи новое открытїе доставать сахарЪ изЪ явороваго дерева, извѣстнаго испытателямЪ природы подЪ именемЪ Acer pseudo-platanus, донынѣ остается безЪ надлежащаго изслѣдованїя. Сей способЪ найденЪ жителемЪ Водскаго кантона, *Дюфуромъ Монтре* (Dufour de Montreux), бывшимЪ долгое время вЪ Америкѣ. ОнЪ доставилЪ Люцернскому Обществу соревнованїя нѣсколько кусковЪ приготовленнаго имЪ самимЪ сахару изЪ соку яворовaго дерева.

А.

V.

Что прежнимъ Испанскимъ правительствомъ сдѣлано для Испаніи?

Люди, которые не за долго передъ симъ посѣщали Испанїю, безъ ненависти и безъ любви къ ней, и пристальными глазами спокойно разсматривали ея состоянїе, признаются, что правительство въ послѣднїя десять и болѣе лѣтъ много сдѣлало для блага народнаго просвѣщенїя, для успѣховъ наукъ и землепашества. Къ числу сихъ людей принадлежитъ и *Бургоэнь*, соединяющїй въ себѣ обширныя знанїя съ благородною душею, другъ и проповѣдникъ всего добраго, полезнаго и справедливаго. Одинъ политической соперникъ *Бургоэня* въ новомъ своемъ путешествїи по Испанїи (*) отвѣчаетъ слѣдующее на вопросъ, выше предложенный:

„Со времени вступленїя на престолъ нынѣшняго Короля Карла IV, въ Испанїи оказались перемѣны, весьма выгодныя для художествъ, наукъ и государства. Общественные памятники и полезныя учрежденїя служатъ яснымъ доказательствомъ попечительности правительства, заботящагося о благѣ подданныхъ. Король, не щадя великихъ издержекъ, посылаетъ ум-

---

(*) Nouveau Voyage en Espagne. Paris, 1805.

ныхъ людей и прилѣжныхъ воспитанниковъ путешествовать въ чужїе края, для того чтобы они узнавали спасительныя учрежденїя, и потомъ вводили бы оныя въ своемъ отечествѣ. Въ спокойнѣйшїя времена правительство призывало въ государство свое полезныхъ чужестранцовъ для поправленїя мануфактуръ и фабрикъ. Во время смятенїй во Францїи оно уже не такъ часто отваживалось на то, боясь распространенїя пагубныхъ мнѣнїй внутри Испанїи.“

„Едва ли гдѣ-либо найти можно столь доброе правительство, каково Испанское. Каждому подданному открыты способы доводить требованїя свои и жалобы до самаго престола, и каждой увѣренъ, что его выслушаютъ благосклонно. Король поутру и ввечеру принимаетъ прошенїя у крыльца, и снизходительно слушаетъ тѣхъ, которые имѣютъ нужду говорить съ нимъ. Бѣдный, несчастный, послѣднїй изъ подданныхъ смѣло приближается къ своему Государю, которой, ограждаясь любовїю народа, въ кругу подданныхъ своихъ находится въ такой же безопасности, какъ бы охраняемъ былъ рядами тѣлохранителей.“

„Всѣ чины и званїя равны передъ Монархомъ; всѣхъ Испанцовъ безъ различїя называетъ онъ словомъ *ты*. И вель-

можу первостепеннаго, имѣющаго важное преимущество при торжественныхъ случаяхъ стоять передъ Королемъ съ накрытою головою, и нищаго, и полководца, и простаго воина, всѣхъ привѣтствуетъ онъ отеческимъ словомъ *ты*.“

„Обративъ наши взоры на важнѣйшія учрежденія, къ общему благу клонящіяся, увидимъ, что внутри государства устроены большія дороги, заведены сады ботаническіе, вырытъ каналъ Аррагонскій, уничтожено нищенство сооруженіемъ богадѣленъ. Благонамѣренныя общества старались распространять промыслы и рукодѣлія. Торговля и землепашество, мануфактуры и фабрики доведены до хорошаго состоянія. Фабрики въ Сеговіи и Гвадалашарѣ, въ которыхъ дѣлаютъ тонкія сукна, въ Ескарагѣ, Бокарентѣ, Онтементѣ, Алкоѣ, Грацалемѣ и Терассѣ въ Каталоніи, въ которыхъ дѣлаютъ сукна низшаго разбора, шелковыя фабрики въ Валенціи, гдѣ 40,000 человѣкъ заняты работою, позументныя, шляпныя фабрики и другія служатъ доказательствомъ, что правительство заботилось о всѣхъ промыслахъ и рукодѣліяхъ.“

„Карлъ III страстно любилъ звѣриную ловлю, и тысячи оленей опустошали засѣянныя нивы поселянъ, жившихъ въ окрестности мѣстопребыванія Коро-

левскаго. Карлѣ IV, возшедши на престолѣ, тотчасѣ велѣлѣ перестрѣлять до одного всѣхѣ сихѣ вредныхѣ животныхѣ. Теперь нигдѣ нѣтѣ ихѣ, кромѣ саду Королевскаго, и земледѣлецѣ благословляетѣ Монарха, которой благо общее предпочитаетѣ любимой своей склонности."

„Во всѣхѣ частяхѣ Испанїи можно видѣть памятники благотворительности ея обладателя. Деньги, накопленныя Королемѣ Карломѣ III сѣ 1783 года, употребилѣ Карлѣ IV для ободренїя трудолюбивыхѣ обществѣ, пекущихся о распространенїи художествѣ, землепашества и рукодѣлїй. Забавляясь звѣриною ловлею, Карлѣ IV любилѣ разговаривать сѣ поселянами о землепашествѣ, и на прощаньѣ обыкновенно жаловалѣ имѣ подарки."

Вѣ Рижскомѣ Зрителѣ написано, что статья сїя взята изѣ листковѣ издаваемыхѣ вѣ Лейпцигѣ. Это очень уже старо для нашего времени; теперь вѣ Мадритѣ разсуждаютѣ другимѣ образомѣ. Вотѣ извлеченїе изѣ журнала Мадритскаго:

„Испанцы! когда вы вѣ достопамятное правленїе Карла V и Филиппа II господствовали надѣ Европою, и заставляли ее бояться, чтобы всемїрная имперїя вѣ удѣлѣ вамѣ не досталась; тогда имѣли мы Королей великихѣ. Но когда послѣ того

дѣла пошли другимъ порядкомъ; то сїе значило, что правительство досталось въ слабыя руки. Испанїя часъ отъ часу болѣе изнемогала. Она едва помнила только о прежней славѣ своей, между тѣмъ какъ Французы, чувствуя со стыдомъ, до какой низкой степени опустились они подъ управленїемъ слабыхъ государей, свергли ихъ съ престола. Нынѣ Францїя получила новое бытїе и достигла высоты, неизвѣстной до сего времени. Когда всѣ части ея укрѣплялись и приводимы были въ цвѣтущее состоянїе, какое позорище представляла Испанїя? Король добрый, но слабый — — Рыцарь фортуны, безъ дарованїй, безъ чести управлявшїй судьбою народа — — государство безъ войска и безъ доходовъ — — правительство безъ порядка .... Какой Испанецъ могъ безъ ужаса взирать на различїе между обоими народами! Надъ однимъ господствуетъ Монархъ съ великимъ умомъ, съ рѣшительною волею; надъ другимъ Король слабый, полагающїйся на прихотливыя внушенїя своего любимца! — — — Если бы Принцъ Астурїйскїй сдѣлался Королемъ Испанїи, то безпрестанныя жалобы отца всегда подавали бы причины ко внутреннимъ безпокойствамъ, и государство ежедневно страдало бы отъ новыхъ судорогъ. Владычество новаго Короля было бы при-

мѣромъ для семейства его, и питало бы зародышь опустошительныхъ перемѣнъ въ государствѣ. А ежели предположить еще, что Императоръ Наполеонъ принялъ бы сторону противную, то само собою открывается, что Каталонїя, Наварра, Биская, Аррагонїя, короче, всѣ области даже до рѣки Эбра были бы отторжены отъ Испанїи, и тогда-то насталъ бы конецъ ея. — — — Испанцы! мы теперь въ необыкновенномъ положенїи находимся. Короли Испанскїе, и Карлъ и Фердинандъ, собственными руками разорвали узы, соединявшїя ихъ съ подданными. Одинъ сошелъ съ престола, послушавшись нѣсколькихъ мятежниковъ; другой, насильствомъ и происками низложивъ отца своего, нарушилъ государственныя постановленїя. Теперь уже нѣтъ ихъ между нами; они отправились предстать судилищу. Многочисленныя войска вступили въ наши крѣпости и въ самую столицу. Францїя вдвое многолюднѣе Испанїи; войска ея втрое сильнѣе нашихъ; часть нашего войска находится въ ихъ власти. И такъ ежели обьявимъ войну Францїи, чѣмъ она должна окончиться? потерею лучшихъ областей и Америки, которая тогда отъ насъ отложится, и проч.

VI.

Извѣстія и замѣчанія.

Новый Король Испанскій отправился изъ Байоны въ Мадритъ при пушечныхъ выстрѣлахъ. За день до отъѣзда его, Юнта имѣла свое двѣнадцатое и послѣднее засѣданіе. Въ сіе время Король Іосифъ произнесъ на Испанскомъ языкѣ рѣчь, въ которой между прочимъ сказано было: „Продолжающіяся въ нѣкоторыхъ провинціяхъ волненія прекратятся, какъ скоро народъ увидитъ, что вѣра, независимость и цѣлость государства обезопасены, и что драгоцѣнныя права его признаны ненарушимыми; онѣ прекратятся, когда народъ увидитъ въ новыхъ постановленіяхъ сѣмена благоденствія — — — Непріятель твердой земли, при помощи распространяемыхъ имъ смятеній, можетъ надѣяться, что мы потеряемъ Индійскія наши поселенія. Всѣ Испанцы должны открыть глаза, и соединиться вокругъ престола. Ежели и они рѣшительно готовы на равныя съ нашими пожертвованія, то скоро Испанія будетъ внутри спокойною и счастливою, а внѣ справедливою и сильною. Исполненіе сего пріемлемъ на себя съ полнымъ упованіемъ при подножіи престола Бога Всемогущаго, Который вѣдаетъ тайну сердца человѣческаго, управляетъ

онымъ по Своему произволу, и никогда не оставляетъ тѣхъ, кои любятъ свое отечество и никого, кромѣ совѣсти своей, не боятся.“ Потомъ Король присягалъ, что постарается исполнить свои обязанности. Въ Мадритѣ нетерпѣливо ожидаютъ прибытія Его Величества, полагая, что народъ увидѣвъ Государя своего, знатнѣйшими особами окруженнаго, перестанетъ безпокоиться и обратится къ должному повиновенію. — Въ Испанской столицѣ теперь господствуетъ совершенное спокойствіе. Видно, что послѣ произшествій 2 Мая отважные начиньщики потеряли охоту заводить смятенія. Сказать правду, это было бы крайне безразсудно и для нихъ невыгодно; ибо въ Мадритѣ находится Французскаго войска около 30,000, и всѣ мѣста возвышенныя уставлены пушками. Нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторые люди желаютъ распространить безпокойство въ народѣ, а особливо по причинѣ доходящихъ слуховъ о мятежахъ, свирѣпствующихъ въ южной части королевства. Неблагопріятные слухи сіи, къ сожалѣнію, оказываются справедливыми. Въ Сеговіи, Сарагоссѣ, Нижней Андалузіи, Валладолидѣ и другихъ мѣстахъ доходило до кровопролитныхъ сшибокъ между мятежниками и Французскими войсками, состоящими подъ начальствомъ

Маршаловъ Монсея и Бессьера. Изъ сѣверной части Франціи и другихъ мѣстъ отправляютъ солдатъ на крестьянскихъ телегахъ съ величайшею поспѣшностію къ Испанскимъ предѣламъ. Главное начальство будетъ поручено, какъ сказываютъ, Маршалу Массенѣ, которой уже прибылъ въ Байону, а Гроссъ-Герцогъ Бергскій возвратился во Францію для поправленія здоровья, и можетъ быть для занятія празднаго престола въ Неаполѣ.

Въ разныхъ вѣдомостяхъ пишутъ, что Англійское правительство твердо рѣшилось помогать Испанцамъ и, въ случаѣ надобности, Португальцамъ, которые однакожь ничего еще до сихъ поръ не начинали. Всѣ Испанскія пристани, не во власти Французовъ находящіяся, освобождены отъ осады; кораблямъ невоюющихъ державъ открытъ къ нимъ путь свободный; Испанскіе корабли и товары захваченные Англичанами, будутъ содержаны съ особливою бережливостію впредь до повелѣнія; флотъ Адмирала Сомареца отъ береговъ Норвежскихъ пустился къ Испаніи, куда отправляется много войска, оружія и денегъ для пособія мятежникамъ. Генералъ Веллеслей, которому назначено было дѣйствовать въ Испанскихъ селеніяхъ въ Америкѣ, теперь долженъ плыть къ сѣвернымъ берегамъ Испаніи. Мятежники

послали отъ себя къ Англійскому Министерству Депутатовъ, въ числѣ коихъ находится и Герцогъ Санта Круцъ. Сіи безпокойные люди гнѣздятся между горами въ Галлиціи и Астуріи. Ничего не скажемъ ни о произшествіяхъ, будто бы случившихся въ Кадиксѣ, ни о томъ, что Англичане покорили Майорку, Минорку и Ивику; извѣстія сіи требуютъ еще подтвержденія.

Участіе Англіи въ мятежахъ, внутри Испаніи происходящихъ, напоминаетъ о войнѣ, передъ симъ за сто лѣтъ бывшей между Испаніею и Франціею. Тогда Испанскій народъ былъ раздѣленъ на двѣ противныя стороны: одна хотѣла имѣть Королемъ своимъ Герцога Орлеанскаго; другая Эрцгерцога Австрійскаго Карла. Лудовикъ XIV для подкрѣпленія перваго посылалъ свои войска; Англійская Королева Анна, Римскій Императоръ, Голландія и Сардинія помогали послѣднему. Почти всѣ знаменитѣйшіе полководцы Лудовиковы начальствовали въ Испаніи одинъ послѣ другаго; съ Англійской стороны сражался, и очень счастливо, славный полководецъ Лордъ Петерборугъ. Извѣстно, что Франція тогда истощилась, и Лудовикъ принужденъ былъ оставить внука своего; но Англичане, тѣмъ недовольные, требовали еще, чтобы онъ самъ помогъ

имЂ выгнать Филиппа изЂ Испанїи. Кончина Императора Іосифа I перемѣнила обстоятельства. КарлЂ получилЂ Австрїйскую монархїю и достоинство Императорское. Англичане признали за полезнѣйшее, чтобы Французскїй ПринцЂ владѣлЂ одною Испанїею, и чтобы сїе государство не было соединено сЂ Австрїею подЂ однимЂ правителемЂ. ИмператорЂ остался доволенЂ однѣми Италїянскими областями, принадлежавшими прежде Испанїи. Нынѣшнїя обстоятельства ни мало несходны сЂ тогдашними. Престарѣлый ЛудовикЂ обладалЂ только Францїею: НаполеонЂ, кромѣ Францїи, управляетЂ и тѣми государствами, кои тогда противились Лудовику. Слѣдственно АнгличанамЂ не такЂ-то легко успѣть вЂ начатомЂ дѣлѣ.

*

Австрїя, по видимому, сЂ нѣкотораго времени беретЂ великое участїе вЂ дѣлахЂ Турцїи. Устроенїе земскаго войска продолжается сЂ необыкновенною дѣятельностїю, и притомЂ весьма успѣшно. На монетныхЂ дворахЂ много приготовлено денегЂ, которыя однакожь еще не пущены вЂ оборотЂ. — ВЂ СтразбургѢ ожидаютЂ скораго прибытїя Императора Наполеона. — Нынѣшнїй Король Испанскїй издалЂ вЂ БайонѢ новое уложенїе для Неаполитанскаго Королевства. — Вопреки распростра-

нившимся слухамъ, Пруссія не присоединилась къ Рейнскому союзу. Участь ея до сихъ поръ не рѣшена, и Французы всё еще гостятъ въ Берлинѣ. Вѣроятнѣе, что она приступитъ къ *Сѣверному Союзу*, о которомъ господа политики снова разсуждать начинаютъ. — Персидскій посолъ Аскеръ Ханъ прибылъ въ Парижъ съ многолюдною свитою. — Шведы совершенно выгнаны изъ Норвегіи.

Іюля 23 дня скончался знаменитый заслугами Генералъ отъ инфантеріи Александръ Андреевичь Беклешовъ, на 68 году отъ рожденія. Бывши нѣкогда Губернаторомъ въ Ригѣ, онъ особенно полюбилъ сей городъ, и получивъ наконецъ увольненіе отъ службы, провелъ въ немъ остатокъ жизни. Послѣдній подвигъ его пребудетъ незабвеннымъ для Рижскихъ гражданъ и всѣхъ жителей Лифляндіи. Въ началѣ нынѣшняго года, при оказавшемся недостаткѣ въ хлѣбѣ, онъ скорыми и дѣятельными своими распоряженіями многихъ избавилъ отъ голодной смерти. Облагодѣтельствованные имъ рыдаютъ надъ его могилою.

Августа 11 *дня.*

КОНЕЦЪ XL ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ЧЕТЫРЕДЕСЯТОЙ ЧАСТИ.

IЮЛЬ, No 13.

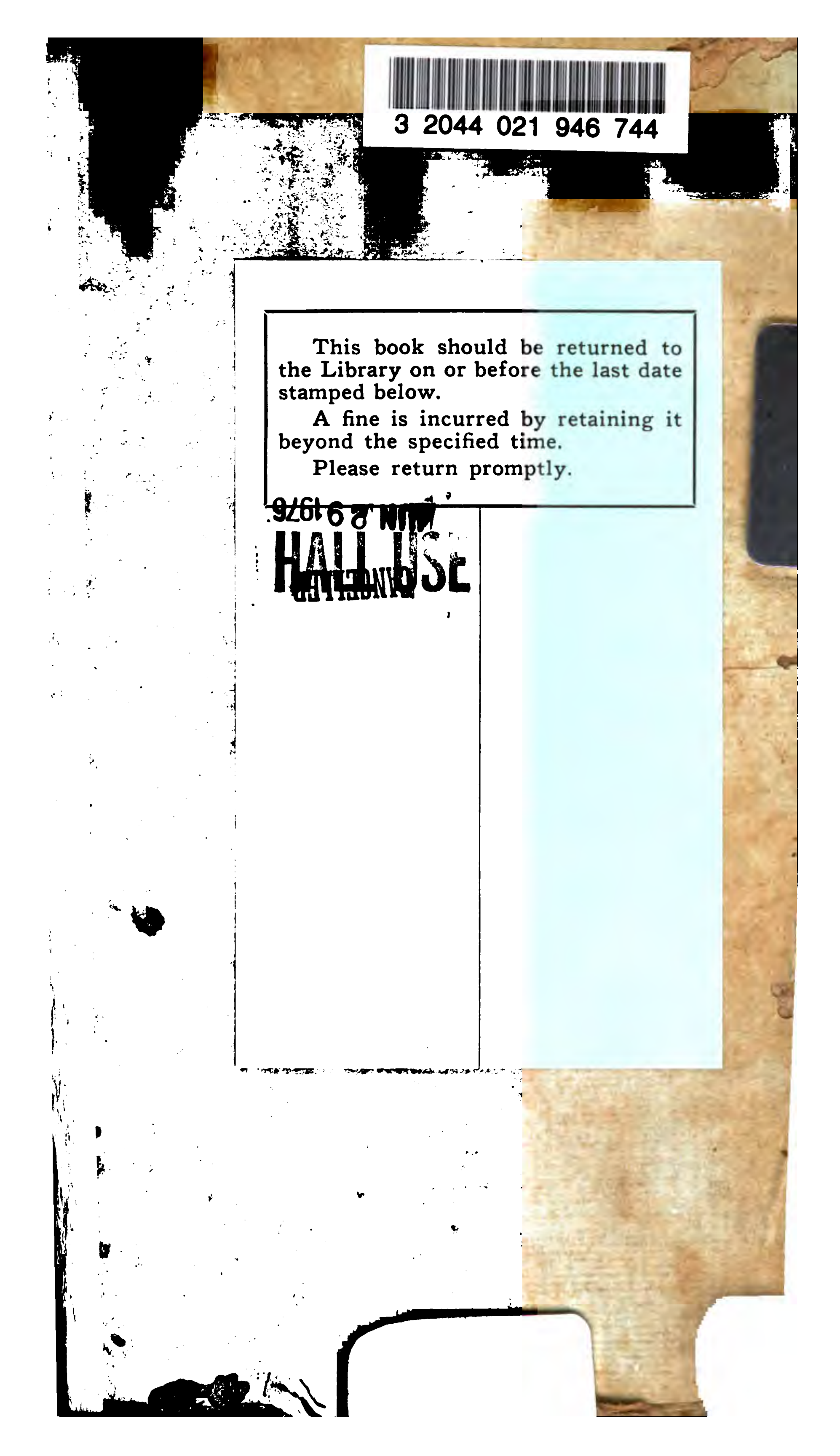
IЮЛЬ. No 14.

АВГУСТЪ, No 15.

Стра

АВГУСТЪ, No 16.

10 pgs.

3 2044 021 946 744